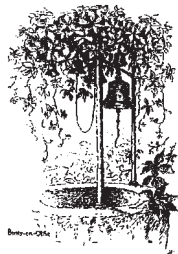

*К шестидесятипятилетию
основания Покровского монастыря
в Бюсси-ан-От*

Монахиня Силуана

ИГУМЕНЬЯ ЕВДОКИЯ

Жизнеописание монахини Евдокии,
игуменьи Покровского монастыря
в Бюсси-ан-От

Москва
2011

*По благословению
Высокопреосвященного Гавриила Команского,
архиепископа Православных Русских Церквей
в Западной Европе,
экзарха Патриарха Вселенского*

Книга выпущена при поддержке ассоциации
«One for All Artists»

Автор от имени Покровского монастыря приносит благодарность протоиерею Артемию Владимирову, протоиерею Николаю Доненко, иеромонаху Амвросию (Никовётису), иеромонаху Серафиму (Кречетову), монахини Антонии (Колаковой), Г. В. Анохиной, И. Б. Басовой-Заборовой, А. А. Баум, Ф. А. Бауму, Е. В. Вольской, Б. А. Заборову, Н. Г. Зелениной, Н. А. Кирилловой, А. Д. Коростелёвой, Л. В. Кошеваровой, И. В. Кривовой, А. М. Можайскому, Н. М. Морозовой, М. П. Москалык, А. П. Нивьеру, Л. П. Паутовой, О. И. Пономарёвой, Е. П. Семитко, Г. Н. Тимошковой, А. Я. Хацкелевичу, Н. Е. Шансон, Н. А. Шмеман, А. А. Эйлеру, Е. В. Эйлер и всем, кто бескорыстно помогал в издании этой книги.

ISBN 978-5-94119-065-2

© Monastère Notre Dame de Toute Protection
© Монахиня Силуана (Гуляева)

Вступительное слово

Предлагаемое читателю описание жизни и церковной деятельности монахини Евдокии, основательницы и первой игуменьи Покровского монастыря в Бюсси-ан-От (Бургундия), следует приветствовать как ценное и незаменимое свидетельство о возникновении и развитии сей обители во Франции на фоне трагических церковных и политических событий первой половины XX века в России и Западной Европе.

Автор жизнеописания, монахиня Силуана, по благословению матери Ольги, в настоящее время здравствующей игуменьи Покровской обители, сумела собрать исключительно интересный, подробный и подчас неизвестный доселе материал, освещающий не только жизненный подвиг матери Евдокии, но и повествующий о многих церковных лицах и верующих людях — таких, как митрополит Евлогий, мать Мария (Скобцова), В. Б. Ельяшевич и другие, — образы которых воскресают на страницах книги.

Несомненно, что с самого основания на монастыре в Бюсси-ан-От почивала благодать Божия и благословенный Покров Царицы Небесной. Мы молимся и верим, что монастырь явится и впредь избранным уделом Божией Матери и сохранит преемственность духовного наследия блаженных её основателей.

С юных лет мне довелось посещать Покровскую обитель и много общаться с матерью Евдокией и её сёстрами-монахинями, а затем и служить в Покровском храме. Я испытываю чувство глубокой благодарности к Богу за то, что на закате дней нам с женой дано жить близ обители, которая столь много значит в нашей жизни.

Протопресвитер Борис Бобринский,
профессор, заслуженный декан
Свято-Сергиевского Богословского
Православного Института в Париже

Предисловие

«Жизнеописание монахини Евдокии», написанное монахиней Силуаной — это книга о возрастании духа, которому открывается Бог. Что и ставит это произведение в разряд книг духовных.

Бесспорная ценность этой книги — в достоверности биографических и исторических фактов, собранных и изложенных с тщательностью научного исследования. В результате кропотливых поисков её автору удалось найти уникальные документы и свидетельства. Большая часть документов и почти все фотографии и письма¹ публикуются впервые и сопровождаются подробными комментариями. Несомненно, книга найдёт своего читателя не только среди тех, кто интересуется историей русского православия, но и в среде священников и богословов. Эту книгу можно использовать и как источник серьёзного справочного материала. Принцип, по которому текст разбит на чётко обозначенные главы, помогает легко возвращаться к тем или иным страницам.

Как правило, скрупулезное внимание к деталям сужает обзор и пишущего, и читающего, концентрируя взгляд в ограниченном пространстве. Книга м. Силуаны, напротив, пространство расширяет, выводит его за пределы горизонта, обозначенного темой — история жизни игуменьи Евдокии. Рассказывая о жизни одного человека, м. Силуана пишет историческое полотно как фон, на котором эта жизнь проходит. Но в то же время это не сухое повествование. Для каждой ситуации, для каждого волнующего момента она находит точные и убедительные слова, трогающие за сердце. М. Силуане посчастливилось не только найти важные для её исследования документы и письма, но и удалось проникнуться духом тех, кто их писал. Такая работа требует особого таланта, таланта видения прошлого таким, каким оно было задолго до собственного рождения.

---

¹ Из 28 писем, предложенных в книге вниманию читателей, только 2 были опубликованы прежде.

У меня нет надобности пересказывать все перипетии жизни м. Евдокии (Куртэн) — м. Силуана сделала это значительно более полно, чем могу сделать я. Автор с почтительной любовью пишет о тех, кто находился рядом с м. Евдокией и кто помогал ей на её нелегком пути. Но она пишет и о том, — и это очень важный момент в книге — что дар молитвы первой Покровской игуменьи сочетался в ней с постоянной готовностью к деятельной доброте.

М. Евдокия не избежала трагической судьбы тысяч русских людей, которые в послереволюционные годы были вынуждены покинуть Россию. И книгу м. Силуаны можно условно разделить на две части — до и после, жизнь в России и жизнь вне России, во Франции. Но если первая часть книги воспринимается читателем как развернутое историческое полотно, то вторая её часть — рассказ о монашестве, написанный монахиней, — является важным свидетельством о монастырской жизни.

Читая книгу, мы видим, что, вопреки расхожему мнению, монахинями становятся не глупые, бедные и необразованные женщины, а часто как раз наоборот — умные, образованные, знатные... Следуя за Христом, принёсшим Себя на Кресте в жертву за всё человечество, монашествующие начинают свой путь с самопожертвования. Почувствовав таинственный Божий призыв, они оставляют суетный мир, чтобы в тяжёлой работе, в постах и смирении обрести молитвенное дерзновение и внутреннюю тишину сердца. Покровские монахини-основательницы в Бюсси-ан-От не боялись трудов, не жалели себя, и благодаря этому так ощутимо благословение Божие, почивающее на их обители.

Мне выпало счастье бывать под сенью этого молитвенного места. И имя первой игуменьи монастыря Покрова Пресвятой Богородицы мне близко и знакомо ещё с тех, уже далеких времён, когда я в первый раз приехала в обитель. М. Евдокии к тому времени уже не было в живых, монашескую общину возглавляла её верная сподвижница м. Феодосия, одна из четырёх основательниц монастыря, единственная из них оставшаяся к тому времени в живых.

М. Феодосия всегда верила в то, что м. Евдокия помогает ей управлять монастырем. Во всех затруднительных случаях она к ней молитвенно обращалась за помощью и неизменно эту помощь получала. М. Феодосия была человеком проницательным и мудрым и твёрдо хранила те устои, которые с самого начала были заложены в монастыре усилиями м. Евдокии: открытость

миру, терпимость по отношению к другим вероисповеданиям, готовность понять иную точку зрения — при истовой верности православию.

М. Силуана в своем рассказе о монастыре, ставшем её домом, старается не забыть ни одного имени, не пропустить ни одного важного события. И по-прежнему главным действующим лицом в её повествовании остается м. Евдокия, чей голос явственно слышен со страниц книги. Письма игуменьи насыщены заботой о монастыре и о судьбе каждой монахини, глубокими размышлениями о молитве и о православной вере.

Для игуменьи Евдокии нынешнее время было отдалённым будущим. Тем не менее, она его предвидела. И заранее готовила себе замену, исходя из интересов монастыря — обе игуменьи, м. Феодосия и нынешняя настоятельница монастыря м. Ольга, были и остаются продолжательницами её дела.

Покровская обитель живёт, растёт, её знают во всем Православном мире. И маленькая французская деревушка привлекает к себе всё больше и больше православных людей, многие из которых селятся здесь, желая быть поближе к монастырю. Это означает, что и в наше столь сумбурное время в людях живёт жажда Бога и необходимость в молитве. И как важно, как необходимо на каждом этапе жизненного пути иметь доброго пастыря и уметь вершить молитву. Игуменья Евдокия, создавая монастырь практически на голом месте, исходила из веры в чудодейственную силу молитвы. Истовая молитва была орудием и её преемницы игуменьи Феодосии. Молитва — это слово стоит у истоков монашества. Молитва личная, келейная, но и церковная — как верность православной традиции, как сохранение её. Не случайно церковь была первой заботой четырёх монахинь, основавших обитель. И как радостно знать, что заботой игуменьи Ольги на территории монастыря недавно воздвигнут Храм Преображения Господня. И что продолжается в Покровской обители постоянная молитва за всех и за каждого, и всякий день поминается имя игуменьи Евдокии.

Монастырь бережно хранит память о своей основательнице и продолжает жить по её заветам.

Ирина Басова
Париж

Глава 1

Детство. — Ялтинская гимназия. — Отец Сергей Щукин. — Юность. — Замужество. — Красный террор в Крыму

Монахиня Евдокия (в миру Екатерина Эдуардовна Меще-рякова, урождённая Куртэн) известна как основательница православного женского монастыря Покрова Пресвятой Богородицы, расположенного в Бургундии в селении Бюсси-ан-От, и его первая игуменья. Она родилась 10 ноября по старому стилю 1895 года в Москве (дом Кашкина, Мыльников переулок на Чистых прудах).

Отец игуменьи Евдокии, Эдуард Эдуардович Куртэн, был по происхождению француз. Его бабушка, Альфонсина Буланже, происходила из семьи крупных промышленников де Флинтов, в жилах которых текла как французская, так и шотландская кровь. Вместе со своим братом Александром де Флинтон¹ Альфонсина Буланже приехала из Франции в Россию. Они поселились в Санкт-Петербурге и занялись преподаванием французского языка. Дочь Альфонсины Буланже² вышла замуж за французского Эдуарда Куртэна. В 1870 году в Санкт-Петербурге у Куртэнов родился сын, которого назвали в честь отца Эдуардом, его крестили в католической церкви святой великомученицы Екатерины. Мальчиком родители отвезли его во Францию, где он получил

---

¹ Александр Иванович де Флинт (1829—1894) был учителем великих князей Николая, Александра (будущего императора Александра III), Владимира и Алексея Александровичей и дослужился до звания тайного советника. Преподавал французский язык в Пажеском корпусе (1855—1886), затем в Николаевской академии Генерального штаба и Петербургском коммерческом училище. А. И. де Флинт был крёстным отцом Эдуарда Куртэна, отца м. Евдокии.

² Дочь Альфонсины Буланже звали тоже Альфонсиной. Полное имя её мужа было Эдуард-Иосиф-Людовик Куртэн. Одним из их сыновей и был Эдуард-Карл-Александр-Евгений Куртэн, или Эдуард Эдуардович.

Lorenz

ST PETERSBOURG
PERSP. DE NEVSKY №4.

Французская прабабушка Альфонсина Ивановна Буланже

Эдуард Куртэн в детстве

образование. Оба языка — и французский, и русский — Эдуард знал одинаково хорошо. Он любил музыку и неплохо играл на скрипке. Разносторонне способный человек, он успешно справлялся с любой работой. В 1895 году, выдержав в Петербурге экзамены, Куртэн получил право преподавать французский язык в гимназиях и прогимназиях.

Мать игуменьи Евдокии, Мария Георгиевна, родилась в 1869 году. Русская, урождённая Борисоглебская. Её отец, генерал-майор Георгий Васильевич Борисоглебский, служил сначала в Варшаве, а потом на границе с Румынией. У Марии в детстве были гувернантки-француженки, благодаря чему она свободно говорила по-французски. Кроме того, она училась музыке и была очень музыкальна. Окончив в Москве Екатерининский институт, Мария Борисоглебская уехала в Петербург. Поводом для её отъезда послужила поспешная женитьба к этому времени овдовевшего Георгия Васильевича. Мария Георгиевна не могла смириться с тем, что отец так скоро забыл её покойную мать. Барышня предпочла уехать в Петербург, чтобы не встречаться с его новой женой. Желая усовершенствовать свой французский язык, она, по рекомендации классной наставницы из Екатерининского института, поступила учиться к мадам Буланже, у которой и познакомилась с будущим мужем.

Мария Георгиевна и Эдуард Эдуардович поженились в 1894 году. Они переехали в Москву, и через год у них родилась дочь, которую Мария Георгиевна в честь своей покойной матери назвала Екатериной. К этому времени Куртэн получил место преподавателя французского языка в гимназии при московском Лазаревском институте восточных языков. Молодая семья не имела большого достатка, и материально им помогала крёстная мать¹ Марии Георгиевны.

Вскоре Георгий Васильевич² заболел туберкулёзом и уехал на лечение в Ментону, известную своим мягким климатом. Мария Георгиевна с девятимесячной дочкой решила его навестить. На Лазурном берегу в Ментоне под апельсиновыми деревьями Екатерина научилась ходить. Там же были сделаны её первые фотографии. Когда дедушке стало лучше, он уехал в Тульчин на место службы, а Куртэны вернулась в Москву.

---

¹ Её имя осталось нам неизвестным.

² В это время Г. В. Борисоглебский был ещё в чине полковника.

*Дедушка Георгий Васильевич
Борисоглебский*

*Бабушка Екатерина
Борисоглебская*

*Мария Борисоглебская в Екатерининском институте
благородных девиц (сидит в первом ряду крайняя справа)*

Эдуард Эдуардович

Ма́рия Гео́ргиевна

Эдуард Эдуардович, Мария Георгиевна и Котик

В это время скончалась «мама-крёстная», оставив после себя большое наследство. Наследниц было три, одна из них — Мария Георгиевна. Каждая получила по 200 000 рублей и, кроме того, иконы, бриллианты, мебель, ковры, персидские шали и прочее. Похоронили «маму-крёстную» в часовне московского Новоспасского монастыря, где прежде нашла упокоение мать Марии Георгиевны.

Генерал-майор Борисоглебский умер на месте службы в Тульчине, где и был погребён. Мария Георгиевна стала видеть своего отца во сне, он жаловался на то, что его совсем забыли. Тогда останки генерала перенесли в часовню Новоспасского монастыря¹ и похоронили рядом с его первой женой.

У Альфонсины Ивановны Буланже в Черниговской губернии было имение Кривуша, недалеко от которого располагался хутор Гуляевка, принадлежавший её родственникам Чарнолуским². Эдуард Эдуардович настоял, чтобы жена по получении наследства купила у Чарнолуских этот хутор. По-видимому, они купили Гуляевку в 1897 году, после чего Куртэн службу в гимназии оставил и занялся приведением нового имения в порядок. Разводил сад, сажал розы, перестраивал дом. Зиму проводили в Москве, где в 1903 году в семье появилась вторая дочь Мария (по-домашнему — Малюся). Мария Георгиевна очень любила путешествовать и всюду брала с собой Котика, как Екатерину называли в семье, а потом и Малюсю. Они ездили во Францию, в Швейцарию, по России. Не было года, который бы они про-

---

¹ Кладбище Новоспасского монастыря в советское время было уничтожено, но надгробие генерал-майора Борисоглебского сохранилось, находится у монастырской стены, и на старом камне без труда можно разобрать надпись: «Генерал-майор Георгий Васильевич Борисоглебский, командир 2-ой бригады 19-ой пехотной дивизии. Скончался 27 июля 1899 года 54 лет от роду».

² Буланже и Куртэны состояли в родстве с Чарнолускими, так как сестра Эдуарда Эдуардовича Сина (Альфонсина Эдуардовна) была замужем за сыном Чарнолуского Алексеем Ивановичем. Чарнолуских было четыре брата: Владимир, Сергей, Григорий и Алексей Ивановичи. За дочерью Сергея Ивановича одно время ухаживал будущий маршал М. Н. Тухачевский. Сыном Чарнолуского (внебрачным) был и нарком А. В. Луначарский. Отец дал ему фамилию, переставив буквы в своей фамилии путём анаграммирования. Когда Сина после революции искала работу, то пошла к Луначарскому. Он её тепло, по-родственному принял и помог устроиться. (Информация почерпнута из записок м. Евдокии).

вели на одном месте. Самое яркое впечатление детства у м. Евдокии — это головокружительная железная дорога через Альпы, по которой они из Европы возвращались в Москву. Любовь к путешествиям осталась в ней навсегда, всю свою жизнь она была лёгкой на подъём и склонной к передвижениям.

Когда Екатерине исполнилось десять лет, родители разъехались. Отец отправился жить в Черниговскую губернию, а Мария Георгиевна с дочками остались в Москве. Котик поступила учиться в Елизаветинский институт благородных девиц¹, но через год заболела корью, не смогла посещать занятия и по программе отстала от сверстниц.

В 1907 году они покинули Москву и поселились в Ялте. Жили в пансионе, потом на разных дачах и наконец сняли большую удобную квартиру. Первое время Котик училась дома, у неё были гувернантки: сначала немка, а потом англичанка, благодаря чему она с детства кроме русского и французского языков владела ещё немецким и английским. Ей приходилось навёрстывать упущенное за время болезни и переездов, она сдавала экзамены экстерном, а шестнадцати лет поступила в 6-й класс Ялтинской женской гимназии, где произошла её судьбоносная встреча с преподавателем Закона Божия отцом Сергием Щукиным (1872—1931).

О. Сергей был известный в Ялте человек, замечательный священник. Семья Куртэнов не отличалась религиозностью — в церковь ходили по большим праздникам. О. Сергей стал духовником Екатерины, глубоко повлиявшим на становление её личности. На склоне лет игуменья Евдокия в своих воспоминаниях об о. Сергии напишет:

В молодости так хочется найти идеал, и о. Сергей вызвал в нас формулу: «если он может быть таким, как мы его узнали, — мы чутко и пристально следили за ним, — то значит, Евангелие осуществимо на земле».

О. Сергей Щукин окончил в 1898 году Петербургскую Духовную Академию. Он был не только священником, но и писателем, обладавшим самобытным литературным талантом. Был знаком с Антоном Павловичем Чеховым, и верная дружба со всей семьёй Чеховых связывала его всю жизнь. Антон Павлович как врач считал, что для здоровья о. Сергию с его

---

¹ После революции был упразднён. В настоящее время — Московский государственный областной университет (ул. Радио, д. 10^а).

В Ментоне с мамой и итальянским мальчиком. Котик на ослике

Котик

Дом в Гуляевке

Котик

Мария Георгиевна с Котиком

Малюся

Котик. Ялта

Эдуард Эдуардович Куртэн с дочками

слабыми лёгкими полезно жить в Крыму и хлопотал перед епископом Таврическим Николаем (Зиоровым) о переводе молодого священника в Ялту. Вскоре о. Сергей Шукин был назначен вторым священником в Аутскую Успения Пресвятой Богородицы церковь¹, неподалёку от которой находился домик Чехова. Прихожанками этой церкви в десятые годы прошлого века стали многие ученицы о. Сергия из Ялтинской женской гимназии.

Юность м. Евдокии протекала в дивной красоте окружающей природы и была согрета солнцем. Его восходы на Чёрном море и Крымские горы, покрытые лесом: Ай-Петри, Бабагун, знаменитая Медведь-Гора — жили в её сердце незабываемыми воспоминаниями. Екатерина Куртэн брала уроки рисования, и после неё остались рисунки с пейзажами Крыма.

Ялтинская женская гимназия, как и большинство гимназий той эпохи, давала своим воспитанницам среднее образование, включавшее подготовительный класс, затем семь основных классов, по окончании которых выдавался аттестат, и восьмой, дополнительный, педагогический, после чего девушки получали звание домашних наставниц. Екатерина Куртэн училась очень хорошо. Став твёрдой отличницей в последних классах, она окончила гимназию с золотой медалью. Выпуск Ялтинской гимназии 1913 года, к которому она принадлежала, был один из самых блестящих — восемь золотых медалей. Медали той эпохи чеканились из чистого золота, стоимость медали была — пятьдесят рублей. Завершив образование в 1914 году педагогическим классом, Екатерина приобрела право преподавать на дому свой любимый предмет — историю.

В молодости Котик очень интересовалась историей, и собрала довольно обширную библиотеку исторических книг. Она вообще имела в обычае читать самые разные книги запоем одну за другой и как-то наткнулась на «Добротолубие», поразившее её духовной глубиной. С этого времени Екатерина в тайниках своего сердца хранила желание когда-нибудь посвятить себя Богу, стать монахиней.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Немецкие корабли обстреливали крымский берег, и Мария Георгиевна уехала с дочками в Москву. Там в её распоряжении оставалась

---

¹ Все члены семьи Чехова были прихожанами этой церкви, а в 1914 г. о. Сергей совершил обряд перехода в православие вдовы писателя О. Л. Книппер-Чеховой.

Протоиерей Сергей Шукин

квартира покойной матери, где они и поселились. Екатерина поступила учиться в Народный университет на отделение словесности, но, не чувствуя в себе способностей к литературе, вскоре оставила университет.

Весной 1915 года Куртэны вернулись в Крым, и Екатерина стала давать частные уроки и преподавать математику на вечерних курсах для рабочих. Ей было уже двадцать лет, и девушка превратилась в статную красавицу с большими выразительными глазами.

Через год она познакомилась с Еленой Карцовой¹, будущей церковной писательницей и дружбу с «дорогой Леночкой» сохранила навсегда. Их совместная фотография, на которой они запечатлены в дни своей молодости, хорошо известна благодаря неоднократной публикации. Елена Карцова, в этот период своей жизни всерьёз помышлявшая о монашестве, делилась планами с новой подругой, и та впервые услышала о духоносных старцах и старицах, подвигающихся в русских монастырях.

Скоро разразилась революция. Густая тьма заволакивала Россию. В Крым хлынули потоки беженцев из всех её областей. Среди них было много интеллигенции, учёных, промышленников, финансистов, представителей высших слоёв общества. По самым скромным подсчётам общее количество беженцев достигало пятисот тысяч человек, но, возможно, их число было и в десятки раз больше. Большевики пытались захватить Крым, но дважды их отбрасывала Добровольческая армия. На третий раз большевики в Крыму удержались, и в январе 1918 года была провозглашена советская власть. В марте образовалась Советская социалистическая республика Тавриды, просуществовавшая месяц. В апреле полуостров Крым по условиям Брестского договора между большевиками и Германией заняли немецкие войска. Их сменили французские вооружённые силы Антанты. Юг России был отрезан от севера, и граница проходила рядом с черниговским имением Куртэнов. Черниговские земли оказались в зоне оккупации немцев, как и вся Украина, хотя она и была объявлена самостоятельной республикой с гетманом Скоропадским во главе. В 1919 году в Крым пришли войска Деникина и Врангеля, а 4 апреля 1920 года на военном совете

---

¹ Елена Юрьевна Карцова (1893—1989), в замужестве Концевич, церковная писательница, жена писателя Ивана Михайловича Концевича, родная сестра агиографа м. Таисии, монахини Покровского монастыря в Бюсси-ан-От.

С Еленой Карцовой (1917)

генерал-лейтенант Пётр Николаевич Врангель был избран главнокомандующим Правительства Юга России¹.

В 1918 году сестры Куртэн познакомились в Ялте с семьёй Рейтлингеров. Юлия Рейтлингер, будущая иконописица, девушка, одарённая редким талантом, была моложе Екатерины Куртэн на три года. Они обе занимались живописью, и это их сблизило. Уже участвовавшая своими рисунками в Художественной выставке 1917 года Екатерина в это время брала уроки ваяния, и одна из её работ — скульптурное изображение японского офицера — была отмечена на выставке «Искусство в Крыму», где были представлены работы таких прославленных мэтров, как И. Билибин, С. Маковский, С. Судейкин, Н. Альтман, В. Суринянц.

В 1919 году Екатерина Куртэн стала давать уроки английского языка молодому поэту и историку Александру Дмитриевичу Мещерякову². Они быстро подружились благодаря общей любви к «Добротолочию» и к другим духовным книгам. Александр творил Иисусову молитву. Его связывала дружба со священником Сергием Булгаковым, известным церковным деятелем, членом Всероссийского Собора, сотрудником Патриарха Тихона.

Булгаков жил в Крыму в имении родителей своей жены Елены Ивановны, урожденной Токмаковой³. Имение называлось Олеиз и располагалось в двенадцати километрах от Ялты рядом с маленькой татарской деревушкой Кореиз. Оно было очень известно, а Токмаковы считались в Крыму одними из самых богатых людей. Варвара Ивановна, вдова Ивана Фёдоровича Токмакова, старушка добрейшей души, была чрезвычайно любима окружающим населением, которому много помогала. Екатерина Эдуардовна и Александр Дмитриевич приходили (из-за общей разрухи ездить было не на чем) в Олеиз в субботу и отстаивали всенощную — о. Сергей служил в маленькой церкви в Гаспре. На вилле они ночевали, в воскресенье молились за литургией, а потом пешком возвращались в Ялту. В 1920 году они обвенчались. О. Сергей видел в Мещерякове будущего священника.

Близкий друг Александра Дмитриевича, житель Ялты Кон-

---

¹ В архиве м. Евдокии сохранилась написанная ею записка: «В янв[аре] 1918 г. пришли большевики; 16—17 апр[еля] 1918 г. ушли большевики, пришли немцы; 26 марта 1919 — паника, второй раз больш[евики]; июль 1919 — вернулись добровольцы; 1 ноября 1920 — окончательно пришли большевики».

² По образованию А. Д. Мещеряков был юрист.

³ Отец Елены Ивановны — Иван Фёдорович Токмаков (1838—1908), крупный предприниматель и меценат.

стантин Михайлович Веригин¹, впоследствии эмигрировавший во Францию, в своих талантливо написанных воспоминаниях рассказывает:

Исключительное место среди моих знакомых и друзей занимала семья Мещеряковых. Самым выдающимся был старший из братьев, Александр², человек высокой души, светлого ума, обладавший абсолютной памятью.

Сестра К. М. Веригина Ольга Михайловна³ в своих дневниках написала о Мещерякове:

...Вспоминаю его [Мещерякова] высокую фигуру, бледное худое лицо, длинную шею в высоком воротничке студенческого мундира и сухие тонкие руки с коротко обрезанными ногтями... синие глаза с каким-то своим особенным выражением... Изучивши и буддизм, и теософию, он стал строго православным и одной лишь своей фразой, чуть ли не случайной, направил и меня в сторону церкви.

Наступает трагический ноябрь 1920 года. Красная армия прорывает линию Перекопской обороны, и её войска лавиной заливают территорию Крымского полуострова. Главнокомандующий Русской армией⁴ генерал-лейтенант Врангель объявляет приказ об эвакуации из Крыма своих войск, разрешая присоединиться к ним всем желающим. Корабли отплывают из крымских портов при громадном скоплении народа. Юлия Николаевна Рейтлингер в своих воспоминаниях отмечает «...особый... гул в

---

¹ Константин Михайлович Веригин (1899—1982) сражался в Крыму в Добровольческой армии в лейб-гвардии конногренадерском полку. Покинул Россию в 1920 г. Получил образование во Франции, в Лилле, инженер-химик. Работал в парфюмерном Доме Шанель, создатель многих сортов духов. В 50-х годах написал автобиографическую книгу «Благоуханность».

² В семье Мещеряковых было трое детей: Александр, Николай и Вера. К сожалению, в архиве м. Евдокии нам не удалось найти стихов, принадлежавших её мужу. Единственное четверостишие стало нам известно благодаря К. М. Веригину:

Страшно жить, томясь всечасно той мучительной загадкой,
Интуицией тяжёлой и гнетущей, как судьба, —
Что под маской херувима ясно виден облик гадкий,
Под личиной господина — сущность жалкого раба!

³ Ольга Михайловна Веригина (1903—1998), по мужу Можайская, талантливая художница и поэтесса, автор многих прекрасных вышитых икон. В 1958 г. Можайские приобрели в селении Бюсси-ан-От дом и стали соседями Покровского монастыря, основанного м. Евдокией.

⁴ Оперативно-стратегическое объединение белогвардейских войск.

*Александр Дмитриевич
Мещеряков*

Екатерина Эдуардовна Мещерякова

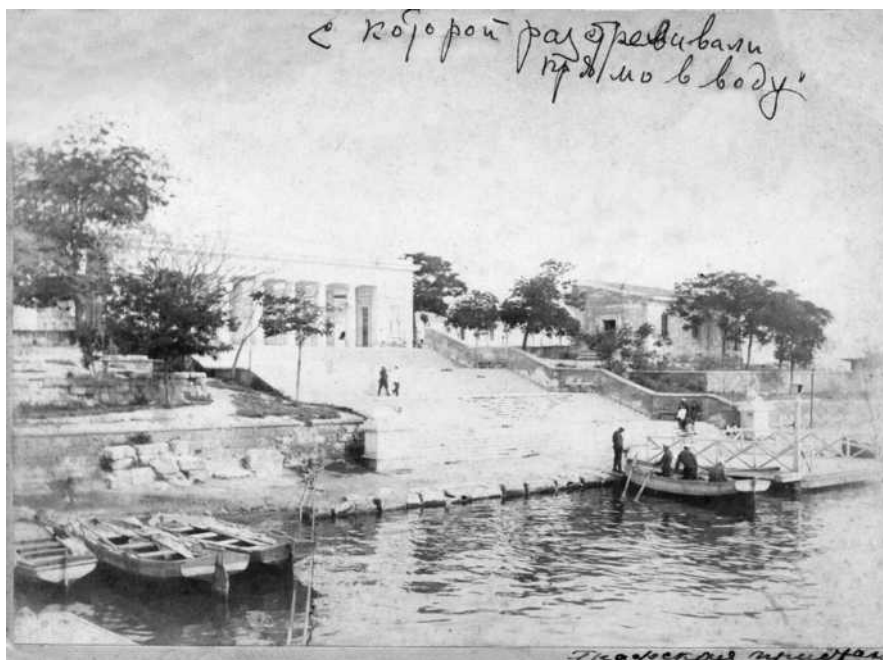
*А. Д. и Е. Э. Мещеряковы
и подруга Е. Э. Зоя Зварыкина*

*Протоиерей
Сергий Булгаков*

Ялта (рис. Е. Э Мещеряковой)

Графская пристань в Севастополе,
с которой офицеров расстреливали прямо в воду

городе (Симферополе. — м. С.) в те дни, когда все кто мог, покидали город, направляясь к вокзалу, откуда рассчитывали добраться до Севастополя и навсегда покинуть русскую землю. Этот гул — его нельзя ни с чем сравнить, и его нельзя было слышать, а скорее переживать...».¹

17 ноября 1920 года советские войска Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе окончательно заняли Крым и развязали беспрецедентный красный террор. «Все, кто прежде служил старому режиму, поверив обещаниям амнистии в случае регистрации, потянулись на сборные пункты. Среди нескольких тысяч бывших военнослужащих, пленных и гражданских лиц были мужчины и женщины разных профессий и занятий, представители всех сословий и разных национальностей, старики, юноши, а порой ещё совсем дети. Под места предварительного заключения наскоро приспособляли подвалы некоторых зданий в центре города (Ялты. — м. С.). Самый страшный подвал, прозванный народом “аквариум” (там люди стояли по колени в воде), находился на Виноградной улице. Редко кому удавалось вернуться живым».²

Пришёл голод, церкви непрестанно отпевали умерших от недоедания, были случаи людоедства. По утрам на улицах подбирали громадное количество трупов. Многие татарские деревни совсем обезлюдели. Свирепствовали болезни: сап, тиф, дизентерия, цинга...

В своих воспоминаниях об о. Сергии Шукине м. Евдокия свидетельствовала:

С 7-го декабря под руководством Бель Куна начались расстрелы в порядке проведения красного террора. Официально известно, что в Ялте должно быть расстреляно 6000 человек. Эти расстрелы происходили за городом, в лесу, на даче присяжного поверенного Фролова-Багреева и закончились 25 марта 1921 года. Потом наступила передышка.

Для современных историков это свидетельство до сих пор остаётся одним из важнейших, так как м. Евдокия в точности указала дату начала красного террора, а также главное место массовых расстрелов. Физически истреблялись все, «кто не вписывался в рамки коммунистической идеологии. Не щадили ни врачей, ни сестёр милосердия, ни раненых, вытаскивая их из

¹ Диалог художника и богослова. Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. М., 2011. С. 33.

² Галиченко А., Авраменко Л. Под сенью Ай-Петри. Ялта в омуте истории. 1920–1921 годы. Феодосия; М., 2006. С. 16–17.

кроватей госпиталей. Погнали на расстрел и престарелых генералов, без того еле живых, и стражников, то есть рядовых полицейских, охранявших общественный порядок, и канцеляристов...».¹

Точное количество убитых в Крыму до сих пор неизвестно. Некоторые историки предполагают, что вместе с умершими от голода их число достигает половины общего крымского населения. Среди расстрелянных был и сын крупного писателя Ивана Сергеевича Шмелёва — Сергей. Позднее И. С. Шмелёв собирал сведения, касающиеся погибших, и ему удалось установить: «За время террора, за 2—3 месяца, конец 1920 и начало 1921 года в городах Крыма... было убито без суда и следствия до ста двадцати тысяч человек — мужчин и женщин, от стариков до детей. Сведения эти собраны по материалам бывших Союзов врачей Крыма». Шмелёв писал:

*Свидетельствую: я видел и испытал все ужасы, выжив в Крыму с ноября 1920 по февраль 1922 года. Если бы... властная международная комиссия могла получить право произвести следствие на местах, она собрала бы такой материал, который с избытком поглотил бы все преступления и все ужасы избитый, когда-либо бывших на земле.*²

Был арестован и ялтинский народный батюшка, как его называли, о. Сергей Щукин. М. Евдокия пишет:

Отец Сергей был неожиданно арестован весной 1921 года, не в общем порядке, а отдельно. Его отвели в «Общий отдел» — домик рядом с дачей доктора Кострицкого. Волнение в Ялте поднялось чрезвычайное: все так называемые «тяжёлые» союзы — грузчиков, возчиков, портовых рабочих, обитатели слободок с жёнами и матерями переоделись в чистые рубахи, чтобы, если нужно, умереть за о. Сергия. Религиозные общины татар, греков, караимов, евреев отправили депутатов в ЧК. И о. Сергия через два дня выпустили. Но, как всегда у большевиков, это был тактический шаг. Дня через два, ночью, его арестовали и увезли по шоссе к Севастополю. У чекистов работала кухаркой одна из ялтинских женщин. Она им сказала: «Не смейте вредить о. Сергию, он столько добра сделал народу и моей семье. Он святой человек». Может быть, из-за этих волнений

---

¹ Галиченко А., Авраменко Л. Под сенью Ай-Петри ... С. 79.

² Шмелёв И. С. Защитнику русского офицера Конради — г-ну Оберу как материал для дела // Галиченко А., Авраменко Л. Под сенью Ай-Петри ... С. 171.

его везли нарочно медленно: то лопались шины, то ещё что-то случалось, но каждый раз в Севастополе и в Симферополе он опаздывал к моменту групповых расстрелов, и его переправляли дальше. В конце концов он оказался в Харькове... В харьковской тюрьме он заболел тифом. Его приняли за мёртвого и вместе с трупами отвезли хоронить на кладбище. Но когда обнаружили, что он подаёт признаки жизни, его вернули обратно в камеру. Потом перевезли в Москву и только там, ровно через год после ареста, в 1922 году выпустили...

В 1921 году Мещеряковы переехали из Ялты в Севастополь и прожили там пять месяцев. Это была борьба за выживание, потому что они мучительно страдали от голода, особенно Александр Дмитриевич — мужчина высокого роста. Изредка Екатерина Эдуардовна получала письма от своего отца. Он писал, что перебрался жить в Гомель, расположенный к северу от Черниговской губернии, и преподаёт французский язык в гимназии. Он звал дочь и её мужа к себе, потому что «в Гомеле всё есть, и незачем умирать от голода в Севастополе». Они склонялись воспользоваться его приглашением, но прежде Александр Дмитриевич Мещеряков предполагал принять сан священника.

Глава 2

Смерть Александра Дмитриевича. — Отъезд Екатерины Мещеряковой к отцу в Гомельскую губернию. — Возвращение в Ялту. — Кизилташская пустынь. — Старец Софроний (Дубинин). — Монашеский постриг. — Эмиграция во Францию

В феврале 1922 года — в Крыму наступила ранняя и необыкновенно тёплая весна — Екатерина Эдуардовна вместе с мужем поехала в Москву, где должно было совершиться рукоположение А. Д. Мещерякова¹ в священники. От Севастополя до Москвы они ехали две недели. Неделю добирались до Харькова, где вокзал был переполнен демобилизованными красноармейцами. Регулярных поездов, следующих согласно расписанию, больше не существовало, все, кто мог и как мог, ловили так называемые теплушки и на них в страшной тесноте добирались куда получится, поближе к конечной цели маршрута. Теплушки едва тащились от станции к станции с бесконечными остановками. Уже в Харькове Александр Дмитриевич заболел, у него появилась кровь в мокроте. Приехав в Москву, они остановились у родственников². Ночью Александру стало так плохо, что пришлось вызвать врача, который, определив крупозное воспаление лёгких, немедленно направил его в больницу.

В те времена ещё не было пенициллина, медики в случае тяжёлого инфекционного заболевания ожидали разрешения кризиса — после кризиса больной или умирал, или шёл на по-

---

¹ К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, почему именно в Москве должно было совершиться рукоположение А. Д. Мещерякова и кто из архиереев благословил его на священство.

² Они остановились в Москве у двоюродного брата А. Д. Мещерякова геофизика В. В. Шулейкина, основателя Черноморской гидрофизической станции в посёлке Кацивели в Крыму, будущего академика.

правку. Но у Александра Дмитриевича, несмотря на постоянную температуру 40°, кризис не наступал. Он лежал в постели, весь мокрый от пота, и творил Иисусову молитву, а его жена сидела рядом и тоже молилась. Через несколько дней главный врач вызвал её к себе в кабинет, и Екатерина Эдуардовна узнала, что состояние мужа безнадежно. Она упала в обморок. Придя в себя, вернулась в палату и оставшиеся несколько дней до смерти Александра находилась рядом с ним, исполненная внутреннего спокойствия, которое, как дар Божий, вдруг коснулось её души. Прежде она никогда не видела умирающих и почти ничего не понимала в медицине, но делала всё, что было необходимо, пока Александр Дмитриевич не скончался у неё на руках.

Господь послал ей утешение в скорби, так как сразу после смерти Александра она узнала об освобождении из московской тюрьмы о. Сергия Шукина и о его пребывании в университетской клинике профессора Плетнёва, куда он попал с тяжёлой формой нефрита. Она нашла его там, и он, невзирая на болезнь и слабость, совершил отпевание Мещерякова, состоявшееся 1/14 марта во время Великого поста (служили литургию Преждеосвященных даров) в день памяти святой преподобномученицы Евдокии Илиопольской.

Екатерина дала телеграмму своей матери в Ялту с просьбой сообщить семье Александра о его смерти. Много лет спустя, в шестидесятых годах Вера Дмитриевна Мещерякова, сестра Александра Дмитриевича¹, с которой м. Евдокия всю жизнь переписывалась, в одном из писем вспоминала:

Ты много пишешь о Шуфе. Я тоже отчётливо помню ту весну. У меня тогда было какое-то особенное нервное состояние, я чувствовала приближение беды. Ведь мы получили от тебя телеграмму, что вы доехали благополучно, а у меня было ясное сознание, что Шуфы нет. Когда Мария Георгиевна шла к нам, чтобы подготовить маму, сказав, что Шуфа заболел, я прямо спросила, ещё ничего не услышав от неё: «Когда Шуфа умер?» Она была очень удивлена и спрашивала, откуда я узнала. Тяжёлая была тогда весна, но мне кажется, что для Шуфы так лучше.

Похоронив мужа, Екатерина Эдуардовна некоторое время жила в Москве. Она встречалась и подолгу беседовала с о. Сер-

---

¹ Вера Дмитриевна Мещерякова уехала из Крыма и проживала в Москве по адресу: 1-й Басманный переулок, д. 5/20, кв. 26.

О. Сергий Шукин у Шулейкиных после похорон А. Д. Мещерякова
(1922)
(рис. Е. Э. Мещеряковой-Куртэн)

гием. Пасху 1922 года они встретили в Марфо-Мариинской обители преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. Основательницы в живых уже не было, монастырская клиника перешла к государству, но монастырь ещё существовал, возглавляемый о. Митрофаном Сребрянским¹.

О. Сергей из Москвы вернулся в Ялту, а Екатерина Эдуардовна перебралась к отцу в Гомельскую губернию. Там она прожила до 1923 года. Для двадцатилетней вдовы это был период горького отчаяния, мучительных поисков смысла жизни и напряжённой молитвы: «скажи мне, Господи, путь, вонже пойду». Из Белоруссии она снова уехала в Россию и совершила несколько паломничеств в разные монастыри, находя утешение в длинных церковных службах.

Мария Георгиевна Куртэн вместе с младшей дочерью по-прежнему проживала в Ялте на Ломоносовском бульваре в доме № 10² и давала уроки музыки. Переписываясь с Екатериной, постоянно звала её к себе. Екатерина Эдуардовна вернулась в Крым в период НЭПа. В её воспоминаниях написано:

Летом 1923 года Ялта была вся отремонтирована, следы голода исчезли, переменялся только состав населения — наверх всплылиouveaux riches, образованные люди превратились в гувернанток, учителей. Тем временем я нашла маленький скиток в горах над Гурзуфом в 17 километрах от Ялты, во главе стоял старец Софроний. К монастырю я всегда стремилась, посетила многие из них на севере: Зосимову пустынь, Оптину, Киево-Печерскую лавру, маленькие монастыри вокруг Гомеля.

Про скиток над Гурзуфом она узнала благодаря встрече с другом своего покойного мужа математиком Георгием Вейдемиллером. Александр Дмитриевич когда-то обратил Георгия к вере, сказав ему: «По-настоящему умный человек не может не верить в Бога». Эти слова произвели глубокое впечатление на молодого человека и перевернули его душу. Он-то и рассказал Екатерине Эдуардовне про скит близ татарской деревни Кизил-

---

¹ О. Митрофан Сребрянский (1870—1946) вскоре после революции был пострижен в монашество с именем Сергей, а его супруга Ольга с именем Елисавета. Архимандрит. Был дважды арестован, находился в ссылках, первый раз — в Тобольске, второй раз — в Северном крае. В августе 2000 г. о. Сергей был прославлен в лике преподобноисповедников Русской Церкви.

² Дом № 10 указан у Марии Георгиевны в документах, однако по другим сведениям это был дом № 9.

таш. Вскоре обе сестры Куртэн — и Екатерина, и Мария — становятся частыми паломницами в Свято-Троицком скиту.

Скит был основан в 1913 году на помин души кого-то из Токмаковых и Молотковых¹. Там построили церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, а настоятелем был назначен иеросхимонах Софроний (Дубинин), старец святой жизни. Происходил он из крестьян. Желая посвятить себя Богу, семнадцати лет сбежал из дому и долго странствовал по России, нигде не имея своего угла. Позднее он говорил своим духовным чадам, что новонаначальному иноку странничество ради Христа исключительно полезно для души, так как, во-первых, он от всего отрывается и не к чему не привязывается, а, во-вторых, он много страдает, потому что действительно «не имеет, где главу подклонити»² и не знает, пошлёт ли Господь кого-нибудь, кто подаст ему кусок хлеба. Таким образом новонаначальный инок на опыте познает, что кроме Бога у него никого нет и что человеческая жизнь не зависит от изобилия имения³. Научившись не заботиться о завтрашнем дне, он возлагает на Господа всё упование.

В конце концов на Кавказе о. Софроний (тогда имя ему было о. Эразм) поступил в монастырь на Новый Афон и жил там несколько лет, пока у него от тяжёлого климата не сделалась лихорадка. Тогда его перевели в Георгиевский монастырь рядом с Севастополем, где он исполнял послушание гостинника, благодаря чему приобрёл большой опыт общения с людьми. Его хотели взять в архиерейский дом в Симферополе, но он отказался. В это время архиереем в Тавриде был епископ Димитрий (в миру князь Абашидзе),⁴ в бытность которого инспектором Тифлисской духовной семинарии был исключён семинарист Иосиф Джугашвили. Он и назначил о. Эразма в скит под Кизилташ настоятелем, где старец принял великую схиму с именем Софроний.

При своём основании скит был мужским, и в нём собралось около десяти монахов. Но когда мужчины увидели, что в скиту всё нужно самим строить и для этого из лесу с гор носить тяжёлые брёвна, то они все понемножку оттуда ушли. А на их место пришли женщины. Сначала это были паломницы, из них кое-кто остался, и так постепенно скит стал женским. Перед

¹ Молотковы был компаньонами Токмаковых по виноделию.

² Мф. 8, 20.

³ См. Лк. 12, 15: «Смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения».

⁴ В 1928 году был пострижен в великую схиму с именем Антоний.

революцией в нём было десять сестёр. Они действительно всё делали своими руками и для строительства таскали с гор тяжёлые брёвна. Дома́ они строили так, как это делалось в старину: три стены дома́ — гора, а четвёртая стена достраивалась. Так они построили трапезную и несколько келий. Из-за большой физической нагрузки жизнь в скиту была тяжёлой, но Чёрное море, сливающееся с синим небом, горы, покрытые лесом, причудливые скалы, — вся неповторимо красивая крымская природа свидетельствовала о великом Творце всего сущего, наполняя души сестёр умилением и благодарностью к своему Создателю.

Они пришли туда вчетвером: две сестры Куртэн, Георгий Вейдемиллер (друзья называли его Юкой) и одна барышня из Симферополя, учительница русского языка, по имени Владислава¹. Все четверо были потом пострижены в монашество, каждый в своё время. Женщины прикрепились к скиту о. Софрония, а Георгия направили в большой монастырь, который тоже носил название Кизилташского (*кизил таш* значит по-татарски *красный камень*), но находился близ Феодосии. Георгий был там пострижен, рукоположен и приехал в Казанский скит уже иеромонахом Серафимом. В 1925 году Мария Эдуардовна Куртэн осталась в Кизилташской пустыни в числе сестёр и стала рясофорной инокиней с именем Мелитина.

«В 22 верстах от Ялты, в глубине Крымских гор, покрытых густым лесом вековых деревьев, находился маленький скит, называемый “Софрониева пустынь”. Скит был женский, мал и беден. В нём не было ни ограды, ни ворот. У входа в дом скитниц на согнувшемся толстом стволе громадного старого дерева висело несколько маленьких колоколов. Управлял скитом иеросхимонах Софроний, отличавшийся простотой и смирением. Он жил в маленькой келейке, примыкавшей к церкви, устроенной вплотную у самой горы. В келье было небольшое оконце, выходившее в церковь; через него старец выслушивал все службы и правила, совершаемые о. иеромонахом Нонном, худеньким, истощённым от поста, молчаливым человеком.

Поздним вечером монахиня на коленях вычитывала правило, каноны Иисусу Сладчайшему, Матери Божией, Ангелу Хранителю. И тотчас же, в 12 часов ночи, начиналась полунощница, утренняя; вычитывалось правило к причастию. Оканчивалось это рано утром.

Весь день жившие в скиту проводили в утомительном труде. Сна было мало.

¹ К сожалению, фамилия её и монашеское имя нам не известны.

Скит в Кизилташе
(рис. м. Евдокии Мецераковой-Куртэн)

Иеросхимонах Софроний (Дубинин)

О. Софроний и о. Серафим (Вейдемиллер)

Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в Кизилташе

*Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери в Кизилташе
(рис. м. Евдокии)*

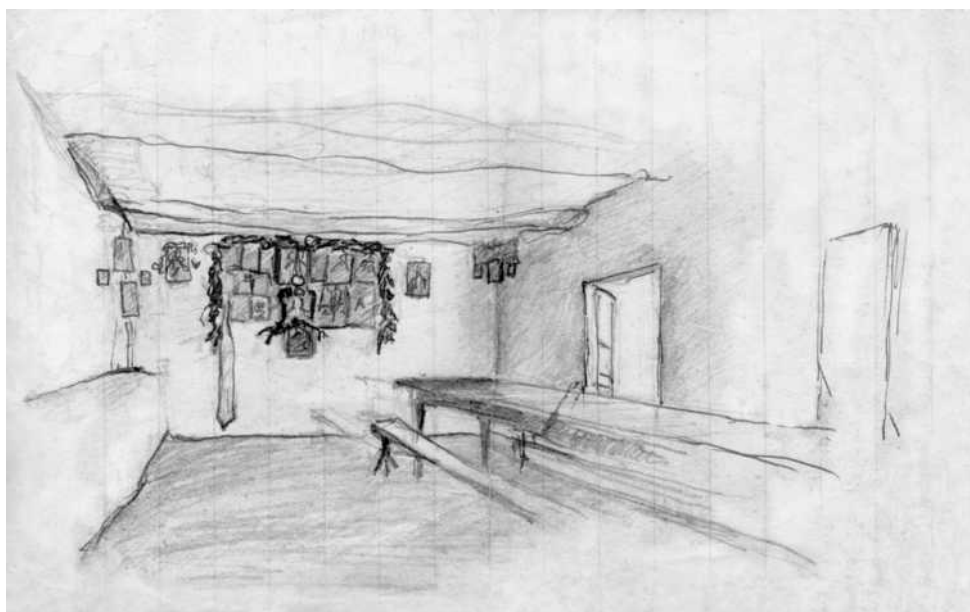
*О. Софроний с сёстрами и насельниками Кизилташской пустыни.
В первом ряду третья слева (в белой косынке)
сидит с. Мелитина (Куртэн). В последнем ряду первая слева
(в белой косынке) стоит м. Евдокия*

Кизилташская церковь внутри

Кельи (рис. м. Евдокии)

Трапезная (рис. м. Евдокии)

О. Софроний был прозорлив. Однажды в скит пришли два студента. Перед их приходом он велел трезвонить в колокола, сказав: “К нам идут епископ и священник!” Действительно, один из них стал после епископом, а другой... был впоследствии рукоположен в иеромонахи с именем Серафим. Он был любимым учеником старца Софрония: отличался духовным трезвением, глубокой внутренней жизнью и смирением; весь был в молитве, забывая всё окружающее».¹

Одна из подруг² Екатерины написала стихотворение о Кизилташской пустыни:

В лесу на горе, куда вьётся дорога
Припрятался маленький, светленький храм
Во имя Творца Вседержителя Бога;
Владычица мира — игуменья там.
Цветами обсажена церковь святая,
Спасителя образ встречает людей;
И шепчутся листья, молитве внимая,
И славит Воскресшего горный ручей...
Куда ни посмотришь — долины и горы,
Там белою лентою вьётся шоссе...
А дальше, пониже — о, сколько простора!
Безбрежное море в своей синеве.
Какая наивная прелесть повсюду,
Какое величие встретишь ты здесь.
И эта-то самая странная смесь
И есть величайшее Божие чудо!
Вот белые хижинки, с виду убоги,
Но сколько уюта таится внутри
Для тех, кого мысли покоятся в Боге,
В ком сердце ребёнка и мудрость змеи.
На дереве крепком, что около храма,
Висят возвестители службы святой...
Как весело сердцу среди ихнего гама,
И будится совесть, что дремлет порой...
Войдём же внутрь храма. Как светло и чисто,
Заступницы мира здесь образ стоит,
Украшен так скромно. От лика Пречистой
Поток благодати повсюду разлит.

---

¹ Вениамин (Федченков), митр. Божии люди. Мои духовные встречи. М., 1990. С. 271.

² Возможно, это стихотворение написала Елена Ляшук, но полной уверенности у нас в этом нет.

И в этом потоке уносится злоба,
Смягчается мука разбитых сердец
И плачется сладко, и хочешь с терпеньем
Нести до конца свой терновый венец.
Пред Ликом Пречистой несутся моленья
В полуночи, утром и в вечера час —
Скорбящие знают, Кто даст утешенье
И сгонит слезу с отуманенных глаз.
И тут же при церкви, стена со стеною,
Две комнатки малых и в церковь окно,
Завешено старца святою рукою...
О нём говорить мне теперь не дано...
Чьё сердце разбито, чьи мысли в смятении,
Кто крест свой готовится бросить в пути,
Кто силится выйти из бездны сомненья,
Но выхода, слабый, не может найти, —
Тот в келлии старца забудет заботы
И скинет кручину с усталой души,
И Божьего мира оценит красоты...
Усталый душою, сюда поспеши!

В ночь с 1 на 2 ноября по старому стилю 1927 года Екатерина Эдуардовна принимает в Кизилташской пустыни у о. Софрония постриг в малую схиму, то есть в мантию¹. Прозорливый старец по наитию назвал её Евдокией, несмотря на то, что в их скиту была уже монахиня с таким именем, словно почувствовав, какой святой следует её поручить. Отныне свои именины она отмечала в день отпевания и погребения покойного мужа. Этот год запомнился ещё и благодаря происшедшим в Крыму сильным землетрясениям.

Постриг м. Евдокии был тайным. Она очень любила о. Софрония и Кизилташскую пустынь, находиться там было для неё настоящим блаженством. Однако в это время она никак не могла покинуть мать, привыкшую во всём опираться на старшую дочь. Мария Георгиевна по-прежнему давала уроки музыки, но денег не хватало, и Екатерина Эдуардовна была вынуждена работать. Она преподавала в маленькой школе и имела большую частную практику. Часто ей с матерью приходилось кормить голодных учеников, потому что многие из них были из бедных семей. Их тоже в эти трудные годы она не могла оставить. О. Софроний

---

¹ В православном монашестве есть три степени: рясофор, малая схима (мантия) и великая схима.

предложил Екатерине Мещеряковой принять тайный постриг и запретил ей кому бы то ни было о нём рассказывать. А она настолько ему доверяла, что в её душе не возникло ни малейшего сомнения в том, что на это есть воля Божия. О постриге знали только барышня-учительница из Симферополя, Владислава, и сестра Мелитина. Владислава, к этому времени сама уже мантийная монахиня, присутствовала ночью при постриге. А с. Мелитина уехала к матери, чтобы та ни о чём не догадалась.

На следующий день м. Евдокия вернулась в Ялту, прямо на уроки. Она чувствовала в себе некую новую силу, крепость и как бы утверждённость, будто её духовно подковали. Это ощущение было настолько явственным, что она с интересом наблюдала за учащимися — заметна ли им происшедшая в ней перемена.

Она продолжала жить с матерью в их двухкомнатной квартире¹, но при любой возможности посещала Кизилташ и в душе сознавала себя скитской монахиней. Так же считал и о. Софроний.

Эдуард Эдуардович к этому времени перебрался из Гомеля в Ялту и устроился бухгалтером на службу в санаторий. Мария Георгиевна не желала с ним примириться, и он жил отдельно от семьи. М. Евдокии было трудно с родителями — она была как между двух огней. Мать и отец тянули её в разные стороны, искали в ней сочувствия, понимания и поддержки. Куртэн очень любил своих дочерей и, несмотря на ссору с женой, всю жизнь делал для семьи что только мог.

В 1928 году период НЭПа закончился. Повсеместно закрывались и уничтожались монастыри, отовсюду в Кизилташскую пустынь приходили новые сёстры, и постепенно набралось до тридцати человек. Скит находился в горах, до поры до времени оставался неприметен, и насельницы его надеялись как-то продержаться в тяжкое время гонений.

В 1928 году больного старца Софрония² арестовали. Потом выпустили с запретом жить в шести наиболее крупных го-

---

¹ Квартира была первоначально гораздо больше, но Куртэнов уплотнили, как это повсеместно делалось в ту эпоху.

² В 1929 г. о. Серафим был вместе со старцем Софронием арестован и сослан в Чернигов. Через некоторое время ему удалось вернуться в Крым, и он пытался воссоздать Казанский скит в Кизилташе. Был вновь арестован, претерпел тюрьму и жестокие пытки. Расстрелян в 1936 г. (1937 ?) О. Нонн тоже был сослан и одно время, видимо, находился в Костроме у священномученика архиепископа Никодима (Кроткого). Дальнейшая его судьба неизвестна.

родах — это называлось минус шесть. Через год он снова был арестован и сослан под Чернигов, куда уехал вместе с монахиней Евдокией, (тёзкой м. Евдокии Куртэн), — она была крестьянского происхождения и родом из тех мест. Они поселились в деревне. А скит остался без духовника. К монахиням стал наведываться какой-то чекист, присматривавшийся к их жизни, и сёстры, видя, что всё распадается, одна за другой покидали монашескую общину. В 1929 году скит о. Софрония был окончательно закрыт: чекисты вынесли из церкви все иконы, в том числе изумительный Казанский образ Божией Матери. Один из чекистов залез на крышу и сбросил крест. Все эти святыни они отвезли в так называемый финотдел и спустили в подвал.

С. Мелитина, вернувшись к родителям и окончив курсы счетоводов, поступила на службу помощником бухгалтера в один из санаториев. Мария Георгиевна преподавала в музыкальной школе. М. Евдокия тоже работала в школе, и обе они давали частные уроки. Эдуард Куртэн и его младшая дочь имели право на питание в санаториях по месту работы и приносили свои порции домой (чаще всего горелую кашу). Благодаря тому, что все члены семьи Куртэнов служили, материально они жили не очень плохо.

Эдуард Эдуардович был человек совершенно аполитичный. Когда-то он, как и его родные, получил русское подданство, так что имел и французский, и русский паспорта. Но с приходом к власти советов он и его братья забеспокоились. В семьях Куртэнов были сыновья, и никого из них не привлекала перспектива служить в Красной армии. Тогда один из братьев заинтересовался во французском посольстве, является ли его русский дореволюционный паспорт документом, лишающим его теперь французского гражданства. Французское посольство, просмотрев метрики и свидетельства о крещении, заверило всех Куртэнов, что они были и остаются французами. По законам Франции жёны французав автоматически становились французженками. Их дети также получали французское гражданство. Таким образом, Мария Георгиевна и Мария Эдуардовна могли в любом случае рассчитывать на защиту французского флага. Но м. Евдокия, бывшая замужем за русским, считалась советской гражданкой, что в новых условиях могло привести к непредсказуемым последствиям. Обеспокоенный судьбой дочери, Куртэн написал в посольство письмо с просьбой уточнить, может ли она считать себя французженкой. И получил ответ, что в 1918 году во Франции вышел новый закон, согласно которому

Мария Эдуардовна в Ялте

Мисхор.
Санаторий Горнее солнце
(рис. м. Евдокии)

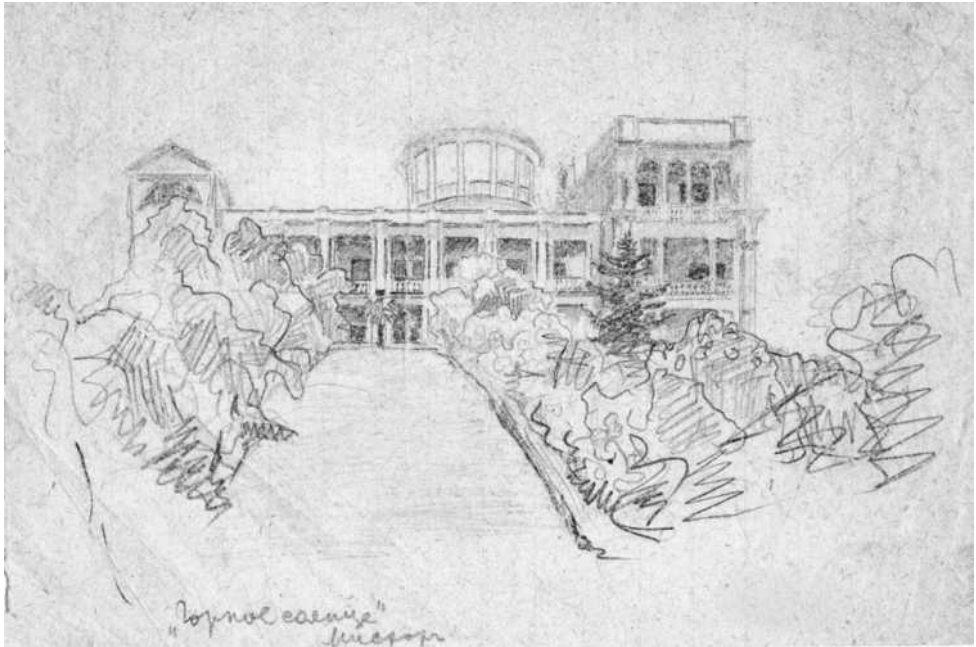

Чайник
(рис. м. Евдокии)

Деревья (рис. м. Евдокии).

Мисхор. Санаторий Горнее солнце (рис. м. Евдокии).

женщины сохраняют за собой французское подданство даже в том случае, если выходят замуж за русских¹.

Не то чтобы они собирались уезжать из России — никто из них этого не хотел. Даже Эдуард Эдуардович чувствовал себя совершенно обрусевшим, все остальные члены семьи были просто русскими, а Марии Георгиевне было тяжело себе даже представить, что придётся ехать «слагать свои кости на чужбине». Но с начала революции Крым покинуло столько их друзей и близких знакомых, общая обстановка в стране была настолько страшной, что они понимали — надо быть готовыми ко всему.

В это полное великих испытаний время Православная церковь в Крыму была раздираема на части представителями самочинного и самозваного «живоцерковного» управления². Советское руководство их поддерживало, и они осуществляли захват церковной власти, сопровождавшийся массовыми расстрелами, арестами и ссылками духовенства. Многие священнослужители изгонялись из собственных храмов и бедствовали вместе со своими семьями, а их храмы занимали обновленцы. М. Евдокия и Мария Эдуардовна участвовали в сборе денег для помощи опальным священникам Крыма. Возможно, из-за этого в 1930 году м. Евдокию вызвали в ГПУ, а через несколько дней арестовали прямо на улице, увезли в Симферополь и посадили в тюрьму, где продержали две недели. Потом она рассказывала близким, что на опыте убедилась в истинности евангельского обещания Спасителя: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперёд, что вам говорить, и не обдумывайте; но, что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святой»³. На всех допросах она, несмотря на волнение, отвечала так, что впоследствии ей не в чем было себя упрекнуть. Чекисты уговаривали её стать сексоткой⁴ и подписать бумагу, подтверждающую согласие с ними сотрудничать. Она отвечала,

---

¹ Этим законом Франция защищала своих граждан от большевистского произвола.

² В 1922 г. в Русской Православной Церкви вспыхнул обновленческий раскол, спровоцированный большевиками, которым он был на руку для ведения атеистической пропаганды и борьбы с Церковью. В течение 5 лет «Живая церковь», как называли себя обновленцы, была единственно признаваемой советским руководством церковной организацией. Уже к концу 1922 г. обновленцы сумели захватить две трети от 30 тысяч действовавших в то время храмов.

³ Мк. 13, 11.

⁴ То есть секретной сотрудницей.

что, будучи христианкой, не может наушничать, подсматривать, доносить и вообще заниматься деятельностью, от которой может быть вред каким-нибудь людям.

— Но с нами сотрудничают многие христиане, — заявили ей на допросе.

— А я не могу, — ответила она. — Кроме того, вам от меня всё равно никакой пользы не будет, потому что я никаких секретов хранить не умею. Всё, что вы мне ни скажите, я тотчас же разболтаю.

Пока м. Евдокию держали в тюрьме, её отец съездил в Москву во французское посольство, где ему обещали содействие и поддержку. И, видимо, вмешательство со стороны Франции в это дело было, так как узницу скоро выпустили.

В 1931 году м. Евдокия, чувствуя, что тучи над ней не развеялись, сама поехала в Москву хлопотать для себя о французских документах.

В столице с 1925 года служил протоиерей Сергей Щукин. Он был третьим священником в церкви Спаса на Песках в переулке на Арбате и проживал с семьёй в Филях в какой-то хибарке, потому что в то время священнослужители не имели права на жительство в Москве. Жили бедно. М. Евдокия по возможности посещала службы в его церкви. Не всегда это было легко, так как сама она остановилась в противоположном конце Москвы.

25 сентября по старому стилю 1931 года были именины о. Сергия. К обеду он пошёл в Дорогомиловский собор, потому что черда была не его: в церкви Спаса на Песках служил другой священник. Причастился он на ранней литургии, отстоял ещё и позднюю и молебен с акафистом преподобному Сергию Радонежскому. Домой в Фили возвращался пешком. На улице в одном месте был ремонт, и она была перегорожена железнодорожными рельсами. Когда о. Сергей через них переступал, из гаража напротив выехал грузовик. Женщина с ребёнком перебежала дорогу перед этим грузовиком. Шофёр, чтобы их не задавить, подал машину назад и задел батюшку. Тот упал на рельсы и ударился головой. Когда к нему подбежали, он успел только сказать: «Храни вас Христос» и потерял сознание. Его отвезли в больницу, где он через два дня скончался. После смерти о. Сергия в хибарку в Филях пришли с ордером из ГПУ, чтобы в очередной раз арестовать его. Но он был уже в вечности и недосыгаем для земных притеснений.

М. Евдокия не сумела известить его накануне именин, о чём всю последующую жизнь сокрушалась. Батюшка ждал её, а она

в тот день ездила по делам, долго стояла в очередях и, несмотря на все старания, не успела добраться до Филей.

С собой в эмиграцию м. Евдокия увезла маленькую книжечку его рассказов; как драгоценную реликвию, она берегла её в своей келье, истрепанную и потерявшую значительное количество страниц. Но и того, что осталось, достаточно, чтобы убедиться — о. Сергей Щукин был прекрасный, глубокий писатель. У вдовы его хранились рукописи. Возможно, хоть что-то из них не пропало и, даст Бог, будет когда-нибудь опубликовано.

М. Евдокия прожила в Москве год. Через несколько месяцев после смерти о. Сергия¹ получила известие о кончине в Чернигове о. Софрония². Таким образом, двух духовно самых близких людей рядом с ней больше не было, и всё чаще её стала посещать уверенность в том, что какой-то период жизни подошёл к концу и предстоит нечто новое.

В подтверждение этого она, вернувшись в Ялту, сразу же получила из ГПУ бумагу с требованием покинуть Советскую Россию в течение двух недель. Вся семья Куртэнов, конечно же, решила последовать за старшей дочерью и сестрой. Как ни спешили они со сборами, но в указанный срок не уложились. М. Евдокия ходатайствовала об отсрочке даты выезда, ей добавили ещё чуть более месяца. Но и этого времени не хватило, и тогда семья решила разделиться: Мария Эдуардовна с отцом остались завершать все дела, а Мария Георгиевна с м. Евдокией добрались до Москвы, и стали готовиться к отъезду.

Сохранились письма в Москву от Эдуарда Эдуардовича, полные отеческой заботы:

19/VIII 32

Дорогой мой Котик!

Сколько волнений, сколько беспокойства! Воображаю, что ты пережила за это время... Открыточку с дороги и твоё первое письмо мы получили. Очень рад, что тебе дали отсрочку ещё на две недели. Но печально то, что консульство не идёт вам на встречу в смысле помощи в деньгах... А как с билетами, есть

---

¹ О. Сергей Николаевич Щукин скончался 25 сентября 1931 года в Москве и первоначально был похоронен на Дорогомиловском кладбище, которое в 1939 году было уничтожено. Его останки перенесли на Введенское кладбище.

² О. Софроний (Дубинин) скончался в Чернигове зимой 1932 года. Похоронен на старом русском кладбище по улице Старо-Белоуская. Могила его почитается до сих пор.

ли до Парижа? Что с багажом? От Шарля¹ до сих пор нет письма. Я сегодня напишу ему, чтобы предупредить о вашем приезде. Пиши скорее и подробнее. Спешу на службу и потому кончаю письмо. Боже, сколько забот! Я боюсь, что не выдержу. Целую крепко, крепко. Папа

(Дата не указана)

Дорогой мой Котик!

Посылаю тебе последнее письмо Шарля и открыточки, полученные после вашего отъезда. У нас нового мало, хотя последняя новость та, что Димитриев с милицией явился в Собор и отобрал от него ключи у старосты. Не возмутительно ли такое насилие? Вчера и сегодня только об этом и говорят. Публика страшно возмущена. Посылается жалоба в Москву от греков... Жду с нетерпением твоего письма, где ты скажешь, дали ли билет до Парижа и что вышло из твоей просьбы относительно денег на дорогу. Пока целую тебя, моя милая дочурка, от всего сердца. Следующее письмо, я думаю, будет в Париж. Телеграфируй с границы.

Наконец визы и билеты были получены. Навестив дорогие могилы, попрощавшись со всеми родственниками и друзьями, Мария Георгиевна и м. Евдокия поездом уехали во Францию.

Они прибыли в Париж в сентябре 1932 года.

---

¹ Шарль, или Карл Эдуардович Куртэн, брат Эдуарда Эдуардовича. После революции вместе с женой Луизой и детьми уехал из России во Францию. Проживал в Париже, работал на заводе Рено. Умер в самом конце тридцатых годов (1938 г.?). Похоронен (предположительно) на кладбище в городке Витри-сюр-Сен в семейном склепе Куртэнов. Его дети, сын Эдуард и дочь Магдалина, были очень дружны со своими двоюродными сестрами Екатериной и Марией Эдуардовнами.

Глава 3

Русская эмиграция во Франции. — Митрополит Евлогий (Георгиевский). — Первые месяцы жизни в Париже и первые встречи. — Знакомство с матерью Марией (Скобцовой). — Вилла де Сакс, преподавательская деятельность в Богословском институте имени преподобного Сергия Радонежского. — История создания Содружества святого Албания и преподобного Сергия Радонежского. — Поездки в Англию

Особенностью существования русских эмигрантов первой волны во Франции была необычайная внутренняя свобода. В трудных условиях, в неустроенности, часто в бедности, многие¹ русские люди, потеряв родину, искали и обретали в изгнании вечные ценности, благодаря чему их жизнь полна была вдохновения, самой разнообразной деятельности и творческих устремлений.

«Совсем особую роль в судьбах эмиграции и в жизни русского Парижа играла Церковь. Она была главной объединяющей силой, возвышавшейся над партийными разделениями и материальными различиями. В храмах встречались люди разных мировоззрений, удачники и неудачники, те, кто упорно продвигался вверх по ступеням благополучия, и те, кто не думал о завтрашнем дне.

---

¹ Многие, но, конечно, далеко не все... С горечью в одной из своих статей м. Мария (Скобцова) писала: «Какое количество людей из 80-тысячной парижской эмиграции вмещают наши церкви даже в самые большие праздники? Какое количество из этих изредка бывающих в церкви людей приступает к таинству Святого Причастия? Какое количество приходов живёт мирно и ни разу не раздиралось внутренними раздорами? Какой процент русских детей бывает на богослужениях и в русской школе?» (Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Париж, 1992. Том II. С. 281).

Во главе церковного управления стоял выдающийся по уму и по умению объединить вокруг себя творческие силы митрополит Евлогий (Георгиевский)¹. В России он был известен как член Думы, принадлежавший к правому крылу монархистов. В эмиграции он повёл Церковь по руслу внепартийности и этим сумел привлечь поддержку широких кругов русских изгнанников. Большой и грузный, с длинной бородой, митрополит принимал всех своих посетителей с лаской и сочувствием. Он охотно давал своё благословение на самые разнообразные начинания и мог легко казаться мягким и на всё соглашающимся, но в действительности умел добиваться своих целей и правильно разбирался в сложной обстановке, окружавшей его. Владыка Евлогий оказался подлинным строителем церковной жизни в эмиграции. Его главным достоинством было сознание, что новые условия изгнания требуют новых форм работы. Он поощрял инициативу, часто выходящую далеко за пределы дореволюционного опыта. Он не боялся нововведений и этим отличался от большинства других епископов и священников, которые со страхом и подозрением относились ко всему, что не было знакомо им раньше».²

Под руководством митрополита Евлогия в Западной Европе создавались всё новые и новые приходы. Часто за неимением других возможностей храмы устраивались в бывших гаражах, сараях, просто в квартирах. Пользовалось большой популярностью церковное хоровое пение, объединявшее прихожан из самых разных слоёв общества. Издавались религиозные журналы, приходские школы обучали русских детей основам Закона Божия, сестричества благоукрашали церкви, всевозможные благотворительные общества помогали нуждающимся. В 1925 году в Париже в день памяти преподобного Сергия Радонежского митрополиту Евлогию удалось приобрести на торгах участок земли с большой немецкой кирхой на улице Кримэ. Так был основан Богословский институт, привлёкший в свои стены талантливую молодёжь из разных стран, жаждавшую посвятить свою жизнь Богу. Состав

---

¹ Митрополит Евлогий, в миру Василий Семёнович Георгиевский (1868–1946). В 1931 году митр. Евлогий нашёл для себя возможным объединить свои приходы под омофором Патриарха Вселенского. Жизнь и деятельность митр. Евлогия описаны в книге «Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной» (Париж, 1947).

² Хроника семьи Зёрновых. Т. 2: За рубежом (Белград – Париж – Оксфорд, 1921–1972). Париж, 1973. С. 126–127.

*Церковь преподобного Сергия Радонежского
Православного Богословского института в Париже.
Фотография 30-х годов*

*Церковь преподобного Сергия Радонежского
Православного Богословского института в Париже.
Фотография 30-х годов*

преподавателей института украсили блестящие, известные на весь мир профессора Вышеславцев, Зеньковский, Карташёв, Флоровский, Федотов, Ильин, Зандер и др. Многие годы институт возглавлял протоиерей Сергей Булгаков, его высокое молитвенное горение передавалось студентам и духовным детям.

Приехав во Францию, м. Евдокия поместила Марию Георгиевну к родственникам, проживавшим близ Компьеня (Compiègne), а сама направилась в Париж, рассчитывая найти какой-нибудь заработок. Остановившись у двоюродного брата в Медоне, она решила для начала — в надежде что-нибудь для себя выяснить — обойти православные церкви. Собственно, так поступало большинство русских эмигрантов. Каково было её удивление, когда в церкви святого великомученика Иоанна Воина — это было там же, в Медоне — она увидела сестёр Юлю и Катю Рейтлингер, расписывавших церковные стены. Катя в это время была уже замужем, а Юлия ещё не была пострижена в иночество. Они сразу же повезли подругу на Сергиевское подворье к о. Сергию Булгакову¹. Разговорам не было конца, тем более что перед отъездом м. Евдокия навестила старушку Токмакову и могла сообщить о. Сергию новости о его оставшихся в России родных.

М. Евдокия сразу же приобщилась к деятельности о. Сергия, принимая участие во многих богословских семинарах, которые он организовывал. Однако первый заработок она нашла совершенно в неожиданном для себя месте: бюро бывшего председателя Временного правительства А. Ф. Керенского нуждалось в услугах уборщицы, и м. Евдокия устроилась к ним подметать и вытирать пыль. Сам Керенский производил на неё впечатление тяжёлого человека, и она скоро оттуда ушла и нанялась читать книги вслух одному старому слепому еврею. Потом нашла место уборщицы и кухарки у одной польской еврейки, которая делала шляпы. М. Евдокия и жила у неё, потому что в квартире была комната для прислуги. Благодаря этой работе ей приходилось ходить по базарам, магазинам, ездить в общественном транспорте, общаться с французами, и она неожиданно для себя погрузилась в парижскую жизнь.

---

¹ О. Сергия выслали из Советской России 1 января 1923 года. Комиссар ЧК, отправляя его в изгнание, сказал ему: «Вы нам опаснее, чем целая Белая армия». В 1925 году митрополит Евлогий призвал священника Булгакова возглавить в Париже Православный Богословский институт им. преп. Сергия Радонежского, или, как часто его называют в русской эмиграции, — Сергиевское подворье.

Для новой эмигрантки всё было ново и странно на Западе. В России в послереволюционные годы м. Евдокия совершенно отвыкла от спокойного размеренного существования. Русская революция, гражданская война, красный террор в Крыму, голод, гибель и эмиграция многих друзей, смерть мужа, уничтожение скита в Кизилташе, смерть обоих духовников, тюрьма, изгнание — все эти события следовали в её жизни одно за другим. От непрерывного потока скорбей её душа находилась в постоянном эмоциональном сверхнапряжении. Во Франции м. Евдокии показалось, что она попала в какую-то давно минувшую эпоху, что всё это происходит не с ней. Привыкшая видеть вокруг себя мрачные, измождённые лица людей, уже неспособных друг другу беззаботно улыбаться, она удивлялась любезности французских продавцов и шофёров. В глубине души, однако, ни на мгновение не доверяла окружающим мирным картинам — европейская безмятежность не усыпляла её не предчувствия даже, а совершенной уверенности в грядущем апокалипсисе. «Это не может быть надолго. И здесь запахнет порохом. Скоро, скоро и сюда придёт буря, несущая с собой беды и несчастья», — думала она.

Мария Георгиевна переехала от родственников из-под Компьеня в Париж. Её пригласила к себе бывшая ялтинская гувернантка Екатерины Куртэн, англичанка мисс Элла, которую в семье называли просто мисс. Собираясь вернуться к себе на родину в Англию, мисс предоставила свою маленькую квартирку в Париже Марии Георгиевне.

Той же осенью м. Евдокия познакомилась с м. Марией (Скобцовой)¹. Она обратила на неё внимание в церкви на Сергиевском подворье. На розовощёкой круглолицей м. Марии был надет мужской клобук и ряса неопределённого покроя, и м. Евдокия решила, что перед ней монах-скопец (как-то раз она

---

¹ Мать Мария (Скобцова) (урождённая Елизавета Юрьевна Пилленко, в первом замужестве Кузьмина-Караваева) — монахиня, богослов, поэтесса, художница, общественный деятель. После Октябрьской революции эмигрировала во Францию. Основательница благотворительного религиозного объединения «Православное дело». Во время Второй Мировой войны принимала участие в деятельности французского Сопротивления. Укрывала евреев и за это попала в немецкий концлагерь. Погибла в концлагере Равенсбрюк, по одной из версий, заменив собой молодую еврейскую женщину, которую конвоировали в газовую камеру. Канонизирована в лике святых преподобномучеников Вселенским Патриархатом в 2004 году.

видела монаха-скопца в Киеве). Внешне м. Мария была красива, но — то ли от бедности, то ли из аскетических соображений — умудрялась так нелепо и небрежно одеваться — всегда в чьи-то обноски, — что иногда производила на окружающих, мягко говоря, странное впечатление. Позднее м. Евдокия говорила, что никогда в жизни она не видела человека более равнодушного к общественному мнению, — м. Марии было совершенно безразлично, что люди о ней думают.

После службы обе они одновременно пришли к о. Сергию Булгакову, и он их представил друг другу.

Из воспоминаний игуменьи Евдокии:¹

Вскоре после моего приезда во Францию я познакомилась с м. Марией Скобцовой. М. Мария, незадолго до этого постриженная в монашество митрополитом Евлогием, носилась с идеей устроить общежитие для бедных русских девушек. Многие из них приезжали в Париж учиться и не имели ни собственного угла, ни возможностей что-нибудь для себя снять. Вместе с Асей Оболенской² м. Мария пришла к владыке Евлогию просить благословение на создание женского общежития, уже присмотрев подходящий для этой цели дом. Митрополит спросил:

— А есть ли у вас деньги на съём помещения?

Они ответили:

— Нет, денег у нас нет. Но у нас есть икона Покрова Богородицы, и мы уповаем на помощь Божией Матери.

Владыка помолчал, а потом сказал:

— Хорошо, дам вам 5000 франков, но более ничем помочь не смогу, устраивайтесь сами.

5000 франков в то время были громадные деньги.

---

¹ Из воспоминаний игуменьи Евдокии, записанных на кассету в 1975 г.

² Александра Владимировна Оболенская (1897–1974), княжна, дочь князя Владимира Андреевича Оболенского, известного общественного деятеля. Родилась в Крыму, в городе Ялта. В эмиграции активная участница Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). В 1937 г. приняла монашество с именем Бландина. Одна из основательниц скита в Муазене-ле-Гран, посвящённого Казанской иконе Божией Матери, а также Покровской обители в Бюсси-ан-От. Последние годы жизни ухаживала за умирающим духовником архимандритом Евфимием (Вендом). Похоронена в Муазене-ле-Гран на местном кладбище.

Подписав контракт на улочке-тупике Вилла де Сакс¹, м. Мария сразу же перекечевала в особняк, отличающийся «обилием возможностей и полным отсутствием какой бы то ни было мебели. Лишь заброшенное фортепьяно стояло у входа, диковинное не только из-за своей фантастической неуместности, но также и из-за полного равнодушия новой хозяйки к музыке. Первые дни она спала на одеялах на полу. Подле неё стояла большая икона Покрова, осеняя её сон. Груда телефонных справочников заменяла стул. Вначале не было ни электричества, ни газа»².

Дивным образом контракт по найму приютского дома был подписан м. Марией на Покров. Владыка Евлогий счёл это за прямое указание свыше, и домовая церковь женского общежития была посвящена этому празднику. Сестра Иоанна Рейтлингер пожертвовала несколько написанных ею икон, а м. Мария сама расписала церковь. Она была человек исключительных дарований: поэтесса, художница, богослов, общественная деятельница. Это была натура сильная, своеобразная, не вмещавшаяся в привычные рамки. В монашестве м. Мария всецело отдала себя помощи ближнему, а именно — русскому отверженному люду, которого много было в то время на улицах Парижа и на дорогах Франции. Она собирала под крылья своей любви пьяниц, преступников, сумасшедших, проституток, одиноких больных и нищих, не имеющих пристанища. Постоянно призывая к деятельному милосердию, в одной из своих статей она писала:

*Христианская любовь учит нас давать брату не только дары духовные, но и дары материальные. Мы должны дать ему и нашу последнюю рубашку, и наш последний кусок хлеба. Тут одинаково оправданы и нужны как личное милосердие, так и самая широкая социальная работа. В этом смысле нет сомнения в призвании христианина к социальной работе. Он призван организовывать лучшую жизнь трудящихся, обеспечивать старых, строить больницы, заботиться о детях, бороться с эксплуатацией, несправедливостью, нуждой, беззаконием.*³

Евангельская заповедь «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»⁴ стала путеводной звездой

¹ Дом № 9 по улице Вилла де Сакс принадлежал католическому монастырю.

² Сергей (Гаккель), фот. Мать Мария. Париж, 1980. С. 65.

³ Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Париж, 1992. Т. I. С. 193.

⁴ Ин. 15, 13.

м. Марии. В своём произведении «Типы религиозной жизни» она написала:

*...миф думает, — если я отдал свою любовь, то на такое количество любви стал беднее, а если уж я отдал свою душу, то я окончательно разорился, и нечего мне больше спасать. Но законы духовной жизни в этой области прямо противоположны законам материальным. По ним всякое отданное духовное богатство не только, как неразменный рубль, возвращается дающему, но нарастает и крепнет. Кто даёт, тот приобретает, кто нищает, тот богатеет.*¹

К этому времени уехала паломницей в Финляндию в Валаамский монастырь Александра Владимировна Оболенская, которая очень поддерживала м. Марию. Оставшись одна и нуждаясь в помощнице, м. Мария пригласила трудиться в женском общежитии Екатерину Эдуардовну Куртэн, и та согласилась. Они стали подвизаться на новом месте вдвоём.

Назначение постоянным священником Покровского храма на Вилла де Сакс иеромонаха Льва (Жилле)² обрадовало м. Евдокию. Стать настоятелем он не мог: у него был свой французский православный приход, где он служил по воскресеньям и праздникам. Но в те дни, когда он не был связан приходом, о. Лев обязательно совершал Божественную литургию на Вилла де Сакс, где и жил в общежитии, потому что ему больше нигде было жить. Кроме литургий, никаких других служб не было, но на литургии нужно было петь, и м. Евдокии пришлось стать на клирос — помимо неё и м. Марии стоять там было просто некому. В Кизилташе м. Евдокия с благословения о. Софрония иногда читала в церкви вечерню и кафизмы³. Никакого другого участия в богослужении она не принимала и, в целом, знала его

¹ *Мать Мария (Скобцова)*. Что такое церковность. Избранные труды преподобномученицы Марии (Скобцовой). Киев, 2006. С. 175–176.

² Архимандрит Лев Жилле (1893–1980). Сначала бенедиктинский иеромонах. В 1928 г. был принят в православие в сущем сане. Преподавал французский язык в Свято-Сергиевском Богословском институте. В 1928–1938 гг. священник православной церкви св. праведной Женевиёвы в Париже. Некоторое время служил в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Вилла де Сакс, а потом на ул. Лурмель. Работал с русскими заключёнными в тюрьмах, а также вёл кружок по изучению Священного Писания в Париже на Монпарнасе. Скончался в Лондоне.

³ В богослужебной практике Псалтирь делится на 20 частей, которые называются кафизмами.

*Семинар о. Сергия Булгакова на квартире у Л. А. Зандера,
21.12.1933 г. Сидят слева направо: о. С. Булгаков,
м. Мария (Скобцова), Ю. Н. Рейтлингер, В. В. Зеньковский,
В. Н. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Н. Н. Афанасьев, Л. А. Зандер.
На полу сидят: В. А. Зандер, м. Евдокия, А. В. Оболенская.
Слева стоят: В. В. Вейдле, Г. П. Федотов; справа стоит Б. И. Сове*

*Вилла де Сакс. Во главе стола сидит м. Мария (Скобцова),
рядом с ней по левую руку сидит её мать Софья Борисовна
Пиленко, третья от неё по правую руку —
Мария Георгиевна Куртэн, слева в глубине стола видна м. Евдокия.*

посредственно. Здесь же пришлось всему учиться сразу, и жизнь требовала, чтобы она схватывала новую науку на лету. Не зная ни гласов, ни напевов, новоиспечённая псаломщица первое время речитативом исполняла все песнопения литургии вплоть до Херувимской. Но время шло, и приобретался опыт.

В душе она всё более тяготилось тем, что ей приходится скрывать свою принадлежность к монашеству. Пока был жив о. Софроний, тайное монашество м. Евдокии покрывалось силой его молитвы. Был духовный отец, который знал её как монахиню и вёл её как монахиню. Но после его смерти двойственность, неопределённость положения стала мучительной.

Как-то на кухне, стоя над плитой, она помешивала ложкой кипящую в кастрюле еду. М. Мария со свойственной ей стремительностью вошла в помещение и воскликнула:

— Хорошо, если бы кроме меня здесь была ещё одна монахиня! Нет ли у вас желания принять постриг?

Внезапно для самой себя м. Евдокия ответила:

— Да я уже пострижена!

Услышав такую потрясающую новость, м. Мария помчалась к владыке Евлогию с докладом.

Митрополит вызвал м. Евдокию, расспросил обо всех подробностях, желая убедиться в том, что постриг был совершён согласно канонам. Выслушав, он благословил её носить монашескую одежду и сам приехал на Вилла де Сакс, чтобы в Покровской церкви облачить, — так в епархии появилась новая монахиня.

Приблизительно в это же время, то есть, в конце 1932 года о. Сергей Булгаков предложил ей преподавать английский язык¹ в Богословском институте имени преподобного Сергия Радонежского. Денег это не приносило почти никаких, но благодаря этой деятельности м. Евдокия обрела много новых друзей и знакомых в церковных кругах, а с 1933 года вместе с о. Сергием стала совершать поездки в Англию.

В 1927 году с благословения митрополита Евлогия группа русских православных христиан из Парижа, возглавляемая о. Булгаковым, отправилась в Англию на встречу с представителями Англиканской церкви. Встреча происходила в маленьком городке Сент-Албанс, расположенном недалеко от Лондона,

¹ М. Евдокия начала преподавать английский язык в Свято-Сергиевском Богословском институте в 1932 г. и прекратила свою преподавательскую деятельность не ранее 1939 г.

близ громадного собора, построенного в честь святого Албания (†305), первомученика Англии. Для многих англикан общение с православными оказалось поворотным пунктом в их жизни.

В своей статье «Миссионерская работа в Англии» Н. М. Зёрнов писал:

Для нас, русских, встреча с англиканами тоже имела большое значение. До тех пор мы чувствовали себя одинокими среди западных христиан. Римо-католики старались убедить нас, что все наши несчастья — результат нашего отказа признать главенство пап. Протестанты обвиняли нас в потере чистоты библейского учения. Англикане были первые христиане на Западе, которые не пытались переучивать нас. Они хотели познакомиться с нами, понять наше богословие и со вниманием вслушивались в наше истолкование христианства. Они были готовы учиться у нас и делиться с нами своим опытом.¹

Первый съезд англикан и православных послужил началом русской миссионерской деятельности в Англии. Он прошёл настолько удачно, что его участники решили встретиться снова. Второй съезд открылся в конце того же 1927 года и прошёл с ещё большим успехом. На заключительном собрании было создано Содружество святого Албания и преподобного Сергия Радонежского. Председателем Содружества был выбран епископ Вальтер Трурский², а заместителем председателя — о. Сергей Булгаков.

В 1933—1938 годах владеющая английским языком монахиня Евдокия совершает ежегодные поездки в Англию. Сохранился её доклад 1934 года на английском языке: «Обращено ли Евангелие к личности или же к человеческому обществу в целом?», напечатанный в журнале «Sobornost»³. За тридцатые годы она съездила в Англию восемь раз. В первый же свой приезд познакомилась с епископом Вальтером Трурским, он очень хорошо к ней отнёсся и предложил ей посетить английские монастыри. После съезда м. Евдокия в течение двух недель ездила по Англии, побывала в разных монастырях и познакомилась со многими английскими христианами. Всё это было, конечно же, не случайно и сыграло особую роль в её дальнейшей жизни.

¹ Хроника семьи Зёрновых. Т. 2. С. 223.

² Епископ Уолтер Фрир (Frere Walter, bishop of Truro) — епископ англиканской церкви (1863—1938). Принадлежал к ордену англиканских францисканцев.

³ Sobornost, 24. The Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius / June, 1934. P. 9.

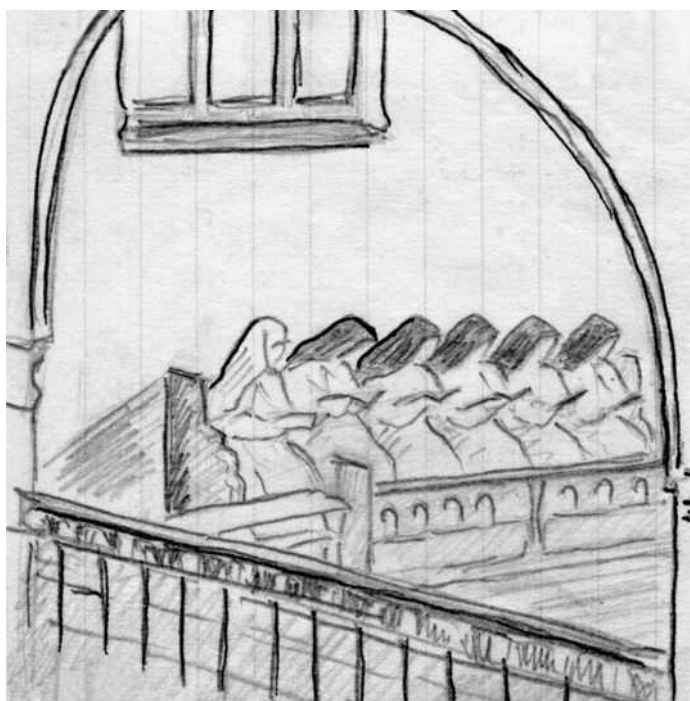
Епископ Вальтер Фрир. 1939 г.

М. Евдокия в Англии. 1936 г.

Английская монахиня (рис. м. Евдокии)

Английские монахини (рис. м. Евдокии)

Съезд православных и англикан, 1936 г. В первом ряду шестая справа сидит м. Евдокия

Глава 4

Приезд во Францию Эдуарда Эдуардовича и Марии Эдуардовны Куртэнов. — Основание общежития для бедных на улице Лурмель. — Разногласия между м. Марией и м. Евдокией

Весной 1933 года из России во Францию наконец приехали Эдуард Эдуардович Куртэн с младшей дочерью. Очень трудолюбивая и аккуратная, Мария Эдуардовна справлялась с любой работой. Сначала она устроилась к писателю и историку Сергею Сергеевичу Ольденбургу¹, предложившему ей привести в порядок дом. Потом, расставшись с Ольденбургами, она поступила на фабрику Рено, где работал бухгалтером её дядя Шарль. Там она быстро стала продвигаться по службе, благодаря своим способностям и организаторским качествам. Она много ездила, изучала Париж, и хотя жила с некоторого времени на Вилла де Сакс, носила мирское платье.

Как это ни покажется странным, из всех Куртэнов больше других по России тосковал любивший когда-то в прошлом повторять «j'ai le cœur français»² Эдуард Эдуардович. До конца своих дней он по-настоящему болел ностальгией.

Через два года благотворительное дело на Вилла де Сакс приобрело такой размах, что приютский дом, в котором было десять комнат, всех нуждающихся больше не вмещал. Срок длительности аренды дома подошёл к концу, и м. Мария с м. Евдокией подыскивали новое помещение, несравненно более просторное, но баснословно дорогое.

---

¹ Сергей Сергеевич Ольденбург (1888–1940) — историк, публицист, писатель, профессор истории. Автор фундаментального исторического исследования о царствовании Императора Николая II.

² У меня французская душа (фр.).

«Денег никаких нет, риск огромный, — писал К. В. Мочульский¹ про м. Марию, — но она не боится. “Вы думаете, что я бесстрашная. Нет, я просто знаю, что это нужно и что это будет. На Сакс я не могла развернуться. Я кормила там двадцать пять голодающих, теперь я буду кормить сто. Я просто чувствую по временам, что Господь берёт меня за шиворот и заставляет делать то, что Он хочет. Так и теперь с этим домом. С трезвой точки зрения это — безумие, но я знаю, что это будет. Будет и церковь, и столовая, и большое общежитие, и зал для лекций, и журнал. Со стороны я могу показаться авантюристкой. Пусть! Я не рассуждаю, а повинуюсь”».²

На улицу Лурмель, 77 переехали летом 1934 года. Здесь в бывшей конюшне поместилась церковь снова в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Было устроено общежитие для бедных, столовая для безработных. Вместе с монахинями на Лурмель перебрался о. Лев (Жилле) и поселился на дворе в заброшенном сарае. М. Мария по ночам ходила на базары, забирала там бесплатно у продавцов остатки не проданных за день продуктов и рано утром приносила на Лурмель мешки с обрезками мяса и какие-нибудь овощи. А м. Евдокия трудилась на кухне³, готовя дважды в день по сто порций для обеда и ужина.

М. Мария повесила на стене лурмельской церкви занавес из плотной ткани, на нём она вышивала для поминовения имена покойников, которых они отпевали. Важным послушанием м. Евдокии было посещать морги и забирать оттуда тела одиноких русских людей, погибших в дорожных катастрофах или умерших при невыясненных обстоятельствах, и устраивать им церковное отпевание и погребение. Она сама их обмывала и по ночам читала над ними псалтирь. В 1938 году отпеваний у них было больше, чем во всех других православных церквях Парижа вместе взятых, включая Александро-Невский собор.

---

¹ Константин Васильевич Мочульский (1892—1948) — историк и писатель. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где остался преподавать. В эмиграции с 1920 г. Преподавал в Париже в Сорбонне и в Свято-Сергиевском Богословском институте латинский и славянский языки, историю Западной Церкви. Активный участник Русского студенческого христианского движения (РСХД) и религиозной организации «Православное дело».

² Цит. по: *Сергий (Гаккель)*, *фот.* Мать Мария. С. 69.

³ М. Евдокия трудилась на кухне не в течение всего периода своего пребывания на Лурмеле. Позднее появились помощники.

*Карл Эдуардович Куртэн,
или дядя Шарль*

М. Мария (Скобцова)

*Дурмель. Слева направо: с. Мария (Рытова), м. Мария (Скобцова),
м. Евдокия*

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на улице Луфмель

*Церковь Покрова Пресвятой Богородицы на улице Лурмель.
Шитьё и росписи м. Марии*

*Лурмель. В первом ряду слева направо: м. Мария, митр. Евлогий,
о. Евфимий (Вендт), м. Евдокия*

В эти годы монахиня Евдокия совершала поездки с докладами к католикам и протестантам. Известно, что, например, в 1935 году под Парижем в Шавиле она выступила с лекцией на тему «Жизнь и смерть православного монастыря в советской России». Не раз выступала с докладами для своих русских слушателей на Лурмеле. К сожалению, тексты её выступлений не сохранились.

В 1936 году митрополит Евлогий назначил настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Лурмеле архимандрита Киприана (Керна)¹, сменившего на этом посту иеромонаха Евфимия (Вендта)².

Рассказ Нины Константиновны Рауш фон Траубенберг³.

Мой отец⁴ командовал военной частью Северного войска, которой под натиском большевиков пришлось отступить из России в Финляндию. Таким образом, я родилась в Финляндии

---

¹ Архимандрит Киприан, в миру Константин Эдуардович Керн (1899–1960). После Октябрьской революции эмигрировал из России в Сербию. Принимал участие в работе Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). С 1927 г. — иеромонах. Преподавал литургику и апологетику в православной духовной семинарии в Битоле (Сербия). Некоторое время (с 1928 г.) возглавлял в Иерусалиме Русскую духовную миссию. В 1936 г. переехал в Париж и стал преподавателем в Свято-Сергиевском Богословском институте (греческий язык, пастырское богословие, литургика, патрология). Около года служил в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель, 77. Автор многих богословских трудов.

² Архимандрит Евфимий, в миру Григорий Александрович Вендт (1894–1973). Окончил Высшую инженерную школу и Политехнический институт в Москве. В эмиграции с 1920 г. Иеромонах (1935). Окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже (1936). Настоятель Троицкой церкви в Озуар-ля-Феррьер, церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель в Париже. Служил в Воскресенской обители в Розе-ан-Бри (1936–1938). Духовник и настоятель церкви при женской обители в честь Казанской иконы Божией Матери в Муазене-ле-Гран. Церковь построил собственными руками, в ней же был похоронен.

³ Нина Константиновна Рауш фон Траубенберг, баронесса, родилась в 1920 г. В молодости активный член Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Жительница Парижа. По профессии психолог. Одна из старейших прихожан церкви Введения во Храм Пресвятыя Богородицы на улице Оливье де Серр.

⁴ Полковник Константин Павлович Рауш фон Траубенберг, барон, командир 13-го Северного стрелкового полка.

в военном лагере. Когда мне было несколько месяцев, наша семья переехала в Берлин, а в 1924 году — в Прагу, где в это время находилось всё семейство моей матери — Евреиновы. Отец был болен туберкулёзом и умер в 1925 году. Матери в Праге удалось окончить Педагогический институт, после чего она была назначена руководительницей русских детских садов в Болгарии, и мы перебрались в Софию. В 1930 году мать решила уехать во Францию, и 30 сентября мы прибыли в Париж. С нами была моя бабушка, замечательный человек, но совершенно не приспособленный к жизни практически. Она прекрасно играла на форте, но больше ничего делать не умела. В 1935 году моя мать умерла. Меня стал опекать её старший брат, дядя Владимир Алексеевич Евреинов. Денег было очень мало, и дяде, который жил со своей матерью, трудно было прокормить четырёх человек. Поэтому мы с бабушкой решили поселиться в дешёвом общежитии м. Марии Скобцовой на улице Лурмель. Прожили мы там один год с сентября 1937 года по сентябрь 1938 года. Мне было в ту пору семнадцать лет.

К сожалению, этого дома на рю¹ Лурмель больше не существует. Но я его отлично помню. Вход был с улицы, а сразу направо — бюро Фёдора Тимофеевича Пьянова, то есть, организации «Православное дело». Налево — вход в большой зал, который служил столовой, в нем же устраивались всякие доклады. В конце зала дверь вела в кухню, где можно было часто видеть за работой м. Евдокию.

Сейчас появилось представление, будто обеды на Лурмеле были бесплатные для всех. Это не совсем верно. Бесплатно кормили безработных. А мы, насельники, столовались отдельно и за питание платили, хотя, конечно, мало, какие-то гроши.

Рядом с бюро большая лестница поднималась на второй этаж, там были расположены жилые комнаты. Первую комнату занимали мы с бабушкой, вторую — о. Герман Бартнев² с женой и дочерью Настей, с которой я была очень дружна. Следующая комната принадлежала Насте ван Штегельман. В углу находилась маленькая комната, где жил архимандрит Киприан (Керн). А рядом крошечная лесенка спускалась прямо в келью м. Марии и потом во двор. Вокруг двора были ещё здания, и на первом этаже помещались бывшие конюшни, а на втором — маленькие

¹ Rue — улица (фр.).

² Протоиерей Герман Бартнев (1880—1969). В эмиграции во Франции с 1920 г., член РСХД. Священник с 1932 г. С 1949 г. по 1952 г. служил в Покровской обители в Бюсси-ан-От.

комнатки. И вот там жили м. Евдокия с матерью и сестрой, ставшей впоследствии монахиней Дорофеей, потом наш большой друг караим Алексей Ааронович Бабаджан, потрясающий человек, которого крестил о. Сергей Булгаков. Бабаджаны часто приглашали нас к себе. И не только нас. У них все собирались: о. Киприан, м. Евдокия, Настя ван Штегельман приходила. Среди них я была самой молодой. М. Евдокия шутила с нами и сама смеялась, но в ней присутствовала глубокая постоянная внутренняя сосредоточенность.

О. Киприан был прекрасный рассказчик. Он делился с нами своими интереснейшими воспоминаниями об Иерусалиме и Сербии, где ему довелось жить. Иногда он приглашал всю нашу группу на прогулки в лес, в которых и м. Евдокия принимала участие. Он замечательно служил. Нельзя забыть ночных пасхальных богослужений, когда о. Киприан как на крыльях летал по церкви и во двореке на Лурмеле с возгласом «Христос Воскресе!»

Надо сразу сказать, что отношения между м. Марией, с одной стороны, и о. Киприаном и м. Евдокией, с другой, были непростые, так как их взгляды на монашество не совпадали. О. Киприан — высокообразованный человек аристократической внешности — был как монах очень строгий аскет, и по духу он совсем не подходил м. Марии, это было совершенно очевидно. М. Евдокия, ставшая монахиней ещё в России, тоже превыше всего ставила молитвенные труды. Она, конечно, не могла воевать с м. Марией, но всем сердцем м. Евдокия тянулась к другой жизни, и чувствовалось, что она на Лурмеле временно.

Настя ван Штегельман (потом Лебедева) была близка к м. Марии, которой она много помогала. Настя ездила с ней по ночам на центральный парижский рынок¹ добывать бесплатные продукты, чтобы готовить обеды для немощных.

На Лурмеле, как я уже говорила, устраивались доклады. Выступали Бердяев (он вообще был тесно связан с «Православным делом»), Мочульский. К сожалению, я тогда была ещё слишком молода, чтобы по-настоящему понимать, о чём они говорили. Знаю, что не раз бывал с докладами о. Сергей Булгаков, но я на них не присутствовала.

В церкви м. Евдокия исполняла обязанности псаломщицы, и Бабаджан тоже. М. Евдокия учила меня читать по-славянски.

---

¹ Знаменитое «чрево Парижа», описанное Э. Золя. В настоящее время не существует.

На клиросе пел хор знаменитого Поторжинского¹. Помню, что свечной ящик был налево от входа. На нём м. Мария изобразила сад с деревом познания добра и зла.

Все эти люди — м. Мария, о. Киприан, м. Евдокия — были очень непохожи друг на друга, но каждый по-своему был замечательным человеком. И у каждого был свой особенный неповторимый путь.

Религиозное благотворительное объединение «Православное дело» родилось в Париже в 1935 году. Среди основателей его были м. Мария (Скобцова), о. Сергей Булгаков, философ Н. А. Бердяев², историк Г. П. Федотов³, историк и филолог К. В. Мочульский. «Православным делом» новая организация стала именоваться по предложению Бердяева. 27 сентября после литургии на Лурмеле состоялось торжественное заседание при участии митрополита Евлогия, благословившего начинание словами:

— Помогайте меньшей братии.

---

¹ Ф. С. Поторжинский (1901–1976), регент, обладатель великолепного баса, создал в эмиграции прекрасный церковный хор. Хор Фёдора Поторжинского пел на Лурмеле по воскресеньям и праздникам. В будни обычно на клиросе подвизалась м. Евдокия.

² Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — религиозный философ, один из основоположников экзистенциализма в России. Учился в Киевском университете (на физико-математическом и юридическом факультетах), откуда в 1898 г. был исключён за участие в студенческих беспорядках. В первой половине 90-х годов примыкал к марксистам, позднее отошёл от марксизма, вместе с С. Н. Булгаковым редактировал философский журнал «Вопросы жизни». Один из инициаторов и авторов сборника «Вехи». В 1922 г. выслан из России и прибыл на Запад на «пароходе философов». Около двух лет жил в Германии. С 1924 г. и до конца своих дней жил во Франции, издавал религиозно-философский журнал «Путь», работал в издательстве «УМСА-PRESS», читал лекции, много публиковался. Оставил обширное наследие. Умер от разрыва сердца, похоронен на кладбище Буа-Тардье в Кламаре.

³ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) — религиозный философ, историк, публицист. Окончил исторический факультет Петербургского университета (1912). В 1925 г. эмигрировал из Советской России в Германию. С 1926 г. — профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Преподавал историю Западной Церкви и агиологию. В 1940 г. уехал из оккупированной немцами Франции в США. Профессор Свято-Владимировской православной семинарии в Нью-Йорке. В 1956 г. его труды были напечатаны в Париже.

Владыка Евлогий и о. Киприан (Керн)

**Russisch – Ukrainischer Chor
Dirigent Feodor Potorjinsky**

Хор Ф. Поторжинского

М. Мария, Мария Эдуардовна Куртэн, м. Евдокия, 1936 г.

*Прогулка в лесу. Слева направо: Ольга Бабаджан, Нина Рауш,
о. Киприан, м. Евдокия, 1938 г.*

О. Киприан (Керн) на прогулке

Сергиевское подворье, весна 1938 г. Преподаватели и студенты.

Сидят слева направо: Г. П. Федотов, м. Евдокия, о. Кассиан (Безобразов), о. С. Булгаков, митр. Евлогий, о. Киприан (Керн), о. Никон (Греве), о. Афанасий (Петров), В. В. Зеньковский, Н. С. Арсеньев, Е. Е. Киселевский

Почётным председателем стал сам митрополит, председательницей назначена м. Мария, её заместителем — Константин Васильевич Мочульский, казначеем — священник Михаил Чертков¹, секретарём — Фёдор Тимофеевич Пьянов². «Православное дело» посвятило себя служению неимущим и бедствующим.

Ещё в 1932 году м. Мария писала:

*У меня... сейчас очень острое чувство, что всякая даже замечательная теория... менее ценна и нужна, чем всякая даже не очень значительная практика. Потребность конкретности — первое, что я чувствую со всей остротой*³.

М. Евдокия всегда уважала м. Марию, но активное монашество последней было ей чуждо. Стержень монашеской жизни она полагала в молитве и всегда посещала церковные службы, в то время как «м. Мария, которая поздно ложилась спать и, когда надо было идти на центральный рынок, вставала задолго до рассвета, посещала богослужения значительно реже. Даже если она попадала на службу, ей часто не удавалось отстоять её до конца, так как предстояла ещё “внехрамовая литургия”, “литургия, проецируемая из церкви в мир”⁴, а если утро уйдёт на службу, кто будет хлопотать об обеде, которого ждёт так много людей? Случалось, что некоторые посетители храма делали замечания по поводу её отсутствия в церкви, не понимая, что “в скучных, трудовых, будничных аскетических правилах, касающихся нашего отношения к материальным нуждам ближнего, уже (или, тоже) лежит залог возможного Богообщения, внутренней их духовности”⁵. Благодетельство за счёт такого рода

---

¹ Протоиерей Михаил Фёдорович Чертков (1878—1945) окончил Петербургский юридический факультет. Земский деятель. После революции вместе с семьёй эмигрировал сначала в Бессарабию, потом во Францию. После смерти жены принял священнический сан (1934).

² Фёдор Тимофеевич Пьянов (1889—1969). Один из руководителей Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). С 1930 г. секретарь церковной организации помощи русским эмигрантам «Православное дело». Во время Второй Мировой войны принимал участие во французском Сопротивлении. В 1941 г. был арестован фашистами и заключён в концлагере Компьень, из которого ему удалось выйти. В 1943 г. был вторично арестован гестапо. В 1945 г. освобожден из лагеря. Умер в 1969 г.

³ Цит. по: *Сергий (Гаккель), прот. Мать Мария*. С. 102.

⁴ Там же. Здесь о. Сергий ссылается на: *Мать Мария*. Итоги 7-ми лет. Неизд., архив.

⁵ *Монахиня Мария (Скобцова)*. Вторая заповедь // Православное дело. Сборник I. Париж, 1939. С. 38.

Богообщения подчас в свою очередь раздражало м. Марию. Она с крайним неодобрением отнеслась к особому сбору, организованному м. Евдокией среди молящихся на приобретение дополнительных богослужебных книг: такого рода расходы она считала недопустимыми в дни безработицы и нужды»¹.

Но нетрудно было понять псаломщицу монахиню Евдокию: на клиросе в Покровской церкви на Лурмеле почти никаких богослужебных книг не было. Службы ей приходилось составлять иногда самым замысловатым образом, используя Великий Часослов с последованием². У неё не было даже такой необходимой для клироса книги, как Октоих³. На составление служб и переписывание текстов уходило масса времени, а его и так не хватало у перегруженной обязанностями псаломщицы.

М. Евдокия, восприняв от о. Софрония любовь к молитвенным трудам, тяготела к жизни созерцательной, хотя и не исключавшей общественного служения. М. Мария целиком посвящала себя социальной деятельности, помощи ближнему, ради которого она была готова отдать жизнь по примеру Спасителя. Только в этом видела она смысл христианства, и Господь, принимая горение её сердца, сподобил её мученической кончины. Они обе были личностями крупного масштаба и совершенно разными натурами — Мария и Марфа. Нельзя сказать, что они не старались сглаживать возникающие между ними противоречия, но душевные их устремления не совпадали. Причём на Лурмеле, также как до этого на Вилла де Сакс, «в этой “церковной богеме” (определение м. Евдокии), вопрос о старшинстве не только не был разрешён, но даже никогда не ставился: так или иначе, не было игуменьи, которая могла бы “авторитетно” разрешать проблемы».⁴

В связи с этим вспоминается изложенная в Житиях святых поучительная история о двух братьях-подвижниках, один из которых открыл странноприимный дом, чтобы довольствоваться нищих, а другой, став монахом, ушёл в пустыню. По их смерти одному из священнослужителей того места было откровение, что оба брата в равной мере угодили Богу. И теперь, когда многие десятилетия отделяют нас от довоенного времени, когда

¹ *Сергий (Гаккель), прот.* Мать Мария. С. 74—75.

² Богослужебная книга Православной церкви, содержащая неизменяемые молитвословия богослужений дневного суточного круга.

³ Богослужебная книга Православной церкви, содержащая молитвословия богослужений седмичного (недельного) круга.

⁴ *Сергий (Гаккель), прот.* Мать Мария. С. 77.

мы уже знаем, как развивались дальше и чем закончились земные дни и м. Марии, и м. Евдокии, мы можем с уверенностью сказать, что путь и той, и другой имел благословение Свыше. Рука Божия вела их обеих, так что каждая из них подвигом добрым подвизалась, течение совершила, веру сохранила¹, умножив данные от Бога таланты. Но тогда, на Лурмеле, взаимное непонимание угнетало. «Я боялась м. Марии, а её я раздражала», — вспоминала м. Евдокия впоследствии².

С м. Марией (Скобцовой) и другими основателями общественого объединения «Православное дело» м. Евдокия самоотверженно трудилась в течение шести лет (1932—1938). Это были нелёгкие годы. Но они были исполнены вдохновения и веры в правильность избранного пути. За эти годы м. Евдокия духовно окрепла, и скоро Господь призвал её к новому подвигу.

---

¹ Ср.: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4, 7).

² *Сергий (Гаккель), прот. Мать Мария. С. 77.*

Глава 5

Основание богадельни в Розе-ан-Бри монахиней Меланией (Лихачёвой). — Чудо обновления иконы Воскресения Христа и двенадцатых праздников. — Разногласия между насельниками монашеской общины и прихожанами. — Основание скита в честь Казанской иконы Божией Матери в Муазене-ле-Гран

В 1932 году митрополит Евлогий освятил в пригороде Парижа в городке Аньер новую маленькую церковь, посвящённую Христу Спасителю в память разрушенного большевиками храма в Москве. Настоятелем был назначен молодой иеромонах Мефодий (Кульман)¹, отдававший приходу всю свою душу. В то время во Франции не было социальных законов, предоставляющим беженцам права на денежные пособия, на медицинское обслуживание, на детей, на пенсии; не существовало старческих домов для престарелых и потерявших трудоспособность. Благодаря о. Мефодию в Аньере была организована благотворительная помощь для немощных и неимущих членов прихода. В церковном доме отвели помещение для призрения престарелых женщин, а при церкви устроили трапезную для нуждающихся прихожан.

---

¹ Иеромонах Мефодий, в миру Владимир Николаевич Кульман (1902–1974). Родился в Санкт-Петербурге, в 20-х годах эмигрировал сначала в Болгарию, затем в Чехословакию и во Францию. В 1930 г. пострижен в монашество. В 1931 г. окончил в Париже Свято-Сергиевский Богословский институт, иеромонах, настоятель церкви Всемилостивого Спаса в Аньере. Организатор ежегодных паломнических поездок в Святую Землю (1952–1973). Епископ Кампанский, викарий митр. Владимира (Тихоницкого) (1953). Редактор журнала «Вечное», редактор епархиального журнала «Церковный Вестник». Похоронен в крипте Успенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа.

Богадельню возглавила Екатерина Любимовна Лихачёва¹ — человек, исполненный жертвенности и всепрощающей любви. В Петербурге она одновременно окончила и педагогические, и фельдшерские курсы. Некоторое время служила учительницей земской школы, а во время русско-японской войны на востоке, куда был командирован её муж, Ф. А. Лихачёв, — сестрой милосердия. В Первую мировую войну работала сестрой милосердия на фронте. В 1916 году её муж в чине полковника вышел по болезни в отставку. В 1925 году семья переехала в Париж, и вскоре Ф. А. Лихачёв скончался. Похоронив мужа, Екатерина Любимовна решила посвятить себя служению церкви. Любимым её делом было воспитание детей, но она отдалась заботе о престарелых и нередко повторяла:

— Детей любят все, а стариками никто заниматься не хочет. Это не привлекает, именно поэтому следует заняться стариками.

В 1935 году приход аньерской церкви арендовал в пятидесяти километрах от Парижа в селении Розе-ан-Бри трёхэтажный дом с усадьбой. Старинный дом был запущен, так как в нём никто не жил с 1900 года, и требовал ремонтных работ и очень основательной уборки. Предполагалось устроить в нём церковь, общежитие для одиноких престарелых женщин и ввести полумонастырский устав с ежедневными службами. Летом усадьба могла быть полезна и в качестве дома отдыха преимущественно для аньерских прихожан. Екатерина Любимовна, постриженная в 1934 году владыкой Евлогием в монашество с именем Мелания, была назначена начальницей нового благотворительного учреждения, так как уже имела большой опыт в ведении подобного дела.

Приводить дом в порядок м. Мелания направила своих послушниц сестру Марию (Рытову)² и сестру Лидию (Соломянскую)³. Им вызвался помочь только что овдовевший прихожа-

---

¹ Монахиня Мелания, в миру Екатерина Любимовна Лихачёва, урождённая Кон (1870—1949), училась на Высших Бестужевских курсах в Санкт-Петербурге, в 20-х годах эмигрировала во Францию, игуменья монашеской общины в Розе-ан-Бри.

² Инокния Мария, в миру Мария Игнатьевна Рытова (1880-?), род. в Вильне.

³ Сестра Лидия, в миру Лина Иосифовна Соломянская (1903—1992), будущая монахиня Феодосия, игуменья Покровского монастыря в Бюсси-ан-От. Происхождением из буржуазной еврейской семьи. Родилась в Одессе, вместе с родными в 1921 г. тайно пересекла границу и

нин аньерской церкви Мануил Яковлевич Тихонович (за упокой его жены с. Лидия читала псалтирь).

Они втроём поселились в громадном неустроенном доме, в примитивных условиях — не было ни электричества, ни плиты — и постепенно чистили его, красили, отмывали, а Мануил Яковлевич сам проводил электричество. Позднее приехала матушка Мелания со своей подругой юности Аллой Михайловной Томской.

Из записок игуменьи Мелании:¹

Обновление иконы двенадцатых праздников в ночь с 6/19 на 7/20 октября 1935 года.

В Великом Посту 1935 года одна благочестивая женщина, Алла Михайловна Томская, принесла в храм Христа Спасителя в Аньере совершенно тёмную, почти чёрную икону. По её словам, эту икону нашёл во французской семье её ученик Николай Саламатин и принёс ей. Он рассказывал, что дети вбивали в неё гвозди, цаппали ножом, играли, не подозревая, что это икона.

Художник-иконописец Н. Н. Холодовский нашёл, что реставрировать её невозможно. Икону повесили в алтаре, где она пребывала до начала октября 1935 года, когда её передали в собственность маленькой монашеской общине², только что открытой при Убежище для престарелых.

7/20 октября ожидали посещения Убежища владыкой митрополитом Евлогием. Накануне вечером 6/19 октября мы с с. Лидией и помогавшим нам Мануилом Яковлевичем Тихоновичем, придя в новоустроенную часовню (церкви ещё у нас не было), обдумывали, какую икону повесить над входом в дом. Мануил Яковлевич хотел было повесить тёмную икону, снял её со стены, мы её вытерли и не решились повесить, так как разобрать и определить точно, какая это икона, было невозможно.

Рано утром А. М. Томская и я вошли в часовенку. Алла Томская, посмотрев на висящую икону, вскричала: «Посмотри, что с иконою!» Я сняла её со стены: она прояснилась, появились краски, определился рисунок. Перед нами была чудного письма

бежала из Советской России в Польшу. Во Франции с 1929 г. В 1933 г. приняла крещение в Аньерской церкви, получив имя Лидия.

¹ Печатается по машинописной брошюре, посвящённой памяти м. Мелании.

² В Розе-ан-Бри.

икона двенадцатых праздников с Воскресением Христовым в центре.

Неизъяснимое чувство овладело нами, — весь день прошёл, как в сновидении. В четвёртом часу приехал владыка митрополит Евлогий с о. Никоном¹ и о. Мефодием.

Отслужив молебен, владыка сказал: «Великая милость Господня!» Наименовали нашу обитель во имя Воскресения Христова, праздник же в день обновления Храма Воскресения Христова в Иерусалиме 13/20 сентября.

Кондак: «Небо многосветлое церковь показася, вся просвещающая вернии. В ней же стояще, зовем: сей дом утверди, Господи».

С этого дня икона продолжала проявляться и светиться: рисунок ярко выделился, царапины покрылись нитями, раны от гвоздей ожили, — вся она излучала благодатное сияние.

Около этой иконы при соборовании, которое совершил о. Мефодий на пятой неделе Великого Поста 1936 года, я получила мгновенное исцеление от тяжёлой, крайне мучительной болезни печени.

Икона эта даёт нам бодрость и силы. После молитвы перед ней Господь нас вызволяет из самого, казалось бы, безвыходного положения. Мы верим, что она нас охраняет, напоминая о милости Господней.

Когда первые необходимые работы для приёма насельниц были сделаны, м. Мелания привезла из Аньера в Розе опекаемых старушек. После обновления иконы уже не было сомнений в том, что место, где они собираются поселиться, предызбрано Свыше и Господь не оставит Своею помощью на нём подвижающихся.

---

¹ Будущий архиепископ Никон (1895–1983), в миру Алексей Иванович Грече, до принятия монашества — профессиональный военный, полковник лейб-гвардии Московского полка. Эмигрировал во Францию и окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже. Рукоположен в иеромонахи (1928), архимандрит (1936). Во время оккупации был интернирован немцами. После войны — епископ Сергиевский, потом епископ Бельгийский. Переехал в США, был ректором Свято-Тихоновской духовной семинарии. Епископ Торонтский и Канадский (1957–1959). Архиепископ Токийский и Японский (1959–1963), архиепископ Бруклинский (1963–1978). Скончался в г. Стейтен Айленд. По его просьбе похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

К новой монашеской общине, оставив Лурмель, присоединилась Мария Эдуардовна Куртэн. В Кизилташе она была рясофорной инокиней, значит, монашеских обетов ещё не приносила, что позволяло ей согласно церковным канонам со спокойной совестью вернуться в мир. И в какой-то момент своей жизни Мария Эдуардовна усомнилась в своём монашеском призвании. Но однажды на Лурмеле ей попались «Записи» о. Александра Ельчанинова¹. Читая эту книгу, она прорыдала всю ночь, чувствуя глубокое раскаяние за предательство прежних своих духовных идеалов. На следующий день она решительнейшим образом заявила, что в миру оставаться не может ни одной лишней минуты, и уехала в Розе-ан-Бри к м. Мелании. 6/19 февраля 1936 года владыка Евлогий постриг Марию Эдуардовну в мантию с наречением имени Дорофея.

После пострига она получила письмо от о. Сергия Булгакова:

13.III.1936

+

Дорогая о Господе мать Дорофея!

В первый раз приходится мне назвать Вас этим новым монашеским именем, и чувствую всю мистическую значительность этого переименования, как нового рождения. Духовно был с Вами в день Вашего пострига и радуюсь, что Вы пережили его достойно в его значительности и радостно в его благодатности. Да благословит Бог и дальнейшее течение Вашего монашеского пути! Не смущайтесь, если чувствуете, что старые греховные навыки остались с Вами. Не думайте, что монашеский постриг есть род духовного аэроплана, который уносит прямо в небо, оставляя грех нам, несчастным не монахам. Думать так было бы верхом монашеского несмирения. Нет, вам, как и нам, надлежит в подвиге «терпения и любви» совершать путь своего восхождения, если точнее сказать, — лишь бы не нисхождения.

---

¹ Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934), священник. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1906), директор гимназии Левандовского в Тифлисе. Из Грузии эмигрировал во Францию, преподавал в лицеях Ниццы, активный член РСХД, дьякон (25. 07. 1926), священник (28. 07. 1926). Скоропостижно скончался от заражения крови. Его известная книга «Записи» была издана посмертно.

+

13. III. 1936.

Дорогая о Господе мать Дорочка!

Во первом разе познакомили мнѣ крестомъ Ваш
этотъ монашеский именованъ и зовутъ всю монашескую
значительность это переименованъ, какъ новый рожденіи.
Душевнѣе отъ отъ Вамъ а все Ваше крестомъ, и радуютъ
это Вы переименъ отъ дорочка^а отъ (матушкинскіе) и радуютъ
отъ отъ дорочка. Да блаженнѣе Богъ и блаженнѣе
меченіи Ваше монашескаго муръ! Не стужаетъ, какъ
зубовъ, что старое зубовъ кавани остави отъ Вамъ. Не
дурнее, что монашескіи муръ отъ разе зубовъ агро-
несса, иногда укажутъ отъ а кавани, остави отъ
денятъ дурнее кавани, кавани не-монаха. Дурнее
какъ отъ отъ зубовъ монашескаго не-спиреніи. Кавани,
Вамъ, кавани и кавани, кавани а кавани, "матушкинскіе" и
кавани" совершатъ муръ отъ отъ отъ отъ отъ отъ отъ

Письмо о. Сергия Булгакова к м. Дорочке

Хорошо, что Вы любите свой труд, а также, что птички учат Вас хвалить своего Создателя. Так ведь им и полагается вместе с иными тварями, как это следует на основании песни трёх отроков, которую мы теперь каждодневно слышим на утрене в стихословии 7 и 8 песен канона.

Сегодня видел Вашу старицу и просил её не изнувать Вас изрядно. Хорошо, что Вы имеете к ней такие добрые чувства. Это есть лучший способ влиять в добрую сторону на человека, даже если он в таком влиянии и не нуждается (а кто это в нём не нуждается?).

Благодарю Вас за приглашение на отдых, но пока о нём думать не приходится, да и предварительно нужно его заслужить. Призываю на Вас благословение Божие.

С любовью о Господе,
Ваш прот. С. Булгаков

Ел. Ив.¹ Вас приветствует.

Сохранились и письма Марии Георгиевны из лурмельского общежития к младшей дочери:

22 апреля 1936. Париж

Дорогая Малыся!

Спасибо за письмо. Котик уехала в среду с Настей и Надей из нашего дома. Галдеж в передней стоял невообразимый, пока они собиравались в путь-дорогу: и пение, и поцелуи. Багажа набрали кучу, и оба студента всё это потащили, т. е. вещи. На вокзале тоже много было отъезжающих с Сергиевского подворья, словом, их компания в 30 человек. Котик прислала пока только одну открытку Папаше и тебе, вероятно, тоже написала. В Англии холодно и пасмурно, но они в восторге... У меня много адресов Котика, но забыла, на какой ей писать, не дала ли она тебе свой адрес? Напиши мне его. У нас всё благополучно: одни приезжают, другие уезжают — вечный калейдоскоп...

В воскресенье была у Шарля, ходили на кладбище к Луизе², могилка вся в цветах. Шарль мне подарил увеличенный с карточки портрет Луизы — очень похожа. Невеста Эди славная, но очень накрашена. Магда купила себе уже платье для свадьбы. Белое с ... [неразб.] цветами...

¹ Елена Ивановна — жена о. Сергия Булгакова.

² Луиза, жена Шарля Куртэна умерла к этому времени.

Сегодня обедню служил отец ... [неразб.] из Флоренции. С. Б.¹ очень понравилось, как он служит, особенно панихиду. Какая-то дама его очень благодарила и сказала, что в первый раз после России слушала такую чудную панихиду. Я очень пожалела, что не была в церкви. Но больной глаз меня беспокоил, отшиб охоту ко всему. Ни шить, ни читать, ни писать. У Магды была самая лучшая пасха, она мне привезла, а также кулича, апельсинов и горшок с геранью. Все престели ели знакомые, а я только поглядывала равнодушно, так как глаз меня отвратил от всех благ земных. Поцелуй от меня м. Меланию и всем привет. Жихарева² была у меня и в восторге от вашего дома и что м. Мелания ухаживает за тобой, спасибо ей. Целую крепко. Пиши, а то мне очень скучно.

Твоя мама

Все тебе кланяются и целуют.

9-ого августа 36 г.

Дорогая Машенька!

Спасибо за поздравление! Я, конечно, исповедовалась на рие Дари у о. Никона и причащалась. Насчёт глаза: он всё такой же непослушный, желания недостаточны.

На именины был у меня 21 человек. Все Куртэны, кроме Магды, (она уехала в St.-Christophe, но в четверг уже вернётся), м. Мария, С. Б. и другие...

Относительно Гаяны³ я до сих пор не могу прийти к себе. Это событие может уложиться в мозгах лишь со временем. М. Мария всё ждала её скорого приезда, она до сих пор иногда думает, что, может быть, муж Гаяны всё это написал в припадке сумасшествия. Или сказал неправду, и она всё ещё жива. К сожалению... сестра милосердия, ухаживавшая за Гаяной, написала то же самое. Так что никаких сомнений быть не может. А мне самой всё кажется, что раздастся звонок и влетит Гаяна

---

¹ Софья Борисовна Пиленко — мать м. Марии (Скобцовой).

² Анна Петровна Жихарева, урождённая Брызгалова (1886—1975). Училась в Санкт-Петербурге на педагогических курсах. В эмиграции вместе с мужем с 1928 г. Преподавала русский язык в разных учреждениях, историю искусства (в Русской школе живописи), водила экскурсии по Лувру. Активный член РСХД. Последние годы жизни провела в Муазене-ле-Гран в Казанском скиту.

³ Речь идёт о дочери м. Марии (Скобцовой), неожиданно скончавшейся в России.

в сером пальто, в синем берете и со смехом крикнет: «А вы и поверили, что я умерла!» Я бы не удивилась, если бы это произошло. Бедные м. М. и С. Б.! Они обе ужасно плакали. М. М. сдерживается, сколько может, но она в отчаянии и С. Б. тоже. На отпевании было очень торжественно, было много народу. Père Gillet сказал прекрасное слово о жизни Гаяны по-французски. Он её сравнил с Самарянякой у колодца, где Христос обещал ей дать воду живую. Gillet говорил, что Гаяна всю жизнь стремилась куда-то и верила в Бога, хотя и не понимала церковных обрядов. Она помогала в кухне, чтобы другие могли пойти в церковь; ходила ночью в кабак разыскивать безработных, чтобы им помочь; приносила еду и т. д. Словом, чтобы найти правду, пробовала всякие источники, иной раз и с мутной водой. И наконец у неё произошла встреча со Христом, Он её ждал, чтобы дать ей живой источник. В Россию Жилле сам ей советовал поехать, это было её последнее увлечение. Она хотела там поработать в строительстве, принести пользу людям, но брюшной тиф и воспаление лёгких её сломали. Перед смертью она просила, чтобы её не сжигали, а просто похоронили. Вот какие бывают удары судьбы. Юрка¹ тоже всё не представляет себе, что Гаяны уже нет.

...Целуем тебя крепко, хоть немножко попопней. Когда же ты появишься на нашем горизонте? Поклон м. Мелании. Пиши и будь здорова.

Твоя мама

24-ого сент. 36 г.

Дорогая Малыся!

Наконец пишу тебе. Мне почему-то стало очень трудно собраться к писанию писем, никак не могу себя заставить... 20-го должен приехать новый монах Керн, или отец Киприан. Ждут его приезда с большим интересом, а вам отправят о. Евфимия. Почти все здешние монахи с немецкими фамилиями, а русских всего два. В понедельник будет служить о. Сергей Булгаков. В 40-й Гаяны день была утром заупокойная обедня, накануне вечером парастас², а в день 40-й вечером панихида, собралось много народу, был и Керенский. Завтра возвращается Настя с мамашей. У нас жила несколько дней внучка Пушкина, она очень симпатичная, была несколько раз у меня...

С. Б. пролежала 3 дня в постели, но теперь опять молодцом... Котик вчера ездила покойницу обмывать... Кланяйся от меня

¹ Юрий Данилович Скобцов — сын м. Марии (Скобцовой).

² Последование великой панихиды.

м. Мелании и Лиде. Мы хотим попросить м. Анастасию¹, чтобы она нас свезла на своём автомобиле к вам. По крайней мере, это будет даром, а не 40 франков, которые теперь очень трудно получить. Всё почти вздорожало, так что надо наводить экономию во всём.

Сегодня прибыл наш новый настоятель², все от него в восторге, но я его ещё не видала. Сейчас он служит панихиду в нашей церкви. Сегодня было двое похорон и панихида... О. Сергей уехал в Америку. Ну вот, все наши новости. Пока целуем тебя крепко, приезжай. Поцелуй м. Меланию и Лиду.

Твоя мама

11 декабря 36 г.

Дорогая Малыся!

Мы кипим в котле, и потому трудно писать. Котик очень тебя благодарит за двойное поздравление: письмо и букет. На рождение Котика приходила Магда и принесла ей четыре пирожных, а Папаша букет из четырех громадных хризантем. Они ещё стоят в вазе, но повисли и соскучились... Событий у нас миллион, всего не расскажешь. Котик неуловима, мчится всё куда-то на всех парах; и теперь улетела слушать что-то куда-то, где будет говорить о. Киприан. С. Б. собирает вещи на лотерею в пользу церкви... Народ у нас приезжает и уезжает, такой калейдоскоп, что не успеваешь придти в себя. В одной комнате — заседание, в другой — лекции, в третьей — концерт и т. д. Все куда-то бегут, мчатся, летят вихрем с лестницы... М. Мария уехала в Noisy на два или три дня. На праздник Введения она вышила новые чудные воздухи³ для церкви. Прошлого воскресенье о. Киприан показывал виды Иерусалима, но я лежала и не могла полюбоваться. У м. Марии было три очень интересных доклада, на которые мы все ходили. По вторникам у нас лекции Бердяева, я тоже была на двух, говорит он очень хорошо и понятно. О. Сергей приехал из Афин, в восторге

---

¹ Монахиня Анастасия, в миру Александра Феликсовна Булацель, урождённая Шульгина (1875—1953). В эмиграции во Франции работала медсестрой. Управляла «Домом отдыха» для выздоравливающих туберкулёзных больных, основанного м. Марией (Скобцовой) в Нуазиле-Гран. Упомянута в книге «Путь моей жизни». Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де Буа.

² Мария Георгиевна писала это письмо в течение нескольких дней.

³ Воздухи — платы, которыми покрываются дискос и потир во время литургии.

от греков. Послезавтра будет у нас рассказывать о своём путешествии. Приезжай. Целуем крепко.

Мама

Дом в Розе-ан-Бри был рассчитан на 22 человека. В нижнем этаже помещались церковь, трапезная, келья м. Мелании, за трапезной через коридор — кухня. На втором этаже комнаты старушек, на третьем — сестёр. Над дверью каждой комнаты висела икона, и комнаты назывались в честь святых: Серафимовская, Варваринская и т. д. На втором этаже был Казанский коридор, где помещалась комната, в которой останавливались митрополит Евлогий, архиепископ Сергей Пражский¹, иеромонах Мефодий (он приезжал еженедельно), и другие гости. Рядом — две комнаты, занимаемые священнослужителями. Одним из первых служащих священников стал о. Евфимий (Вендт), до этого настоятель церкви Покрова на Лурмеле. На кухне работала с. Мария (Рытова). М. Дорофея и с. Лидия пели и читали на клиросе, они же ухаживали за старушками и убрали дом.

Рассказ Людмилы Николаевны Ленци:²

Мой отец, Николай Константинович Рапапорт, был врачом. Он учился медицине и получил диплом в Париже, там у него была практика, там они жили с моей матерью Людмилой Александровной³. Нас, детей, в семье было трое: мои старшие

---

¹ Архиепископ Сергей Пражский, в миру Аркадий Дмитриевич Королёв (1881—1952). Окончил Вифанскую Духовную семинарию и Московскую Духовную академию. Поступил в Яблочинский монастырь. С 1908 г. иеромонах, потом настоятель Яблочинского монастыря и архимандрит. С 1921 г. епископ Бельский. За сопротивление провозглашению автокефалии Польской Православной Церкви выслан из Польши в Прагу. Викарный епископ митр. Евлогия для приходов Чехословакии. Управлял приходами Экзархата митр. Евлогия в Германии, Бельгии, Нидерландах, Скандинавии. В 1945 г. принят в юрисдикцию Московского Патриархата. Умер в России архиепископом Казанским и Чистопольским.

² Людмила Николаевна Ленци, урождённая Рапапорт, родилась в 1932 году в Париже. Многолетний регент церкви преп. Серафима Саровского на улице Лекурб. Дирижер хора им. П. И. Чайковского в Русской консерватории.

³ Людмила Александровна Рапапорт (1904—1993), урождённая Бернарди. После скоропостижной смерти матери вместе с отцом уехала в 1912 г. из России во Францию. Окончила Сорбонну. Переводчица, музыкант, педагог, талантливая писательница, автор прекрасной книги о Святой Земле «Что я видела на Святой земле».

братья, Николай и Серафим, и я. Мы были ещё маленькие, когда родители решили купить где-нибудь в предместьях Парижа домик, чтобы летом проводить время в деревне, на свежем воздухе и на лоне природы. Итак, в 1932 году они стали владельцами небольшого имения в селении Берне-Вильбер рядом с Розе-ан-Бри.

Как-то мама поехала за хлебом и встретила в Розе-ан-Бри владыку Евлогия. С ним был о. Мефодий и две монашенки. Разговорились. Мама узнала, что аньерский приход только что приобрёл неподалёку от нас большой дом с участком, где теперь будет устраиваться церковь, при ней монашеская община и богадельня для пожилых одиноких дам. Мама возрадовалась, услышав эту новость. Будучи от природы музыкальной, она с детства умела петь и играть на фортепьяно, так как её отец, мой дедушка-итальянец, композитор Александр Бернарди, учил своих детей музыке. В Париже она пела на клифосе у регента Феодосия Георгиевича Спасского¹ в Введенской церкви на улице Оливье де Серф. А до этого она состояла в сестричестве собора на рю Дарю² и очень любила церковные службы.

С тех пор началась наша большая многолетняя дружба с матушкой Меланией, со всеми её монашенками, с о. Евфимием, первым священником, служившим в Воскресенской обители, затем с о. Авраамием, другими батюшками... Подумать только, какие выдающиеся люди нас окружали!

Матушка Мелания, очень любившая детей, относилась ко мне как-то особенно нежно. Мои братья обращались со мной довольно жёстко, дёргали меня за косички, и тогда матушка меня от них защищала, грозилась пальцем. Мальчики учились во французской школе и, к сожалению, часто слышали по своему адресу колкие замечания сверстников: «Грязный русский, возвращайся в свою страну и ешь там свой хлеб!» Теперь, конечно, в современных школах такие проявления национализма запрещаются. Но в наше время это бывало, и братьям приходилось отстаивать свою честь в драках, отчего характеры у них выработывались задиристые.

А я со своей стороны тоже очень любила матушку, всегда ощущая исходящую от неё какую-то сверхъестественную до-

---

¹ Феодосий Георгиевич Спасский (1897—1979), профессор богословия, общественный деятель. С 1930 г. по 1969 г. псаломщик и регент церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы в Париже.

² Кафедральный собор святого Александра Невского расположен в Париже на улице Дарю (rue Daru).

броту. Кроме того, матушка, узнав, что я хочу учиться игре на фортепьяно, рекомендовала меня своему родному брату, профессору Венской консерватории, выдающемуся пианисту Павлу Любимовичу Кону. Кон был учеником великого Антона Григорьевича Рубинштейна, гениального основателя Санкт-Петербургской консерватории и даже внешне немного напоминал своего учителя. По происхождению Коны были евреи, и, когда немцы заняли Австрию, Павел Любимович бежал из Вены во Францию, к своей и матушки Мелании родной сестре, Марии Любимовне Дельбари, проживавшей в Париже со своим мужем. Врачи по профессии, Дельбары располагали большой квартирой. Конечно, у Павла Любимовича сразу же появилась масса учеников. И мне тоже он стал давать свои незабываемые уроки, во время которых нередко сам что-нибудь играл, а я, девочка, стоя за его спиной, в умилении не могла удержать слёз и плакала от соприкосновения с прекрасным. В его вдохновенных руках рояль то пел, как человек, то звучал, как мощный оркестр.

Внешне они были чрезвычайно похожи друг на друга — матушка Мелания и Павел Любимович. В каком поколении они были православными, я не знаю. По-русски они говорили безупречно. Я думаю, у матушки тоже было тонкое музыкальное ухо. Но она посвятила себя служению ближним. Это проявлялось даже в мелочах. Когда мы сидели за трапезой в Воскресенской обители, то именно матушка Мелания вскакивала из-за стола, чтобы принести, например, соль, хотя рядом с ней сидели молодые послушницы. Меня это даже оскорбляло. Но потом я поняла, что она в своём стремлении послужить просто опережала всех.

Матушка была весьма бодрой и тихонькой, как мышка. Передвигалась она бесшумно. Мы никогда не слышали, как она заходит в комнаты или выходит. Она старалась никого не потревожить. В детстве мне казалось, что от неё исходит какой-то вкусный воздух, приятно было стоять с ней рядом и держать её за руку.

Страстную неделю и Пасху наша семья всегда проводила в Розе. А мы, дети, в Страстную пятницу пели «Разбойника»¹. Все знали, что маленькие Рапапорты будут петь и волновались за нас. Но мы — оба моих брата и я — не боялись, ведь нас

¹ Екзапостиларий утрени Великой Пятницы, то есть, песнопение после канона: «Разбойника благоразумного во едином часе раевии сподобил еси, Господи...»

было трое. И гордились, что нам доверяют такую важную часть богослужения.

Службы в Воскресенской обители были ежедневные. Постепенно сформировалась настоящая монашеская община. Монахиня Феодосия приехала вместе с матушкой Меланией в самом начале, ещё будучи сестрой Лидией. И, кстати, это она здесь в Розе научила мою мать быть псаломщицей, разбираться в церковном уставе. Скоро появилась м. Дорофея (Куртэн), а гораздо позднее м. Евдокия, её сестра. Мы всех их хорошо знали. У м. Феодосии был сильный глубокий низкий голос. Все монашески, да и дамы-насельницы старались говорить в обители тихо, а матушку Феодосию было слышно отовсюду.

Мы были связаны с Убежищем матушки Мелании во всё время его существования, от дня основания до закрытия в 1973 году¹. В Убежище для старушек жила до своей смерти моя бабушка, Елизавета Андреевна Рапапорт, она погребена на местном кладбище рядом с матушкой Меланией.

Монахине Мелании удалось создать в Розе-ан-Бри простую, спокойную обстановку хорошего доброго дома, проникнутую искренностью и сердечностью, что привлекало в новое Убежище и насельников, и многих посетителей. На лето (а иногда и в другое время года) дом принимал детей аньерского прихода. Службы в маленькой церкви были регулярными, почти ежедневно служили Божественную литургию. В то время в русском православии частое причащение было редкостью, но м. Мелания устраивала так, что за каждой литургией обязательно причащался кто-нибудь из насельников или гостей. Таким образом, Святая Чаша никогда не выносилась из алтаря втуне. На призыв священника: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите» всегда кто-нибудь из присутствующих в церкви отзывался.

В течение года м. Дорофея с благословения м. Мелании ежедневно вела своего рода дневник Убежища, от лаконичных и непринудительных записей которого на нас веет уютом гостеприимного дома и сердечным теплом его обитателей.

Вот некоторые из этих записей:²

---

¹ После закрытия Убежища чудесным образом обновившаяся икона Воскресения Христова и двенадцати праздников возвратилась в церковь Всемилоственного Спаса в Аньер.

² Приводятся в сокращении.

*Розе-ан-Бри. Слева направо сидят: м. Мелания ((Лихачёва),
о. Мефодий (Кульман), неизвестная монахиня; стоят: м. Дорофея
(Куртэн) и с. Лидия (Соломянская), 1936 г.*

*Розе-ан-Бри. Слева направо стоят: м. Дорофея, с. Мария (Рытова),
с. Лидия; сидят: м. Мелания и неизвестная монахиня*

Среда, 16-го декабря 1936 года.

Была обедня. Всё утро ждали мамушку... Её привезли Розен с женой... Мамушка, хотя и похудела, но хорошо выглядит, отдохнула... Навезла детям массу подарков, старушкам конфет и лекарств, с Марии тёплые рукавички, а нам с Лидой носовые платки. Привезла русских продуктов на 100 франков, какое-то бельё, кем-то пожертвованное. Все очень рады её возвращению. Рассматривали и разбирали подарки. Вечером была вечерня.

О. Евфимий опять занялся переплётным делом и немилосердно сорит в столовой. Лида исповедовалась и говееет.

Пятница, 25-го декабря.

Была обедня. О. Евфимий чинил в столовой печь. Вчера в 11 часов вечера у нас во всём доме перегорело электричество. Сейчас нельзя починить, так как у французов Рождество и никто не захочет работать. Пока мы живём при свечах и лампадах. Кое-кто ворчит, но мамушка очень довольна. Делали цепи для ёлки. Была вечерня и утренняя.

Воскресенье, 27-го декабря.

Читали часы, акафист, обедницу... К обеду приехала Александра Владимировна Оболенская. Сидели в столовой и лепили ёлочные украшения. После ужина Александра Владимировна нам рассказывала о докладе о. Киприана о палестинских монастырях и монахах. Было очень интересно. Служили вечерню, читали правило.

Среда, 6-го января 1937 года.

В 8 часов утра были Царские часы. В 10 часов началась обедня и закончилась около 12 часов. Обедали в 2 часа. Обед был, как полагается в Рождественский Сочельник с кутьёй, узваром и пирожками. Сегодня говели мамушка и с. Мария. Вечером была всенощная. Приехали гости, приехала Алла Михайловна Томская. Привезли ёлку, украшения и всякие продукты. Вечером зажигали ёлку, раздавали всем подарки и дети веселились.

Четверг, 11-го февраля.

Была полунощница и всенощная под Трёх Святителей, а затем панихида по Пушкину. Сегодня 100 лет со дня его смерти и по всем церквям были отслужены панихиды.

Воскресенье, 14-го февраля.

Была обедня. Детское говенье отложено на завтра. Будут причащаться на Сретение. У нас теперь пятеро детей без ро-

дителей. После обеда Лида и я ходили гулять. Отец Сергей Иртель¹ занимался с детьми. «Учил нас, как надо спасаться», — как выразилась Ирочка. Дети очень довольны. Вечером перед ужином они подходили ко всем просить прощения и исповедовались. Была всенощная под Сретение.

Понедельник, 15-го февраля.

Была обедня. Причащались все дети, Алла Михайловна и Ольга Ивановна. Было очень празднично. Неожиданно на несколько дней приехала Настя Штегельман. Осматривала всё, ей у нас очень нравится. Вечером была вечерня и правило.

Четверг, 18-го февраля.

Была полунощница и утренняя. В 2 часа 30 минут приехали м. Евдокия и м. Анастасия, помогали по хозяйству. В 5 часов 30 минут мы трое — м. Евдокия, м. Анастасия и я — пошли встречать владыку Евлогия. Он приехал с о. Евфимием и матушкой, случайно встретившись с ними в автокафе². Вечерня и утренняя были после ужина. Владыка очень усталый. Я исповедовалась.

Пятница, 19-го февраля.

Была поздняя обедня. Я причащалась. Затем владыка служил молебен мученице Доротее. Сегодня первая годовщина моего пострига и первый день Ангела... После обедни пили чай, затем обедали. Приехал о. Мефодий. Обе матери, особенно м. Анастасия, помогали по хозяйству. Готовили, так как с. Мария плохо себя чувствует и лежит. Настя уехала после обеда. М. Анастасия до чая сделала нам доклад о своей поездке в Пюхтицы. Вечером уехала м. Анастасия, а затем, попозже, м. Евдокия. Ходила их провожать. Была вечерня и утренняя.

Четверг, 25-го февраля.

Была вечерня и утренняя. Завтра именины митрополита, отправляла ему письмо, а телеграмму ото всех пошлём завтра. Наше материальное положение сейчас катастрофично. Если Господь не поможет, придётся прикрывать «лавочку». Угольщик уже не хочет давать угля, мы ему должны больше двух тысяч

---

¹ Иеромонах Сергей, в миру Георгий Михайлович Иртель (около 1898 г. — после 1950 г.). Пострижен в монашество в Псково-Печёрском монастыре, окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже (1937). С 1936 г. иеромонах. В 1946 г. уехал из Франции в США.

² То есть в автобусе (фр.).

франков. Масса долгов и никакой наличности. За воду должны 1059 франков, и всё это одно к одному. Ну, что Бог даст!

Пятница, 26-го февраля.

Была обедня. Сегодня день Ангела владыки, поэтому после обедни был молебен. Послали владыке общую телеграмму от всего дома. За обедом о. Евфимий провозгласил владыке многолетие.

Среда, 10-го марта.

В 7 часов была утренняя и в 10 часов великопостные часы Сырной недели. Матушка уехала в Париж и повезла с собой в Аньер нашу икону Воскресения Христова. В воскресенье в Аньере будет годовщина основания прихода, и поэтому икона наша будет в церкви. Матушка её повезла, чтобы дать возможность всем желающим помолиться перед ней. Служили вечерню и утреню.

Воскресенье, 14-го марта.

Читали часы, пели обедницу и акафист... Матушка вернулась вместе с о. Евфимием около семи часов. Привезла обратно нашу икону. Рассказывала о том, как икону в Париже и в Аньере брали по домам, служили молебны перед ней, рассказывала о празднике в Аньере, о том, что владыка в своей проповеди много говорил об иконе. Так как Лида себя плохо чувствует, то решили её отправить в Аньер для отдыха, а к нам, может быть, пришлют псаломщиком Диму Клепинина¹, а если нет, то придётся обходиться так. Обидно, ведь это — Первая неделя Великого поста. Но в конце концов порешили на том, что Лида будет отстранена от всех домашних работ и останется на Первой неделе дома и будет служить только в церкви, а на Второй — уедет. Была вечерня. Просили все друг у друга прощения, так как это — Прощёное воскресенье. Вечером смотрели службы.

---

¹ Дмитрий Андреевич Клепинин (1904–1944) родился в Пятигорске. В 1920 г. эмигрировал из России. С 1924 г. во Франции, окончил Парижский Свято-Сергиевский Богословский институт, затем Протестантскую семинарию в Нью-Йорке. Активный член РСХД. С 1930–1937 гг. псаломщик Введенской церкви в Париже. С 1937 г. — священник. Духовник общества «Православное дело», во время немецкой оккупации помогал преследуемым евреям, за что был арестован гестапо. Скончался в концлагере Дора. В 2004 г. причислен Священным Синодом Вселенского Патриархата к лику святых священномучеников.

Среда, 17-го марта.

В 7 часов была утренняя и в 10 часов часы и обедня. Пели наши квартиранты со мной «Да исправится». Может быть, не очень хорошо, но зато вдохновенно... В 5 часов вечера было великое повечерье с канонем Андрея Критского, потом мы с Лидой до ужина немного прошлись, посмотрели на разлившуюся нашу речку. Нарвали фиалок, послушали жаворонков и лягушек, подышали воздухом.

Среда, 14-го апреля.

В 6 часов 30 минут начали часы, вечерню и Преждеосвященную литургию. Служба была длинная, кончили в 9 часов 15 минут, так как пели 30 стихир на «Господи воззвах». После обеда неожиданно появилась А. Оболенская. Скоро должен быть её постриг, и она собираетя конец этой недели провести у нас. Постригаться будет на Лурмеле, а сейчас ей хочется побыть в тишине. В 4 часа дня началась утренняя с канонем Андрея Критского, кончили в 7 часов. Сегодня день Ангела о. Евфимия, мы ему подали чашку. Обегали с Лидой всё Розе, чтобы найти приличную, но пришлось взять не особенно красивую, потому что здесь совсем нет выбора, но о. Евфимий всё же был ей рад. Кроме того, по случаю его именин была булка с вареньем и чаем.

Вторник, 27-го апреля.

Вчера в понедельник вечером на Лурмеле состоялся постриг Александры Владимировны Оболенской. Владыка дал ей имя Бландины, знаменитой Лионской мученицы¹ после чего она упала в лёгкий обморок. Все были немножко потрясены именем. Было очень благолепно. Пел хор Поторжинского.

Воскресенье, 6-го июня.

...Много пришлось последнее время работать на огороде: сажать и поливать. Всё делаю вдвоём с о. Евфимием. Несколько раз была в Париже. Последний раз поехала туда, узнав, что владыка себя плохо чувствует. Была два дня и вернулась с владыкой, согласившимся у нас отдохнуть. Он пробыл в Розе с субботы по среду, очень отдохнул и был доволен. В саду как раз цвели пионы, жасмин и гвоздика с розами. Одновременно с ним

¹ Митр. Евлогий незадолго до пострига м. Бландины был в Лионе на месте мучений св. Бландины (177 г.) и так был потрясён красотой её подвига (сохранились все протоколы мучений), что воскликнул: «Первая монахиня, которую я буду постригать, получит имя этой святой мученицы!»

я привезла и мою маму, никогда ещё здесь не бывавшую, она уехала в понедельник. После Троицы владыка уезжает в горы лечить ноги. Обещает оставить нам о. Евфимия, мы очень его об этом просили. Для нас это имеет громадное значение. О. Евфимий является центром нашей духовной жизни, и его уход повлѣк бы много печального...

Мануил Яковлевич сделал нам под иконы чудные подсвечники с лампадами. Очень изящно и просто, церковь от этого стала ещё лучше... Старушка Ольга Ивановна болела, мы боялись, как бы она не умерла, но всё кончилось благополучно, и она опять сидит на своём месте в столовой против о. Евфимия и утешает его. Он её очень любит, и она его тоже, это его нежнейшая подруга...

На Лурмеле тем временем было уже четыре монахини: м. Мария, м. Евдокия, м. Анастасия и м. Бландина. Надо сказать правду — обстановка от этого менее напряжённой не стала. Борьба сильных личностей продолжалась, в основании её было столкновение принципов. Никто не просто не хотел, но не мог уступить. М. Евдокия, о. Киприан и м. Бландина начали всерьёз задумываться о том, куда бы им можно было переехать. В мае 1938 года м. Мария разрубила запутанный узел сложных взаимоотношений, предложив всем троице покинуть общежитие на улице Лурмель.

Подспудно и в Розе-ан-Бри нарастали несогласия между монашествующими и аньерским приходом, требовавшие своего разрешения. И здесь не всё было гладко.

Из воспоминаний монахини Феодосии (Соломянской):¹

У матушки Евдокии начались какие-то нелады с м. Марией и «Православным делом» на Лурмеле с 1937 года. Это сторона Лурмеля. Теперь Розе-ан-Бри. Мы приехали туда осенью 1935 года. В 36 году у нас появилась м. Дорофея, которую 6 февраля по старому стилю владыка Евлогий постриг и назвал в честь мученицы Дорофеи, потому что в этот день совершается её память. Так что в Розе в это время была м. Мелания (ещё не игуменья), м. Дорофея, я — послушница, с. Мария (Рытова) и м. Никодима², которые перешли к нам из обители «Нечаянной

---

¹ Из воспоминаний м. Феодосии, записанных в 1975 г. на кассету.

² В миру Наталья Озолина.

радости»¹ и приехали в Розе вместе с нами. Так получалось, что владыка Евлогий каждый год постригал по монахице. М. Дорофеею он постриг в 1936 году, в следующем 1937 году в понедельник на Страстной неделе он на Лурмеле постриг м. Бландину (Оболенскую), а меня постриг в 1938 году в Лазареву Субботу опять же в Розе и назвал Феодосией, потому что это был день памяти мученицы Феодосии. Матушка Мелания хотела создать настоящий монастырь, но дом, который мы занимали, принадлежал аньерскому приходу, откуда к нам приезжали как боголюбивые прихожане, чтобы помолиться вместе с нами, так и просто отдыхающие, которые вели себя шумно, играли в карты, распивали вино. Аньерскому приходу нужен был дом отдыха, а мы хотели создать монашескую общину. Между нами возник конфликт сродни конфликту на Лурмеле между м. Марией и м. Евдокией. О. Евфимий, м. Дорофея и я, видя, что мы никого ни в чём убедить не можем, решили из Розе уйти. К этой же мысли в это время на Лурмеле пришли м. Евдокия и м. Бланина по той же, в сущности, причине: слишком большой светскости обстановки. Митрополит Евлогий — это была его мысль — благословил нас (а мы, монахини, кроме матушки Евдокии, были его постриженницы) объединиться для создания монашеской общины.

С известным адвокатом Василием Борисовичем Ельяшевичем (1875—1956) монахиня Евдокия познакомилась в бытность свою помощницей м. Марии (Скобцовой). Профессор Парижского университета, он в прошлом преподавал гражданское право в Петербургском Политехническом институте и на Высших женских курсах. В Париже В. Б. Ельяшевич находился под духовным окормлением о. Киприана (Керна). У него был обширный круг знакомств в среде интеллигенции. В 150 километрах от Парижа, в бургундском селении Бюсси-ан-От Ельяшевич с супругой имели большой поместительный дом с прилегающими к нему постройками и садом, а также земли в окрестности. Хозяйева называли своё имение «Вишнёвый сад». «Дом стал местом дружеских встреч. В гости к Ельяшевичам приезжали писатели, философы, богословы, учёные. Среди них — Борис Зайцев²,

¹ Обитель «Нечаянной радости» возникла в 1926 г. под Парижем в городке Гарган-Ливри. Основательница — монахиня Евгения (в миру Елизавета Константиновна Митрофанова, урождённая Турау). Обитель просуществовала восемь лет.

² Позднее Зайцевы приобрели в Бюсси свой дом.

писавший из Бюсси письма Ивану Бунину, Надежда Тэффи, о. Киприан (Керн)... и многие другие».¹ Узнав, что м. Евдокия хочет отделиться от «Православного дела», Ельяшевич предложил ей переехать в Бюсси с тем, чтобы вместе с другими монахинями вести там хозяйство. Свой дом он собирался преобразовать в своего рода дом отдыха для учёных и интеллигенции. Но м. Евдокию такое предложение не устраивало, и она его отклонила.

Её ежегодные поездки в Англию способствовали установлению с англичанами личных дружеских связей. При содействии англикано-православного Содружества святого Албания и преподобного Сергия Радонежского, с благословения митрополита Евлогия с русской стороны и епископа Уолтера Фрира с британской, м. Евдокия в 1938 году собирает средства для создания во Франции русского православного женского монастыря. С этой целью она посетила обители и монашеские общины в Ключер (Clewes), Маллинг (Malling), Бетани (Bethany), Уонтедж (Wantage), Эскот (Ascot) и другие, где её с пониманием и любовью приняли. Общая сумма пожертвований составила 1020 фунтов стерлингов.

Осенью 1938 года митрополит Евлогий благословил отделившихся от «Православного дела» монахинь Евдокию и Бланину отбыть в селение Муазене-ле-Гран, расположенное в пятидесяти километрах от Парижа. К ним присоединились иеромонах Евфимий (Вендт), монахини Дорофея и Феодосия. На деньги, собранные м. Евдокией в Англии, они на три года сняли обширный земельный участок с небольшим охотничьим домом (нашла этот участок м. Бланина) и основали скит в честь Казанской иконы Божией Матери. М. Евдокии было в ту пору 43 года, м. Бланине — 42, а монахиням Дорофее и Феодосии было по 35 лет. Все они (кроме сердечницы м. Бланины) были здоровые, крепкие, исполненные вдохновения и готовые работать до смерти за своё монашество. 17 сентября 1938 года владыка Евлогий назначил монахиню Евдокию настоятельницей. Очень скоро к дочерям в Муазене переехала жить Мария Георгиевна Куртэн.

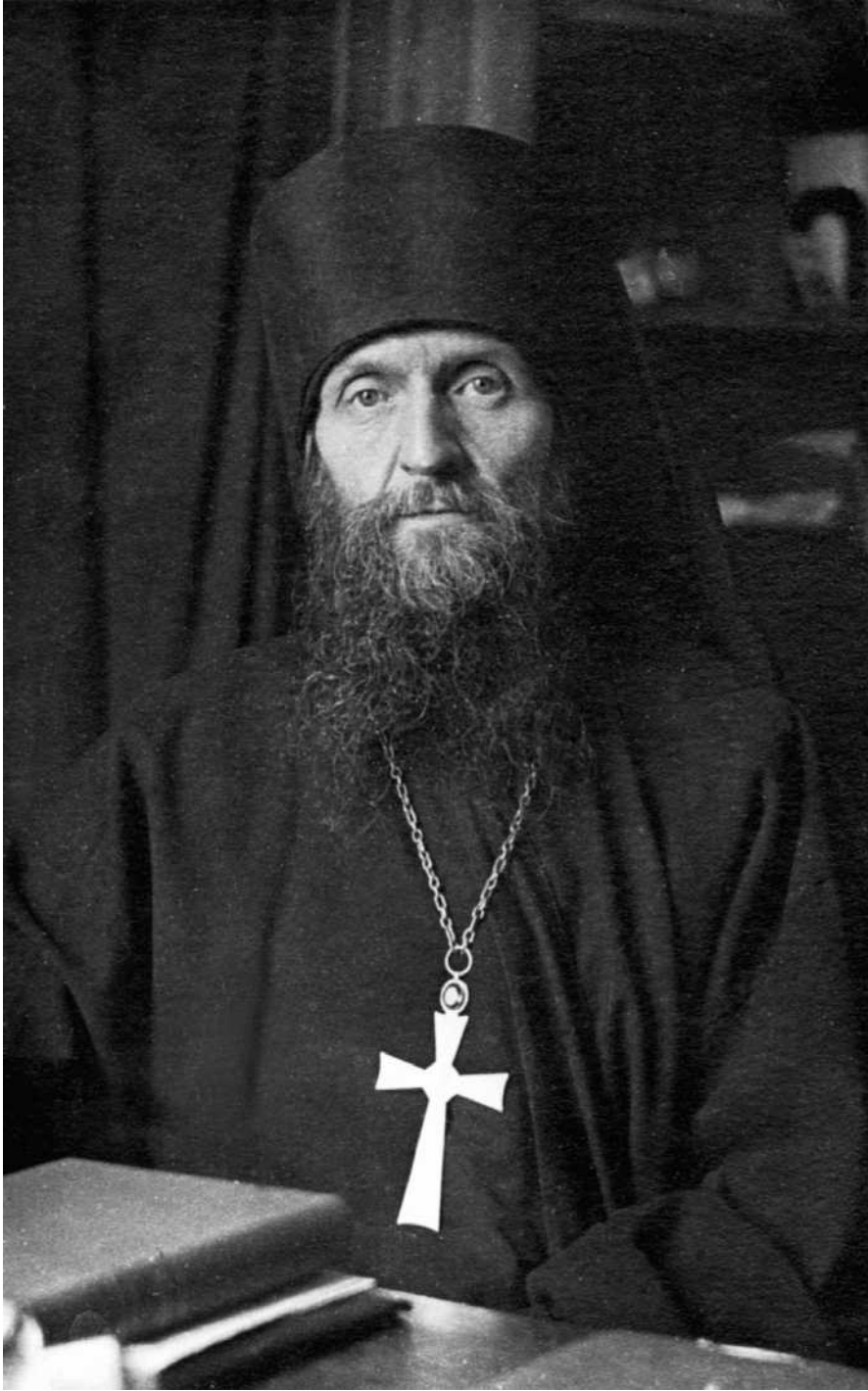
Через некоторое время о. Киприан (Керн) резолюцией митрополита Евлогия был освобождён от должности настоятеля Покровской церкви на Лурмеле. Вся дальнейшая его жизнь была связана с Сергиевским Богословским институтом.

---

¹ Басова И. Покровская обитель. Париж, 1996. С. 11.

*О. Дмитрий Клепинин возле дома на улице Лурмель.
За ним неизвестная дама, С. Б. Пиленко (мать м. Марии)
и А. А. Бабаджан)*

О. Киприан (Керн), начало 40-х годов

На смену покинувших Розе-ан-Бри монахинь к м. Мелании прибыли новые сёстры, и жизнь наладилась. В конце концов их число возросло до восемнадцати человек. Исполнилось бывшее у матушки Мелании дивное видение: когда-то ей явился преподобный Серафим Саровский и забросал чётками «для её монастыря». Нельзя забывать, что роль игуменьи Мелании (Лихачёвой) в западноевропейской русской епархии митрополита Евлогия была совсем особой. Она в своём роде явилась основательницей общежительного женского монашества, так как все последующие общины в некотором смысле исходили от созданной ею в Розе.

В октябре 1939 года за несколько дней до престольного праздника¹ на Лурмеле появился новый настоятель о. Дмитрий Клепинин: «из всех, до того там служивших, самый неопытный, самый скромный, но (как вскоре обнаружилось) самый подходящий... Хотя он был на двенадцать лет моложе м. Марии и совершенно иным по темпераменту — немногословным, спокойным, смиренным — он своей преданностью от неё не отличался: “когда вопрос касался Христовой Истины, он становился непоколебимым”. При этом пастыре “необычайной доброты и жалости к другим, который всегда и при всех условиях шёл на помощь несчастным”, “Православное дело” вступило в новое русло, а м. Мария могла рассчитывать на постоянную моральную и духовную поддержку»².

Бывает, что Господь попускает разделения между людьми промыслительно. Как на дереве от толстых ветвей отпочковываются новые молодые побеги, отчего крона делается только пышнее и гуще, так и в человеческой среде иногда благодаря несогласиям возникают новые сообщества, дающие возможность людям проявить себя соответственно своим дарованиям.

Монастыри созидаются или святостью основателя, или благословением архиерея. В первом случае люди стекаются к какому-нибудь старцу благодатной жизни, как пчёлы на мёд и, следуя его примеру, усваивают основы монашеского жития. Все самые мощные издревле знаменитые монастыри были созданы именно таким образом. Во втором случае архиерей забирает из уже созданного монастыря двух-трёх монахов или двух-трёх монахинь и отправляет на новое место, и тогда монастырь как бы сеется от семени.

---

¹ То есть праздника Покрова Пресвятой Богородицы.

² *Сергий (Гаккель), прот.* Мать Мария. С. 152. Здесь о. Сергей цитирует слова Ф. Т. Пьянова по его рукописному архиву.

Глава 6

Казанский скит в Муазене. — Начало Второй мировой войны. — Немецкая оккупация Франции. — Смерть Эдуарда Эдуардовича Куртэна. — Разгром фашистами «Православно-го дела». — Гибель м. Марии (Скобцовой)

И вот они поселились в Муазене. Электричества в их доме не было. Водопровода не было. Был в саду колодец, воду качали насосом, а когда насос замерзал, приходилось за два километра носить воду из речки. Дом освещали свечками и керосиновой лампой, отапливали дровами, которые сами же собирали в лесу. М. Бландина занималась огородом. Огород был основным кормильцем насельниц, важным подспорьем в жизни. М. Дорофея убирала дом, разводила кур, на её попечении состояли также две коровы — м. Дорофея вообще любила животных. М. Феодосия подвизалась на клиросе и стирала бельё на всех скитян, как своих, так и гостей, приезжавших на богомолье. Бельё она кипятила, стирала вручную и носила даже зимой полоскать на речку, вследствие чего заработала себе ревматизм, и кисти рук у неё деформировались. Сушить бельё она развешивала в лесу — от 25 до 40 простынь за стирку. М. Евдокия готовила еду, мыла посуду, уделяла внимание гостям и первое время продолжала ездить в Богословский институт на Сергиевское подворье преподавать английский язык. Все они много молились, первоначально устроив церковь в подвале дома. Одной из святынь их церкви стала Казанская икона Божией Матери, подаренная скиту митрополитом Евлогием. Сохранился написанный им самим рассказ об этой иконе.

*Памятка о Казанской иконе Божией Матери,
данной мною в благословение скиту Ея пресвятаго имени.*

Сия святая икона — копия той благодатной чудотворной иконы, которая находилась в городе Казани в женском монасты-

ре и однажды в 1904 году была похищена злоумышленником Чайкиным и пропала бесследно. По словам Чайкина, она была им сожжена по ограблению всех её драгоценностей. Казанская икона унесла с собой всё счастье России, не умевшей сберечь святыни, ибо с этого года начались её бедствия (война с Японией), которые не прекращаются до настоящего времени.

Как написано на обратной стороне, наша икона была подарена в 1910 году архиепископом Казанским Арсением Петербургскому детскому приюту имени князей Белосельских-Белозерских. Почётным опекуном этого приюта состоял генерал в отставке граф Николай Фёдорович Ге́йден. Отсюда связь этой иконы с домом графов Ге́йден. Вероятно, после большевистской революции она была спасена графом или кем-то из его семьи, а за границу привезена графиней Евгенией Петровной, впоследствии монахиней Елизаветой, и после смерти её подарена мне.

Я считаю нужным восстановить в памяти некоторые черты замечательного семейства графов Ге́йден для укрепления молитвенной памяти о тех, от кого явилась нам эта святыня.

Граф и графиня Ге́йден известны были всему Петербургу своим ревностным благочестием. Граф состоял церковным старостой Казанского Собора. Отсюда у них особенное почитание Казанской иконы Божией Матери. Он же был главным попечителем храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница», принадлежавшего Православному Палестинскому Обществу. Всё духовенство петроградское и многие из провинции, особенно епископы и монахи, были друзьями этого семейства. Едва ли не каждый день можно было видеть у них за обедом кого-либо из духовенства: от простого священника, монаха или монахини до столичных митрополитов. В бытность мою в Петербурге в должности члена Государственной Думы я особенно близко подружился с этим благочестивым семейством и часто бывал у них зафросто.

Они очень любили Топловский монастырь в Крыму, куда много дарствовали и даже имели там свою дачу, то есть арендовали помещение, где жили иногда летом.

Революция в корне разрушила благочестивое благополучие графов Ге́йден. Дом, конечно, был у них отобран, имущество разграблено. Сам граф Ге́йден был посажен в тюрьму, где просидел несколько лет и откуда его освободил бывший его дворник крымский татарин Николай, в комнате которого он и скончался.

Графиня с младшим пятнадцатилетним сыном Николаем и со старшей замужней дочерью Марией и её двумя малолетними детьми (муж дочери, офицер Преображенского полка Михаил Боборыкин был убит большевиками) уехала в Топловский монастырь. Старший сын Георгий погиб в гражданской войне. Две дочери-девицы, Елизавета и Серафима, отправились в эмиграцию, бедствовали в Константинополе и наконец добрались до Парижа. К чести их нужно сказать, что они не растерялись, а тяжёлым трудом стали зарабатывать кусок хлеба.

Скоро одна из них, Серафима, уехала в Лондон и там получила столь обеспеченное место (заведующей хозяйством лорд-мэра), что сёстры решились выписать из России во Францию свою старушку-мать.

В Топловском монастыре случилось трагическое событие. Однажды ворвались большевики и отняли у графини последнего сына Николая, семнадцатилетнего мальчика. Напрасно мать с рыданиями умоляла их вернуть ей сына, озверевшие красноармейцы безжалостно его убили. После такого страшного горя она уехала из Крыма и поселилась в Твери у своей старшей дочери Марии Боборыкиной.

После долгих мытарств большевики отпустили её с дочерью и двумя внуками в Париж. Здесь она вела уединённую жизнь, посещая неопустительно церковные богослужения. Я изредка навещал графиню и давал духовные книги. Скоро все её дочери уехали в Англию, внуки поступили в Иностранный легион. Она осталась совершенно одинокой, и я советовал ей принять монашество. Она меня послушалась и поступила в обитель в честь иконы Божией Матери «Нечаянная Радость». Скоро я постриг её с именем Елизавета. Но у игуменьи этой обители Евгении был столь строптивый характер, что она не ужилась там и вышла из монастыря, хотя я был против этого и советовал ей претерпеть до конца все скорби в обители.

Жизнь монахини Елизаветы вне обители была очень трудной, но Господь не оставил её. Она подружилась с одной благочестивой религиозной женщиной, совершенной праведницей, Ольгой Федоровной Куломзиной, которая дала ей маленькую комнату в своей небольшой квартирке в одном из предместьев Парижа (Севр). Там она прожила последние месяцы своей жизни, совершая трудные для неё, больной и старой женщины, путешествия в парижские храмы для молитвы. Там она и скончалась

*Муазене-ле-Гран. Участок с домом и флигелем,
арендованный монахинями в 1938 г.*

Дом в Муазене-ле-Гран

*Слева направо: м. Бландина, м. Евдокия, о. Евфимий, м. Феодосия,
м. Дорофея. 1938 г.*

утром 8 июля¹ 1932 года в летний праздник Казанской иконы Божией Матери, собираясь идти к Божественной литургии. Скончалась, стоя на молитве, от разрыва сердца, так что молитвенник выпал из её рук и лежал подле неё. Так нашла её хозяйка О. Ф. Куломзина. Какая прекрасная, мирная, безболезненная христианская смерть, напоминающая кончину преподобного Серафима!

Но это ещё не всё. На третий день, 11 июля, О. Ф. Куломзина была именинница. Встречая посетителей, приходивших её поздравить, она вела их в ту комнату, где стоял гроб ещё непогребённой покойницы, и радостно восклицала: «А какая у меня сегодня чудная, особенная гостья!» И вместе с пришедшими творила молитву о почившей. Не правда ли, как это трогательно и умирительно, воистину по-христиански!

Монахиня Елизавета погребена на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Её дети принесли мне в дар эту святую икону, перед которой она скончалась.

Я нарочно записал эту памятку о Казанской иконе Божией Матери, которую дал в благословение женскому скиту Её имени, чтобы укрепить в насельницах скита священный долг творить молитвенную память о доброй благочестивой семье графов Гейден и о их друге Ольге Фёдоровне Куломзиной. Может быть, поэтому и вложил мне Господь в сердце дать обители именно эту святую икону. Итак, прошу постоянно поминать — особенно же в день кончины 8 июля и в день Ангела 22 октября (память мученицы Елизаветы), удивительно совпадающими с праздниками Казанской иконы Божией Матери, — и молиться о упокоении монахини Елизаветы, раба Божия Николая; о убиенных воине Георгии, отроке Николае и воине Михаиле; о упокоении рабы Божией Ольги; и о здравии рабов Божиих Марии со чады, а также Елизаветы и Серафимы.

Митрополит Евлогий

Сёстры Куртэн особенно возрадовались предложению митрополита посвятить новый скит Казанской иконе Божией Матери. Ведь с этой иконой у них было связано воспоминание о начале их духовного пути — Кизилташской пустыни.

Всю свою жизнь и м. Евдокия, и м. Дорофея поименно поминали в молитвах всех своих сестёр по Кизилташу, не забывали родственников и друзей, оставшихся в России. Многим помогали

---

¹ Все даты указаны по старому стилю.

материально. Трудно сказать, как им это удавалось осуществлять, особенно в тридцатые годы, но многочисленные письма из России с выражением благодарности за полученные деньги и посылки этот факт подтверждают. В течение долгих лет они старались выяснить, как сложились судьбы о. Серафима, и о. Нонна, но узнать о том, что о. Серафим был в 37 году расстрелян, а о. Нонн выслан из Крыма, им так на земле и не довелось.

С 1933 года, когда в Германии к власти пришла национал-социалистическая партия и пост канцлера занял Адольф Гитлер, Европа жила предчувствием приближающейся войны. «Одержимый, кричащий и всем угрожающий человек с маленькими подстриженными усиками, утвердившийся в Берлине, с фанатичным упорством толкал человечество в бездну войны, которая должна была поглотить миллионы жизней во всех концах мира. Самое страшное было то, что Гитлер нашёл столько поклонников и последователей не только в Германии, но и в других странах, которые со злорадством предвкушали новую бойню».¹

На рассвете 1 сентября 1939 года Адольф Гитлер начал военные действия против Польши. В ответ Франция и Англия объявили войну Германии. Свою оборонную линию Мажино французы считали неприступной. Но, как известно, немцы обошли её стороной, победоносным маршем пересекли Бельгию и через Арденны вошли во Францию, как нож входит в масло. 14 июня 1940 года в 5 часов утра немцы заняли в Париж.

«Германская оккупация... Зелёные мундиры повсюду: на улицах, в метро, в магазинах... Солдаты облепили Париж, как саранча. И всюду красные флаги с чёрной свастикой на белом поле. В праздники в Тюильри, в Люксембургском саду или в аллеях Champs-Élysées², близ Grand Palais³ уныло-бравурные марши германских военных оркестров... На стенах домов очередные распоряжения германского коменданта Парижа. Ходят слухи о предстоящих облавах на евреев, о массовом истреблении их в Германии... И опять музыка. И крикливые походные песни проходящих войсковых частей. А по ночам топот патрулей в темноте гулких и пустых улиц...».⁴

¹ Хроника семьи Зёрновых. Т. 2. С. 257.

² Елисейских полей (фр.).

³ Большого дворца (фр.).

⁴ Манухина Т. Памяти митрополита Евлогия // Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947. С. 663

Вторая мировая война внесла в жизнь страх, скорби, напряжение и большую материальную нужду. Повсюду стояли очереди за продуктами: исчез картофель, не было масла, яиц и пр. М. Евдокия со своими сёстрами получала в Муазене продовольствие по карточкам. Всё имеющиеся постное масло у них уходило на поддержание неугасимой лампы перед иконой Божией Матери. Лампада весело теплилась всю войну. Для себя масла не оставалось, но к этому относились с юмором. «Жилов в военные годы никаких не было, — вспоминала много лет спустя м. Феодосия, — но зато ни у кого из нас не болела печень».

28 октября 1940 года в семидесятилетнем возрасте в Париже скончался Эдуард Эдуардович Куртэн. Нам мало известно о последних днях его жизни. Проживал он в Латинском квартале, на улице Сент-Этьен-дю-Мон. Возможно, он был погребён на старинном кладбище городка Витри-сюр-Сен, расположенном неподалёку от Парижа, в семейном склепе, где покоились его предки, а, может быть, в городке Тиэ, где тоже есть могилы Куртэнов.

Несмотря на тяжёлую политическую обстановку, жизнь продолжалась, и монашеские общины, как в Розе, так и в Муазене, стали перед необходимостью создания устава, определяющего их статус и внутренний порядок.

Монахиня Мелания обратилась за помощью к митрополиту Евлогию. В связи с этим 3 октября 1941 года владыка прибыл в Воскресенскую обитель и предложил сёстрам на рассмотрение написанный им Устав. Его сопровождал о. Мефодий, бывший уже в сане архимандрита.

Слово митрополита Евлогия при передаче Устава¹.

Матушка просила меня поговорить с вами о монашестве, о том, что такое монашество и как жить в монастыре.

Не думайте, что монашество есть особое существование; монашество — то же христианство. В сущности, монашеские обеты и всем христианам — и мирским — следовало бы давать. Не надо гордиться, что мы какие-то хорошие монахи. Прежде всего, мы должны стать хорошими христианами. Монашество есть христианство в более сгущённом, насыщенном виде; это, если сделать грубое сравнение, сливки христианской жизни, её украшение, благоухание, цветок, который вырастает на общехристианской почве. Монашество такое же

¹ Печатается в сокращении.

древнее, как само христианство. Его родоначальником считают святого Иоанна Крестителя — он был первым иноком. А родоначальница женского монашества — Сама Царица Небесная, Она наша общая Игуменья. Монашество является показателем развития и расцвета жизни христианской. Чем она выше, тем больше процветает монашество, цветок распускается махровыми лепестками. Падает уровень христианской жизни, падает и монашество: форма остаётся, а дух исчезает.

Что касается внутреннего монашеского служения, то оно определяется известными обетами, из которых три главнейшие: целомудрие, отречение своей воли, то есть послушание, и нестяжательность. Как я уже сказал, они касаются и каждого христианина, желающего проводить свою жизнь добросовестно, согласно Божиим заповедям. Но монашествующие углубляют эти обеты в своих душах тем, что дают их перед лицом всей Церкви. В чине пострига сказано, что ангелы слышат обеты приступающего к монашеству и тем делают их незабываемыми и нерушимыми.

Основанием, на котором строится монашеская жизнь, её базой, является молитва. Молитва — это стихия монашества; молитвой монахи и монахини должны дышать, как дышат воздухом. Молитва есть вернейший показатель того, насколько у нас есть монашеский дух. Есть молитва в сердце — значит, жив дух; угасает или делается вялой, сонной, ленивой — значит, плохо дело, значит, вся жизнь духовная идёт на убыль, замирает, засыхает. Всем нам известно выражение, что послушание паче поста и молитвы, но без молитвы и послушание цены никакой не имеет. Само послушание должно быть озаерено молитвой.

Монастырское послушание не есть обыкновенная мирская работа. В мирской работе лежит ещё в раю изреченный некий Божий гнев: «в поте лица будешь есть хлеб свой». Как бы Божия кара за первородный грех, как бы проклятие, а монашеская работа это есть благословенная работа, оваянная благодатным духом молитвы, служение Богу. В этом смысле она и должна исполняться — тогда монах трудится легко и радостно. А когда монах этот смысл теряет, то начинает выполнять работу с чувством необыкновенной тяготы, она становится тяжёлой, изнуряющей — «каторжным трудом».

Вот почему так важно и нужно учиться постоянной молитве, которая называется нами молитвой Иисусовой. Её всегда можно творить, на всяком месте владычества Господня. У хороших

иноков, умеющих её творить, стяжавших дар такой молитвы, она течёт, как дыхание, как кровообращение. Инок работает, а всё: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного».

Я думаю, что при устройении монашеской общины следует обратить особое внимание на то, что главный камень, фундамент — это молитва, и первой заботой должно быть обеспечение молитвенного правила. У каждого монаха может быть своё правило. Но церковное молитвенное правило, общее для всей обители есть нечто священное, незыблемое, важнейшее. Общественную храмовую молитву ничто заменить не может. Были подвижники, как Мария Египетская, для которых весь мир был храмом, но это были уже земные ангелы. А для нас, грешных, стоять в храме — и радость, и долг.

Послушание — великий дар. Поэтому монашеская работа не называется работой, а именно послушанием во имя Христово. Нам пример показал Сам Христос Спаситель, живший в доме Своего названного отца плотника Иосифа, помогавший ему Своими пречистыми руками в его ремесле и тем освятивший работу, которую кто-нибудь мог бы считать чёрной и грязной.

Нет такой работы. Всякая работа не чёрная, не грязная, а белая, чистая, святая работа. Это наше ложное человеческое понятие: чистая или нечистая работа. Работа в монастыре, то есть всякое послушание для Бога, для ближнего, для обители есть святое чистое дело.

Жизнь христианина широка и разнообразна, как безбрежное море, но мы нуждаемся в том, чтобы ввести её в известные рамки, строго определить. Поэтому в каждой обители есть свой устав. Основа уставов всегда одна и та же. Она сводится к практическому осуществлению основных обетов: молитвы, целомудрия, послушания, нестяжательности, но формы очень различны. Отшельничество и безмолвие — это очень высокие формы, для начальных иноков просто опасные. На этом пути человек встречает великие искушения.

Вот мне приходилось беседовать со старцем Предтеченского скита на Валааме, строгим и суровым. Там иноки пребывают на высоте, для нас недостижимой. Он рассказывал, сколько у них бывает искушений. Чем больше человек стремится к духовной жизни, тем сильнее нападают на него тёмные силы. Пока живём в грехе, страстях, лени, небрежении, нечистый дух оставляет нас в покое, считает нас своими. А как только человек становится на путь христианской жизни, начинается сильная

борьба: чем выше, тем сильнее. Жизнь уединённая, отшельническая, как в Предтеченском скиту, является афеной такой борьбы, таких искушений, какие нам не под силу. Поэтому святые отцы рекомендуют лучше начинать с общежития. Да и в условиях нашего времени, когда монашество и вообще христианство в загоне, смиреннее начинать с общежития.

В России существовали ещё и так называемые штатные монастыри. Чаще всего женские. Это совсем аномалия. Каждая сестра покупала себе келью, а если была богатая, то имела и платную послушницу-горничную. После смерти всё имущество такой монахини поступало в монастырь. А кто победнее, то три дня полагалось работать на монастырь, а три дня — на себя, и сёстры продавали рукоделья в город. Три дня имели общую трапезу, а три дня — сами себя кормили; одежда, обувь — всё сами. Это искажение, потому что настоящие монастыри общежительные. Вот я плохой монах и плохой руководитель, но я могу сказать искренне пред Богом, что очень люблю монашество. Сам плохой, но если вижу хорошего монаха, то для меня это величайшее утешение. Я много бывал в монастырях: и на Валааме, и на Соловках, и в Оптиной, в Задонских пустынях. Я любил аромат духовной жизни.

Беда нашего эмигрантского бытия в том, что у нас нет хорошего русского монастыря с крепкими устоями, уже исторически сложившегося. Всё приходится создавать заново. Но мне бы хотелось хотя бы маленький узелок завязать за время нашего вынужденного пребывания за границей. Вот существовала несколько лет обитель «Нечаянная Радость». Многие критиковали настоятельницу м. Евгению за злой характер. В обители воспитывались девочки, а м. Евгения была строга с ними, и люди говорили: «бедные, замученные девочки». Мне и самому бывало их жалко, они в церкви по два-три часа стояли. Я мог присесть, а они всё стояли. А теперь, когда я их встречаю — взрослых девушек, замужних женщин — они с большой теплотой вспоминают м. Евгению. Я говорю: «Вам было трудно». А они отвечают: «Ну, что же, что трудно». Они чувствовали сквозь её строгость что-то иное.

А теперь у меня две маленькие обители, мне бы хотелось, чтобы в них созидалось доброе монашеское устройство, хотя бы намёк на него.

Я считаю, что монашество не есть что-то искусственное. Корень его глубок, в самом сердце, в душе человеческой. Это одна из форм жизни, которая имеет глубокое психологическое

основание, особенно в душе русского человека. Русская культура вся на церковных дрожжах взошла, поэтому в России сильно тяготение к монашеству.

Вот в Сербии мне епископ говорил: «наши сербки не способны к монашеству». И они дошли до того, что в Сербии ни одного женского монастыря не было. Но это великий грех! Как так — не способны?! Приехала туда м. Екатерина с остатком монастыря из Бессарабии¹, человек шестьдесят, и сейчас же сербские женщины и девушки стали притекать. А через три-четыре года уже образовалась сербская группа, и так как они не могли слиться, то их выделили, дали другой монастырь, свою настоятельницу. Теперь я знаю уже три-четыре сербских монастыря, может быть, есть и больше.

Монашество имеет корень в душе человеческой и потому держится, никогда не умирало. Вот другой институт, диаконис, старый институт, с апостольских времён, но, увы, он захирел, умер своей смертью и чрезвычайно трудно его воскресить. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, подвижница, ревнительница благочестия, очень желала восстановить его и ходатайствовала перед Священным Синодом о его возрождении. Священному Синоду угодно было выбрать меня для ознакомления с вопросом, чтобы дать отзыв на её ходатайство.

Я много поработал, навёл исторические справки и пришёл к выводу, что этот институт — чудесное дело. Но, к сожалению, в условиях современной жизни едва ли есть надежда на его восстановление в широких масштабах. Диаконисы — это служение христианской женщины в миру. Проектировалось, чтобы в каждом приходе было две диаконисы: одна для просвещения, другая по благотворительности, чтобы настоятель церкви имел правую и левую руку. Но это — мечта, и главным образом потому, что где же взять столько женщин, которые посвятили бы себя служению Богу. Приходов семьдесят тысяч, значит, нужно сто сорок тысяч женщин — целая армия. А теперь женщины стремятся: одни — к науке, другие — танцевать. При психологии современных женщин я не вижу данных, чтобы этот институт

---

¹ Монахиня Екатерина, в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская (1851—1925), основательница и игуменья монашеской общины в селе Лесна на границе России и Австро-Венгрии. С 1889 г. община была преобразована в Богородицкий монастырь. После революции сёстрам монастыря пришлось уехать сначала в Бессарабию, затем в Сербию, потом во Францию. В Сербии они занимали древний монастырь в Хопово.

восстановить. Некоторые со мной не соглашались, были недовольны мной, как им казалось, холодным отношением.

Но монашество, слава Богу, никогда не иссякало. И я думаю, что женские монастыри могли бы иметь громадное значение, особенно в эпоху исторических потрясений. У меня был опыт наблюдения за тем, что сделал женский монастырь в Холмской епархии¹. Я покровительствовал женским монастырям, они быстро разрастались и проделали работу, которую трудно переоценить. Через них прошло почти всё наше поколение. Учителя, псаломщики либо сами учились в монастырях, либо женились на монастырских воспитанницах, считавшихся самыми завидными невестами.

Я бы хотел, чтобы и у вас дышал дух монашеский. «Дух дышит, где хочет, — говорит Евангелие. — Не знаешь, откуда Он приходит, куда уходит, слышишь только Его веяние».² Дай Бог, чтобы Он здесь веял. Я хочу вам предложить на рассмотрение устав из Карпатской Руси. Там был замечательный монастырь³, сёстры его — исповедницы и мученицы, венгры их преследовали. Настоятельница была Параскева Кабалюк, объединившая человек десять, которые стали собираться на молитву в домике. Венгерские солдаты, жандармы разгоняли их прикладами, а однажды загнали в холодное озеро по пояс и продержали несколько часов в ледяной воде, многих покалечили на всю жизнь. Вот начало этого монастыря. Совсем как подвиг Сорока мучеников. Давно сказано: не те монастыри стоят, которые на серебре и золоте, а те, что на слезах и молитве.

Я прочитал их устав и нашёл, что он очень хороший. С той только разницей, что он написан применительно к большому монастырю, где несколько десятков человек, а нам следует изменить его, согласовав с нашими обстоятельствами. Но основные его положения верные.

---

¹ Митр. Евлогий, будучи ещё иеромонахом, в 1895 г. был назначен ректором Холмской Духовной семинарии. В 1903 г. был рукоположен в епископа Люблинского и стал викарием Холмско-Варшавской епархии. После учреждения самостоятельной епархии (1905) правящий епископ Холмский и Люблинский.

² Ин. 3, 8.

³ Владыка митрополит использовал устав монастырской жизни русского православного общежительного женского монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы при селе Липше Хустского округа Карпатской Руси Чехословацкой республики.

Отвечая владыке Евлогию на его слово, архимандрит Мефодий сказал следующее:

— В жизни нашей маленькой монашеской общины произошло важное событие. Владыка митрополит за последнее короткое время трижды посетил наш дом и беседовал почти со всеми сёстрами. Он имел возможность и письменно с ними сообщаться и пришёл к заключению, что здешнему монашескому житию необходимо положить определённый устав, который сам и составил на основании имевшегося у него материала. Этот устав владыка через меня предлагает вашему вниманию для руководства и исполнения. Таким образом, мы можем сказать, что впервые властью епископа монашеское житие здесь официально утверждается.

Устав, предложенный митрополитом Евлогием, м. Мелания и позднее м. Евдокия существенно переработали сообразно условиям, в которых находились возглавляемые ими обители. М. Евдокия у себя отметила:

Основания монашеской жизни

Основой должна быть любовь, горячее и искреннее желание проходить жизнь в самоотверженном служении Богу. Инокиня должна иметь непрестанно горящий дух и желать угодить Богу. Монашеское делание начинается с покаяния, которое всю жизнь не должно прекращаться. Каждый день следует давать себе отчёт в содеянном и ни одного душевного движения нельзя оставлять нефаскрытым. Самоотвержение — необходимое условие монашеской жизни. Кто не терпит здесь скорбей, пусть не ждёт и венцов. Кто хочет царствовать в будущем веке, пусть не ждёт здесь покоя. Первое дело монаха — молитва, без которой не может быть никакой ни просветительной, ни благотворительной деятельности, поэтому всячески надо воспитывать в сёстрах молитвенный дух. Нельзя сразу перегружать большим молитвенным правилом, а внушать сёстрам, чтобы они во всякое самое малое дело влагали сердце богобоязненное, для чего лучше всего краткие молитвы. Для образования молитвенного навыка выстаивать все церковные службы со вниманием, чтобы немощных душой «тянуло» в церковь. Служба должна идти истово, чтение и пение уставные, напевы строго церковные.

Селение Муазене-ле-Гран, расположенное недалеко от старинного города Фонтенбло, окружено прекрасными, преимуще-

ственно дубовыми лесами, в которых когда-то охотились французские короли. Как все русские люди, монахини ходили в лес за грибами. По милости Божией военные годы на грибы были урожайными. Тяжёлое было время. Если бы не помощь русских богомольцев, приехавших в Муазене из Парижа, пришлось бы сёстрам совсем худо.

В военное время в Казанский скит на послушание поступила гречанка, родившаяся во Франции, Мария Кириакопулос¹. Она была пострижена в мантию в Муазене-ле-Гран архимандритом Киприаном (Керном) 9/22 сентября 1943 года и получила имя Глафира.

В 1943 году в рождественские праздники на территорию скита с неба неожиданно спустился необычный гость в виде американского парашютиста из войска союзников. Он был ранен. Сёстры прятали его от немцев, пока им не удалось отправить его в безопасное место. В начале войны Франция оказалась разделённой на две зоны: оккупированную (Северная и Центральная Франция) и неоккупированную (Южная Франция). Косвенно монахини были связаны с Соппротивлением, переправляя через демаркационную линию людей, неугодных оккупационному режиму. Однажды они спасли комиссара французской полиции, которому грозила расправа за милосердное отношение к евреям. Скрывали сотрудников м. Марии по «Православному делу», когда тех разыскивали нацисты. И кому они только не помогали: статистикой добрых дел никто не занимался.

А в это время в Париже на Лурмеле укрывали евреев, участников Соппротивления, советских военнопленных, бежавших из концлагерей.

«В день нападения гитлеровской Германии на СССР (22 июня 1941 года) в Париже было арестовано около тысячи русских эмигрантов, и среди них многие друзья м. Марии и соратники по “Православному делу”: Ф. Т. Пьянов, Л. А. Зандер, И. И. Фондаминский... Русские арестованные попали в лагерь в Компьене, где в числе заключённых находился И. А. Кривошеин².

¹ Монахиня Глафира, в миру Мария Кириакопулос (1900–1966). Одна из основательниц Покровской обители в Бюсси-ан-От. В конце пятидесятых годов возглавляла греческий старческий дом в Марселе. Похоронена в Бюсси-ан-От на местном кладбище.

² Игорь Александрович Кривошеин (1899–1987), штабс-капитан лейб-гвардии конной артиллерии армии генерала Врангеля, узник нацистских и советских лагерей, участник движения Соппротивления. Окончил Сорбонну, по специальности инженер-электрик. В течение почти двух военных лет был сотрудником м. Марии.

*Муазене-ле-Гран. Слева направо: м. Евдокия, м. Бландина,
м. Дорофея*

*В Муазене-ле-Гран у колодца. Слева направо: м. Глафира, м. Евдокия,
м. Бландина, м. Дорофея, м. Феодосия, о. Евфимий*

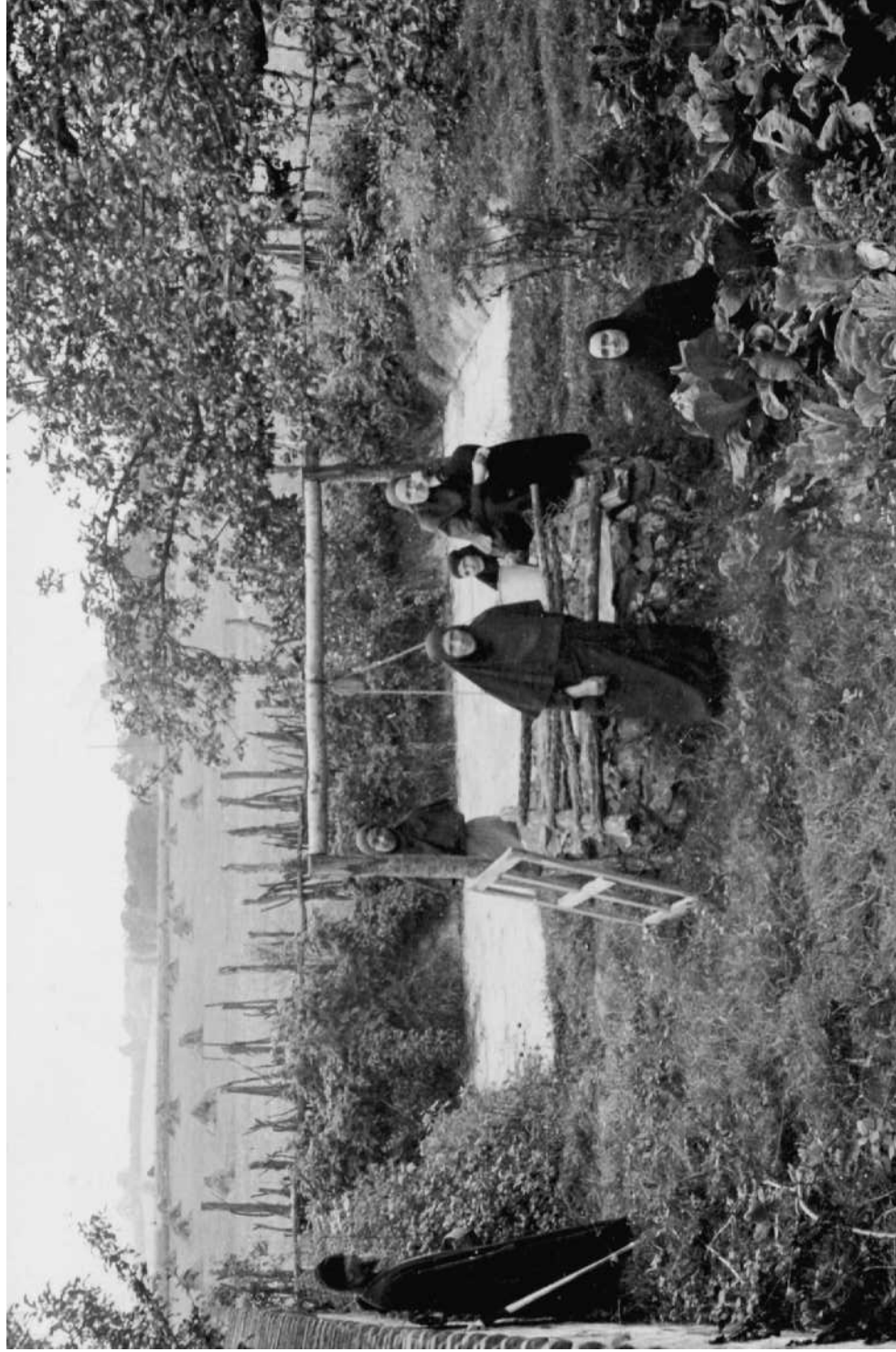

*Муазене-ле-Гран, трапезная-кухня. Слева направо: м. Глафира,
м. Бландина, м. Евдокия, м. Феодосия*

В трапезной. М. Евдокия, о. Евфимий с сёстрами скита и гостями

У колодца. Слева направо: о. Евфимий, м. Феодосия, м. Глафира, м. Бландина, м. Дорорея, м. Евдокия

Он был освобождён в начале сентября 1941 года, и товарищи по заключению попросили его организовать помощь как им самим, так и их семьям... На улице Лурмель был образован комитет, в который входили м. Мария, о. Дмитрий Клепинин, И. А. Кривошеин и С. Ф. Штерн. Организовать помощь нуждающимся удалось в кратчайшие сроки. Собирали и переправляли посылки, помогали деньгами, добывали документы для лиц, скрывающихся от немецкой администрации. На улице Лурмель давали им кров и пищу. Люди жили во флигеле, в сарае и просто располагались на полу в зале. Начиная с 15 июля 1942 года, после гитлеровского указа об обязательном ношении евреями жёлтой звезды, м. Мария и её комитет решились на рискованный шаг — выдавать евреям ложные свидетельства о крещении¹.

---

¹ Известно, что целый ряд лиц смущается фактом выдачи м. Марией евреям фиктивных документов. Однако по свидетельству игуменьи Феодосии (Соломянской) большинство евреев, получивших из рук м. Марии ложные свидетельства о крещении, после войны в действительности крестились и стали христианами. Таким образом, дальнейшие события показали, что из фиктивных документы стали истинными. Это свидетельствует о великом молитвенном дерзновении м. Марии (Скобцовой) и её сотрудников.

В связи с этим мне вспоминается следующий случай. В 1986 году я, молодая послушница, с благословения м. Феодосии занималась монастырским садом. Мы собирались посадить 15 фруктовых деревьев. Для этого следовало заранее выкопать ямы, но наш француз-садовник не торопился, время шло, приближался ноябрь, и я боялась, что мы не успеем до зимы, и придётся откладывать посадку на будущий год. М. Феодосия, узнав о моём беспокойстве, сказала: «Передайте садовнику, что на следующей неделе один благодетель собирается купить и привезти нам деревья, и ямы нужно приготовить немедленно». Я удивилась: «Матушка, а не получится ли, что мы наврём?» М. Феодосия покачала головой: «Нет. Потому что «не оставляет Господь жезла на жребии своём». Увидите, Бог придумает что-нибудь, чтобы не получилось, что мы наврали». Я сообщила садовнику «новость», и он действительно принялся копать ямы. Через два дня в гости в монастырь пришёл наш сосед, прекрасный садовод Алексей Николаевич Можайский. «Зачем вы копаете ямы?» — спросил он меня. «Хотим посадить фруктовые деревья». «Вы уже их купили?» «Ещё нет». Через полчаса меня вызвала к себе м. Феодосия: «У меня был Можайский, он хочет купить монастырю деревья, сам их закажет, просит вас приготовить список».

Мы не советуем всем читателям нашей книги действовать в таком же стиле: для этого необходимы высокая молитвенность и беззаветная любовь к Создателю. Но, судя по результатам, известным нам благодаря свидетельству очевидцев, м. Мария, о. Дмитрий (Клепинин)

По словам И. А. Кривошеина, “вопрос уже шёл не только о насущной помощи и крыше над головой, дело дошло до того, что на лурмельской кухне работал некоторое время бежавший из лагеря один из первых советских военнопленных, и он был не последним. Долгое время скрывались двое американских лётчиков, для которых удалось раздобыть поддельные документы и переправить в безопасную зону. Нужно было доставать поддельные документы и для участников Сопrotивления, и для евреев, которые скрывались на Лурмель и в Нуази. Из этих центров была налажена сложная цепь по всей Франции для спасения и бегства людей...” В результате м. Мария и её организация оказались в самом центре настоящей антифашистской борьбы с хорошо налаженными связями, и этим звеньям удалось сохраниться вплоть до февраля 1943 года».¹

В феврале 1943 года после Сталинградской битвы «Православное дело», основанное м. Марией, было ликвидировано по приказу немецких властей. М. Мария попала в концлагерь Равенсбрюк, где провела два года. Незадолго до смерти, указывая на дым, выходящий из труб крематория, она сказала окружающим её женщинам:

— Только здесь над трубой клубы дыма мрачны, а поднявшись ввысь, они превращаются в лёгкое облако, чтобы затем совсем развеяться в беспредельном пространстве. Так и в смерти. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в лёгком неземном полёте уходят в вечность для радостной жизни.²

Вечером 31 марта 1945 года м. Мария (Скобцова) погибла в газовой камере.

и другие сотрудники «Православного дела», выдавая евреям подложные свидетельства о крещении, руководствовались не просто жалостью к ближнему, и, тем более, не авантюризмом, а глубоким чувством Истины, укоренённым в твёрдой вере, что Господь, «не оставляющий жезла на жребии своем», не посрамит их упования и дерзновение их принесёт плоды в своё время.

¹ Кривошеина К. И. Красота спасающая. Мать Мария (Скобцова). СПб., 2004. С. 74.

² Цит. по: Сергий (Гаккель), прот. Мать Мария. С. 188–189.

Глава 7

Смерть о. Сергия Булгакова. — Снова Розе-ан-Бри. — Пожертвование адвокатом В. Б. Ельяшевичем м. Евдокии и её сёстрам имения в Бургундии. — Образование монашеской общины в Бюсси-ан-От

12 июля 1944 года в Париже скончался о. Сергей Булгаков. С 1939 года он был тяжело болен: рак горла, операция, потеря голосовых связок, но продолжал служить и даже читал лекции. Несмотря на все скорби, «во время войны, во время лишений, бомбардировок и всеобщего упадка духа, он поражал... своим спокойствием, своим радостным настроением, каким-то неземным светом, исходившим от него»¹. 10 июня 1944 года с ним случился удар, и м. Евдокия направила в Париж его духовных дочерей м. Бланину и м. Феодосию ухаживать за умирающим. Сохранилась запись, сделанная м. Феодосией, повествующая о его кончине.

*О последних днях отца Сергия (Запись очевидца)*²

Это было в субботу 10.06.1944 года. За пять дней перед тем, в ночь с Духова дня на вторник, с о. Сергием случился удар. Первые два дня, вторник и среду, о. Сергей ещё проявлял некоторые признаки сознания и узнавал кое-кого из окружающих. В четверг сознание стало угасать, а в течение последних тридцати часов, с утра пятницы до полудня субботы, о. Сергей находился в состоянии глубокого забытья, не открывал глаз, не глотал, и только тихое дыхание свидетельствовало о том, что жизнь его ещё не покинула. В эти дни, следовавшие за ударом

¹ Зандер Л. О. Сергей Булгаков. Париж, 1945. С. 17.

² Текст приводится по: Вестник РХД. Париж—Нью-Йорк—Москва, 1971. №101—102.

о. Сергия, все мы¹, его окружавшие, с трепетом внимали тайне, открывавшейся нам в этом новом его бытии. Мы были перенесены в иной, дотоле нам неведомый план. Неподвижное тело о. Сергия, лежащее перед нами, было как бы мостом, соединявшим два мира — «этот» и «тот». И «тот» открывался нам в такой реальности, что «этот» начинал казаться призрачным. Земная жизнь о. Сергия, так гармонично завершённая литургией Духова Дня, переходила в другую фазу, и нам надо было увидеть тот свет, который уготовал Господь любящим его.

Уже тридцать часов о. Сергий не приходил в себя и не проявлял никаких признаков сознания. Духовное напряжение этих последних часов было так велико, что мы, четверо, ухаживающие за о. Сергием, все вместе не отходили от него, чувствуя, что присутствуем при великом духовном торжестве, и не имели силы оторваться, боясь что-то пропустить.

Было около часу дня. Лицо о. Сергия постепенно начало светлеть и озарилось таким неземным светом, что мы замерли, боясь поверить тому, что нам дано было увидеть. Ясно было, что душа о. Сергия, проходившая какими-то таинственными путями, в это мгновение приближалась к престолу Господню и была озарена светом Его Славы. Почти два часа продолжалось это дивное явление, но это мог быть миг и век — время для нас остановилось.

Мы присутствовали при таком несомненном озарении Духом Святым, при таком «реальном опыте святости», который трудно было вместить.

Прошло восемнадцать дней с момента этого светящегося явления, о. Сергий ещё жив, и душа его проходит какие-то божественные, ей назначенные пути, а тело томится в своей земной скованности, но как ученикам Господа дано было увидеть славу преображения для того, чтобы понять и принять Его дальнейший крестный путь и воскресение, так и нам дано было увидеть «прославление» о. Сергия для того, чтобы вместе с ним, в смиренности и покорности ждать часа его полного освобождения и слияния со Христом.

И верно, что уйдя ко Господу, о. Сергий нас не покинет, но умолит Бога открыть наши сердца для принятия Духа Уте-

---

¹ Это были: Елена Николаевна Осоргина (сконч. в 1968 г.), м. Бланидина (Оболенская), с. Иоанна (Рейтлингер), и автор этой записки м. Феодосия (Соломянская). Сходные записи были составлены и другими свидетельницами, но судьба этих записей неизвестна.

шителя, дары Которого так обильно на нём излились на наших глазах.

28. VI. 1944 года. 2 часа 30 минут ночи,
у постели о. Сергия

Сбылось дивное предчувствие о. Сергия. Ведь за двадцать три года до смерти, ещё будучи в Ялте, он в своём дневнике записал:

6 августа 1921 года¹.

Преображение Господне. Сегодня я по воле Божией отлучён от богослужения (опять вследствие нарывов на ногах). Первый раз за своё священство со мной это случилось и, притом, в такой праздник, в мой праздник, ибо в безумии своём чаю раньше смерти видеть Царство Божие, пришедшее в силе, раньше смерти пережить... преобразование.

В феврале 1944 года в Казанский скит на послушание поступила Татьяна Юрьевна Карцова, родная сестра Елены Юрьевны, подруги м. Евдокии по Крыму. Карцовы находились в эмиграции с начала двадцатых годов. В Париже подруги вновь встретились. Точнее, совершенно для себя неожиданно Елену на улице увидела и узнала Мария Георгиевна Куртэн. С 1935 года Елена Юрьевна была замужем за Иваном Михайловичем Концевичем, известным духовным писателем². А Татьяна³, всегда тянувшаяся к монашеству, с благословения своего духовника архиепископа Владимира (Тихоницкого) решила посвятить себя Богу. Таким образом, к концу войны в Казанском скиту насчитывалось уже шесть сестёр.

---

¹ По старому стилю (по новому 19 августа) праздник Преображения Господня.

² Иван Михайлович Концевич (1893–1965) — церковный историк. Учился на математическом факультете Харьковского университета. С 1916 г. находился под духовным руководством оптинских старцев. Участник гражданской войны в составе Белой армии. В эмиграции с 1920 г. Окончил в Париже физико-математический факультет Сорбонны (1930) и Свято-Сергиевский Богословский институт (1948). С 1952 г. переехал в США. Преподавал патрологию в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. Основные труды посвящены истории русского монашества.

³ В 1946 г. в Муазене-ле-Гран Татьяна Карцова (1896–1995) была с именем Таисия пострижена в рясофор будущим епископом, а в то время архимандритом Кассианом (Безобразовым).

В 1945 году община в Розе-ан-Бри получила самостоятельный статус и независимость от аньерского прихода. Казанский скит указом митрополита административно присоединился к Воскресенской обители. Настоятельницы Мелания и Евдокия ввиду нового положения подали прошение на имя владыки Евлогия следующего содержания:

17 апреля 1945

*Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему
митрополиту Евлогию
монахинь Мелании и Евдокии
прошение*

Ваше Высокопреосвященство!

Ввиду состоявшегося недавно Вашего распоряжения относительно Воскресенской обители и её соединения с Казанским скитом, мы подвергаем Вашему милостивому архиерейскому вниманию проект соединения обителей на следующих основаниях:

Казанский скит префращает своё существование в качестве самостоятельной общины и приписывается к Воскресенской обители, но сохраняет свою хозяйственную и внутреннюю самостоятельность. В административном отношении он имеет свою начальницу и иеромонаха, но находится под контролем начальницы Воскресенской обители. По истечении года отчёт скита представляется Епархиальному управлению через Воскресенскую обитель.

Начальница скита монахиня Евдокия перемещается в Воскресенскую обитель¹ в качестве помощницы и заместительни-

---

¹ Точную причину разделения нам установить не удалось. Скорее всего, м. Евдокия почувствовала, что м. Дорофее трудно преодолеть себя и относиться к родной сестре как к настоятельнице. Она оставила м. Дорофее Казанский скит, а сама, уповая на Бога, стала искать новое пристанище. В Казанском скиту продолжали подвизаться о. Евфимий, м. Дорофея и с. Татьяна (Карцова). Впоследствии в скиту появились новые сёстры. М. Дорофея создала при небольшой монашеской общине дом призрения для престарелых, следуя примеру м. Мелании. В 60-х годах ей удалось выкупить имение в Муазене-ле-Гран. В 1973 г. она была возведена в сан игуменьи. Умерла м. Дорофея (Куртэн) в 1987 г., похоронена на кладбище в Муазене в одной могиле с Марией Георгиевной Куртэн.

цы настоятельницы обители монахини Мелании. Переходят в Воскресенскую обитель также монахини Бландина и Глафира,¹ монахиня Доротея остаётся в скиту.

*Вашего Высокопреосвященства недостойные послушницы
Монахиня Мелания
Монахиня Евдокия*

М. Евдокия с вышеназванными сестрами переехала в Розе. Там в это время жили 15 старушек, за которыми м. Мелания и её сёстры ухаживали. Община получала вспомоществование от французского государства², так как считалась своего рода старческим домом. Но м. Евдокия нашла, что будет нехорошо со стороны её монахинь пользоваться такой помощью. Она много молилась о том, чтобы Господь указал ей и её сёстрам их истинное место, и просила сербского иеромонаха Митрофана (Крессовича) отслужить молебен перед иконой Тихвинской Божией Матерью.

О. Митрофан из Вешенова (Сербия), 1910 года рождения, был сыном портного. Двенадцати лет боголюбивый мальчик убежал из родительского дома в монастырь Гергетег. Окончив в 1932 году монашескую школу, он был рукоположен в иеромонахи. Вскоре он заболел туберкулёзом и прошёл длительный курс лечения. По улучшении состояния здоровья иеромонах Митрофан был назначен настоятелем монастыря Трокаша в епархии Шабацка. Он был глубокий молитвенник и, несмотря на свою молодость, отчитывал бесноватых.

В 1943 году о. Митрофана арестовали немцы и заключили в концентрационный лагерь в Земун. Там он подвергался побоям (немцы вышибли ему несколько зубов), голодал. Через год был отправлен на работу в Германию, а затем во Францию в Мец, откуда в тяжёлом состоянии доставлен в парижский госпиталь, где пробыл четыре месяца.

3 марта 1945 года по приглашению сестёр Казанского скита о. Митрофан приехал к ним на отдых и находился в скиту до

---

¹ О монахине Феодосии речи здесь не идёт, по-видимому, потому, что она административно оставалась приписанной к Воскресенской обители. Впоследствии Казанский скит снова получил самостоятельность.

² За эти годы в отношении французской администрации к русским старческим домам произошли изменения к лучшему, благодаря чему некоторые из них получили официальный статус и небольшую материальную помощь.

октября. Снова тяжело заболел и с диагнозом туберкулёзный менингит был отвезён в расположенный неподалёку от Муазене город Мелен в больницу.

Врачи сочли его состояние безнадежным и перестали лечить. Тогда м. Мелания привезла к нему обновившийся в Розе-ан-Бри образ Воскресения Христова, перед которым сёстры отслужили молебен о здравии тяжкоболящего. Анализ спинномозговой жидкости, произведённый сразу после молебна, уже не обнаружил ни бактерий, ни гноя, чем привёл медицинский персонал в немалое недоумение. О. Митрофан стал поправляться и в декабре переехал в Воскресенскую обитель для отдыха.

Молодой сербский иеромонах сумел вызвать к себе такую любовь, а к своей судьбе такое сочувствие со стороны окружающих его людей, что молебны о его здравии служились дважды в день в продолжение почти что целого месяца, а сколько горячих личных молитв о нём возносилось, не поддаётся никакому исчислению.

К нему-то и обратилась м. Евдокия с просьбой отслужить молебен перед Тихвинской иконой Божией Матери. Молебен служили на квартире у Елены Юрьевны и Ивана Михайловича Концевичей. Елена Юрьевна вместе с мужем проживала в Париже в доме № 35 по улице Claude Bernard в Латинском квартале.

После молебна м. Евдокия по совету будущей монахини Иларины (тогда Елизаветы Александровны Бернацкой) направила м. Бландину к В. Б. Ельяшевичу, так как про последнего было известно, что он по роду своих интересов находится в курсе программ французского правительства по дешёвой распродаже земельных участков, брошенных во время войны хозяевами. В 1941 году Ельяшевич потерял жену Фаину Иосифовну, перед смертью просившую его пожертвовать их имение в Бюсси на монастырь. То же самое советовал ему сделать его духовник о. Киприан (Керн). Наследников у Ельяшевичей не было, так как их дети — сын Иосиф и дочь Ирина — ещё раньше переселились в мир иной. Выслушав м. Бландину, Василий Борисович к её изумлению ответил:

— Зачем далеко искать, забирайте мой дом в Бюсси даром за символическую цену, но при оформлении бумаг уплатите налоги на продажу.¹

---

¹ Во Франции юридически проще оформить купчую, чем дарственную бумагу.

У м. Евдокии сразу возникла мысль, что на новом месте можно было бы брать на летние месяцы русских девочек-подростков, чтобы те в благочестивой среде усваивали основы православной веры.

Узнав о новом перемещении, владыка Евлогий пожал плечами, но, подумав и помолившись, дал благословение:

— Прошло немного более года, и опять перемещение. Не слишком ли часто? Одно меня утешает — это личность профессора Василия Борисовича Ельяшевича и его покойной супруги Фаины Иосифовны. И ещё более — высокое назначение этого нового учреждения — воспитание русских девушек в духе православной веры. Крепко верю в устои этого нового учреждения и соглашаюсь на это перемещение в надежде, что наконец всё успокоится и обретёт своё настоящее призвание и действительно создастся очаг русской православной веры.

В конце июня м. Евдокия получила письмо от о. Киприана (Керна):

Сергиевское Подворье,
8/21. VI. 1946

+

Дорогая мать Евдокия!

Спасибо за добрые вести. Я уже вчера знал от Василия Борисовича, что Ваше пожелание исполнилось и что митрополит пошёл Вам навстречу. Я очень этому радуюсь по многим причинам. Прежде всего, мне приятно, что Бюсси, которое так любила покойная Фаина Иосифовна, временно (а, может быть, и совсем) будет избавлено от перехода в неподходящие руки. Мне радостно, что осуществится то, что так хотела там видеть покойная владелица. Радуюсь также и за Вас, так как Вы таким образом попадаете на совсем самостоятельное положение. Вне зависимости от уже существовавшего до Вашего появления Розе, но и не в такие примитивные условия, как Муазене, где Вам приходилось вести героическую борьбу со стихиями мира и природы, борьбу, в сущности, непроизводительную и прямому Вашему делу мешающую. Хотелось бы верить, что Вы найдёте себя и свой путь в Бюсси, «делая добро, не будете унывать: ибо в своё время пожнёте, если не ослабеете». (Гал. 6, 9) По-видимому, Вам нужен какой-то свой путь, несколько необычный, отличающийся от установившейся в Розе или в иной какой-либо общине формы. В этом есть и своя опасность: как бы не принять своего доброго порыва и динамиз-

ма за исключительное руководящее начало. Но поскольку Вы все в традиции и церковности, эта опасность Вам не страшна. Вы не будете делать тех безвкусовых и антицерковных шагов, которые делала м. Мария и ей подобные. Я, может быть, и не вполне беспристрастен к Вам и м. Бландине, но мне очень хочется, чтобы Ваши усилия не пропали даром. В вас обеих есть настоящий духовный порыв и любовь ко Христу, а присущая вам церковность охранит вас от ненужных экспериментов.

Дай Вам Бог успеха. Знаю, что и Василию Борисовичу это всё по душе и радуюсь за него.

Конечно, в Бюсси, как и везде, Вам предстоят испытания; нелегко будет на первых порах со старожилами, но Вы своей работой, своими личными качествами очень скоро всех их к рукам приберёте и покорите себе всякого врага и сопостата. Надеюсь, что Вы оцените Бюсси; чудный, светлый, солнцем пронизанный дом; тихие окрестности и вообще весь бургундский фон. С Богом начинайте Ваше дело. Как хорошо, что в доме этом будет частое совершение литургии и вообще будет молитва и духовность...

Пожалуйста, молитесь всегда обо мне. Не забывайте этой моей просьбы.

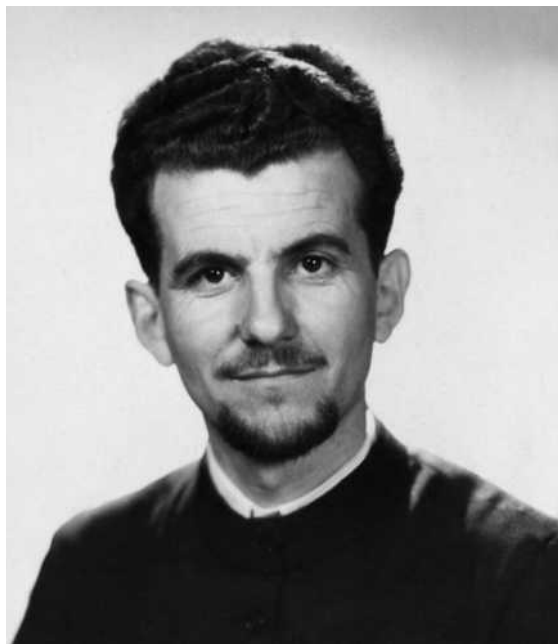
Господь с Вами. С любовью и душевным уважением,
архимандрит Киприан

Вечером 1 июля 1946 года м. Евдокия, м. Бландина, м. Феодосия, м. Глафира и о. Митрофан прибыли в Бюсси. Это событие совпало с празднованием памяти святого Апостола Иуды¹, который с тех пор и считается одним из покровителей монастыря.

Монахини привезли с собой на новое место больного рассеянным склерозом парализованного человека, поэта Всеволода Александровича Козловского (1900—1949), за которым был нужен постоянный уход. М. Мария (Скобцова) нашла его, совершенно заброшенного, в какой-то парижской больнице и перевезла к себе на Лурмель, а позднее сёстры общины из Розан-Бри взяли его к себе. Ухаживать за ним было поручено м. Феодосии, и она, покидая Розе, не оставила его. В Бюсси монахини по очереди каждые три часа переворачивали этого терпеливого страдальца.

---

¹ Литургически по церковному календарю сутки начинаются не ночью в 24 часа, а с вечера и, таким образом, день памяти Святого Апостола Иуды празднуется с вечера 1 июля до вечера 2-го.

*О. Митрофан
(Крессоевич), 1946 г.*

*Василий Борисович
Ельяшевич*

*После молебна у Тихвинской иконы Божией Матери в Париже
на квартире у Концевичей. Слева направо: м. Евдокия,
Елена Юрьевна Концевич. о. Митрофан*

Всеволод Александрович Козловский. Лурмель, 1938 г.

М. Евдокия писала митрополиту Евлогию:

Обитель Покрова Пресвятой Богородицы
Бюсси
14/27 июля 1946

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему
митрополиту Евлогию

Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнейший Владыка!

В четверг 4 июля сего года во вновь устроенной с Вашего благословения монашеской общине во имя Покрова Пресвятой Богородицы в имении профессора В. Б. Ельяшевича был освящён дом и отслужена первая литургия.

Служение совершил сербский иеромонах о. Митрофан (Крессоевич) в уже существовавшей в доме маленькой церковке во имя Казанской иконы Божией Матери. Все присутствовавшие на службе причащались. Из сестёр: монахини Евдокия, Бландина, Феодосия и Глафира, а также близкие им по духу: Елизавета Дмитриевна Крылова и Мария Ивановна Сабина, прожившие три года в этом доме; сербский студент Иован Драгишевич, помогавший при переезде; и парализованный больной Вс. Ал. Козловской.

К сожалению, сам хозяин дома и благодетель, профессор Василий Борисович Ельяшевич, вынужден был за день до этого вернуться в Париж с камионом¹, в котором у него были вещи, и не мог присутствовать на богослужении. За него молились на литургии, а также поминали за упокой имя его супруги Фаины Осиповны, по желанию и в память которой профессор Ельяшевич и учредил общину в своём доме.

Испрашивая на новую обитель
Вашего архипастырского благословения,
остаюсь Вашего Высокопреосвященства недостойная
послушница монахиня Евдокия

Дружно, «засучив рукава», все, кто мог, принялись за работу. Нельзя забывать, что насельники новой обители были физически ослаблены от постоянного во время войны недоедания.

---

¹ То есть с грузовиком (с фр.).

Их переезд в Бюсси в полной бедности был проявлением веры и надежды на Божественную помощь. Ведь обрета большой, но плохо обустроенный дом, они в придачу к нему никаких материальных средств не получили. Как все верующие люди в таких случаях, они рассуждали так: если есть действительно воля Господня, чтобы монастырь был создан, то Он не оставит уповающих на Него, и дело их устоит.

Местное население отнеслось к русским монахиням радушно, послевоенная жизнь была трудной для всех, и общие тяготы сближали людей разных национальностей.

Глава 8

Бюсси-ан-От. — Смерть митрополита Евлогия. — Митрополит Владимир (Тихоницкий). — смерть Марии Георгиевны Куртэн. — Немного о Муазене. — Первые годы жизни на новом месте. — Письма игуменьи Евдокии

Селение Бюсси-ан-От, маленькое и спокойное, расположено в живописном уголке Бургундии рядом с одним из самых больших лесов Франции, который называется От (Othe) — отсюда деревня и получила своё название. В долине среди холмов теснятся друг к другу её каменные домики с черепичными крышами. Несколько улиц, церковь XII века, мэрия, фонтан на площади — даже сейчас место это удивляет приезжих своей тишиной, а в сороковых годах прошлого века оно производило впечатление глубокой провинции. Но так казалось только на первый взгляд, потому что в семи с половиной километрах на стыке городков Лярош и Мижен находился важный железнодорожный узел, через который всю войну один за другим проносились поезда с боеприпасами и всевозможными видами оружия. Оттуда легко можно было добраться до Парижа, до Лиона и т. д. А с пересадками — куда угодно.

Таким образом, монахини были и удалены от цивилизации, что соответствовало их аскетическому настроению, и в то же время доступны для богомольцев, желающих совершить к ним паломничество. Конечно, в те годы приезжие, как правило, преодолевали эти семь с половиной километров от станции до обители пешком.

Лес От по преимуществу дубовый. В нём водятся кабаны, косули, олени, лисицы, зайцы, ежи. Три небольших лесных озера, заросших кувшинками и кубышками, а также бесконечное количество маленьких ручейков служат животным для водопоя и разнообразят лесные пейзажи.

А вокруг деревни во все стороны разбросаны крестьянские поля, заливающиеся в мае месяце жёлтым цветом от цветущего рапса и алым — от дикого мака.

*Селение Бюсси-ан-Орт и окрестности.
В центре католическая церковь и колокольня.
Самый большой дом с каминными трубами направо от колокольни
принадлежит Покровской обители. Фотография 40-х годов*

*Бургундский пейзаж в окрестностях Бюсси-ан-Орт.
Фотография 40-х годов*

*Бургундские пейзажи в окрестностях Бюсси-ан-От.
Фотографии 40-х годов*

*Селение Бюсси-ан-От. Большой дом слева — Покровская обитель.
Фотография 40-х годов*

*Таким монахи получили дом В. Б. Ельяшевича.
Фотография 40-х годов*

Двухэтажный дом № 11 по улице Лесная (rue de la Forêt), в котором поселились его новые хозяйки, был самым большим в деревне. По обе стороны от него были устроены подсобные хозяйственные помещения, все вместе они образовывали русскую букву П. Запущенный сад окружал их с двух сторон. Двор между зданиями был вымощен большими камнями. Высокая старая стена огораживала поместье. Вскоре по приезде сестры водрузили над главным входом в дом икону Покрова Пресвятой Богородицы.

13 июля служили заупокойную литургию в день годовщины смерти о. Сергия Булгакова. Приехали первые гости из Парижа, среди них сестра Екатерина (Гирс)¹ и Елизавета Александровна Бернацкая. С. Екатерина, духовная дочь владыки Владимира (Тихоницкого), просила благословения м. Евдокии войти в состав её сестёр.

М. Евдокия разрешила ей остаться и сразу же поручила вести летопись Покровской обители. Две школьные тетрадки, исписанные аккуратным почерком, скупое повествуют нам об их жизни в 1946–1947 годах. С. Екатерина владела пишущей машинкой и получила ещё одно послушание: перепечатать для церковного клироса все службы из Минеи², так как в это время в Бюсси почти никаких церковных книг не было. Минеи одаживали в Муазене, а, перепечатав, возвращали.

Через месяц после приезда о. Митрофан написал письмо Василию Борисовичу Ельяшевичу:

+

*Глубокоуважаемый Господин!
Христос посреди нас!*

Проведя месяц в Вашем имени, Богом данным нашим монахиням, хочу Вас письменно благодарить.

---

¹ Будущая монахиня Екатерина, в миру Елена Николаевна Гирс (1911–2010), родилась в Вене. В конце войны поступила в монашескую общину в Розе-ан-Бри к м. Мелании. В 1945 г. была пострижена в рясофор митр. Евлогием. В мантию (?). Вместе со своей сестрой монахиней Агнией написала книгу о жизни своего духовного отца митрополита Владимира (Тихоницкого) «Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник». Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

² Общее название нескольких богослужебных книг: Минеи месячные, Минея общая, Минея праздничная, Четьи-минеи и т. д. С. Екатерина перепечатывала Минеи месячные (12 томов), содержащие службы святым на каждый день года.

Вы, господин Василий, сделали великое дело: во-первых, на земле, а, что самое главное, Вы создали себе дом на небе. Не только себе самому, но и Вашей уважаемой покойной жене и детям. Люди, которых я встречаю, как русские, так и сербы, когда я им говорю о Вашей доброте, доходят до слёз от радости и от восхищения, что такие люди ещё существуют. Мой взгляд на Ваш дом и сад следующий: Ваш дом очень подходит для монастыря. Сад очень хороший. Мы стараемся всё привести в такой же порядок, который здесь был, когда Вы некогда здесь жили.

Всё население очень с нами любезно. О Вашей покойной жене и о Вас все говорят очень хорошо. У нас два раза в день бывают службы, и Ваше ценное имя и имя Вашей жены и детей вспоминаются на каждом богослужении.

Ещё Вас благодарю, потому что я видел в Вашем помянике за усопших имя короля Александра:¹ значит, Вы — друг сербов.

Ещё примите благодарность, что Вы так хорошо относитесь и даёте отеческие советы нашим сёстрам. Должен Вам сказать, что с. Екатерина почувствовала себя с Вами на рю Дарю, как с родным отцом.

Ваш во Христе молитвенник иеромонах Митрофан
Бюсси. Св. Пантелеимон, 1946

С самого начала августа в тетрадке с. Екатерины появляются тревожные строки о тяжёлой болезни митрополита Евлогия. Промыслом Божиим м. Феодосия по каким-то делам обители в это время оказалась в Париже и осталась там ухаживать за умирающим владыкой. Сохранились её записки о последних днях первосвященителя².

Митрополит Евлогий † 1946

Суббота, 3 августа, в 9 часов вечера. Беседа с владыкой.

Владыка:

— Как это быстро произошло, всего за несколько недель. Хорошо там у вас?

---

¹ Речь идёт о короле Югославии Александре из династии Карагеоргиевичей, убитом в 1934 г. в Марселе.

² М. Феодосия в записках называет себя просто монахиней, не указывая имени. Печатается в сокращении.

Монахиня:

— Очень хофошо, владыка.

Владыка:

— Божье дело.

Монахиня:

— Помолитесь, владыка, о том, чтобы Господь благословил это дело.

Владыка:

— Плохая моя молитва.

Монахиня:

— Ничего, владыка, для нас она хофоша.

Владыка светло улыбаётся и осеняет себя крестным знамением.

Беседа с владыкой в субботу 3 августа в 9 часов 30 минут вечера.

Владыка:

— Что вы думаете?

Монахиня:

— Я думаю: слава Богу за всё!

Владыка:

— Это правильно.

Монахиня:

— И ещё я думаю: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за всё благодарите.

Владыка:

— Непрестанно молитесь... Это самое важное... Трудный это вопрос о непрестанной молитве. Вселенской важности вопрос... Нефразрешимый вопрос... Вы — сильный человек... Монахиня... Монашество — это трагедия, — владыка как будто задумался и повторил с сильным ударением. — Монашество — это трагедия...

Монахиня:

— Владыка, но ведь мы молимся: Духа Твоего Святого не отыми от нас.

Владыка:

— Мы постоянно это повторяем, но это не помогает.

Монахиня:

— Владыка, Вы нас постригли и донесёте души наши до престола Господня.

Владыка:

— Это страшная ответственность. Страшная ответственность... Какая нужна пастырская мудрость и опытность! Страшная ответственность...

Монахиня:

— Владыка, мы Вас покроем любовью.

Владыка:

— Этого недостаточно. Неразрешимый вопрос. Неразрешимый вопрос...

Эта беседа продолжалась около часу... Владыка задремал и был спокоен до 12 часов 30 минут ночи. Потом начал сильно стонать, чувствовалось, что он томится, но не телом, а духом, при этом глаза у него были закрыты. Дежурившая монахиня начала громко читать молитвы, и к двум часам больной затих и как будто заснул.

В 3 часа 15 минут владыке сделали впрыскивание камфары. Лицо владыки как-то сразу резко осунулось, и на него легли смертные тени.

Когда в 3 часа 45 минут к больному вошла А. Е.¹, то она была поражена сосредоточенностью и суровостью выражения его лица, хотя физического страдания оно не отражало. В течение часа суровое и строгое выражение постепенно смягчалось, и лицо владыки снова стало светлым и благостным.

Воскресенье, 4 августа, в 5 часов 15 минут.

А. Е. пошла за архиепископом Владимиром². Владыка Владимир скоро пришёл и начал молиться подле владыки. В 6 часов 30 минут утра пришёл о. Александр Чекан со Святыми Дарами, и владыка приобщился Святых Таин. До 8 часов 30 минут архиепископ Владимир неотступно пребывал в молитве у ложа владыки (читал отходную).

---

¹ Сестра милосердия Александра Евгеньевна (фамилию не удалось установить).

² Митрополит Владимир, в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий (1873–1959), сын священномученика Михаила Тихоницкого. Окончил Вятскую Духовную семинарию и Казанскую Духовную академию. С 1898 г. иеромонах. В 1901 г. был назначен начальником Киргизской Духовной Миссии, архимандрит. С 1907 г. епископ Белостоцкий. В 1924 г. выслан из Польши в Прагу за непризнание автокефалии Польской Православной Церкви. Принят в клир епархии митр. Евлогия (Георгиевского) в качестве викария на юге Франции. После смерти митр. Евлогия всеобщим епархиальным собранием Экзархата Западно-Европейских русских приходов Константинопольского Патриархата избран правящим архиепископом (1946). Митрополит (1947). Похоронен в крипте Успенской церкви в Сент-Женевьев-де-Буа.

Понедельник, 5 августа 1946 г., в 6 часов утра.

Владыка проснулся радостный и улыбающийся и широким крестом благословил дежурившую при нём сестру. Потом, не переставая улыбаться, стал громко охатъ. Это услышала А. Е., вошла к владыке и спросила его:

— Что, владыка, доска?

(Так говорил прежде владыка, когда ему бывало трудно дышать.)

Владыка:

— Да, доска. Пусть Господь Сам её снимет.

Потом владыка стал благословлять перед собою, высоко поднимая руку (а накануне он не мог сам перекреститься), и говорить:

— Благословение Божие пусть процветёт на этом месте, святое место пусть будет...

Монахиня высказала предположение, что владыка говорит о новой их обители. Тогда А. Е. спросила:

— Владыка, о каком месте Вы говорите?

И владыка определённо ответил, указывая перед собой:

— Это место свято будет. Пусть будет святое место на этом месте, святое место горы.

Так повторял владыка много раз отчётливым и громким голосом, потом сказал:

— Дайте мне святой воды!

Затем владыка сам начал креститься, говоря:

— Господи, слава Тебе! Пусть они сольются вместе в одном крещении, соединятся вместе в крещении, объединятся вместе. Господь Сам соединит то, что было объединено, а я помолюсь, чтобы объединение было соединено. Не разделим единения Отца и Сына и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков — аминь. Я помолюсь, чтобы было соединено во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Голос владыки звучал вдохновенно, глаза сияли. Потом попросил ещё святой воды и сказал уже усталым голосом:

— Я повернусь набок.

Потом сразу заснул.

Вторник, 6 августа, в 10 часов вечера.

Была м. Евдокия.

В 11 часов вечера.

Владыка проснулся, и мы долго вместе молились, я читала и пела ему в ухо молитвы, а он повторял некоторые из них.

В 12 часов 30 минут я сказала владыке, что наступает день 25 числа, память святой мученицы Бландины и день Ангела м. Бландины, просила о ней помолиться и благословить её. Спросила:

— Владыка, можно написать м. Бландине, что Вы ей шлёте своё благословение?

Владыка сказал:

— Можно.

К двум часам ночи дыхание владыки стало очень прерывистым, он сильно стонал и всё время взмахивал руками, как будто улететь хотел. Я разбудила А. Е., и мы вместе пробыли с владыкой до четырёх часов. Тогда владыка сказал:

— Спеть!

Я стала петь ему в ухо молитвы, лицо его светлело, он улыбался и несколько раз с помощью А. Е. перекрестился. В этот раз я впервые между другими молитвами спела ему «Ныне отпущаеши». Владыка повторял отдельные слова некоторых молитв и особенно реагировал на запев к акафисту Покрова Пресвятой Богородицы: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором».

— Покрый Твоим омофором, — повторил владыка несколько раз, и это были последние его слова на земле (в 4 часа утра 7 августа).

Среда, 7 августа.

Владыка спал, потом открыл глаза и продолжал лежать с открытыми глазами, не шевелясь, не меняя выражения лица и не издавая никаких звуков. Меня это удивило и встревожило, так как обычно владыка, просыпаясь, стонал или охал, а когда я наклонялась к нему, улыбался, как бы сообщая мне о том, что он больше не спит.

В 7 часов утра пришла А. Е., и мы поставили владыке градусник. Поведение его объяснилось — температура была 40,2°.

В 9 часов был доктор. В 9 часов 30 минут владыка приобщился Святых Таин (в последний раз!) в присутствии архиепископа Владимира, епископа Никона, о. Александра Чекана и о. Олега Болдырева.

После причастия, как и каждый день, отслужили краткий молебен. Владыка, несмотря на высокую температуру и большую слабость, был в полном сознании. Весь день к нему приходили люди прощаться с ним, он всех узнавал и улыбался.

Днём в 4 часа 30 минут температура 40,7°.

В 9 часов 30 минут вечера давала владыке пить. Он узнал меня и улыбнулся (в последний раз!).

В 10 часов о. Мефодий читал при владыке канон с акафистом Иисусу Сладчайшему. Владыка был в забытии.

В 12 часов ночи давала владыке пить (в последний раз!), с большим трудом проглотил две ложечки воды.

От 11 часов 30 минут до 2 часов 30 минут ночи о. Олег был при владыке и молился.

Четверг, 8 августа.

В 4 часа 30 минут мы вызвали о. Александра Чекана, и он прочитал владыке отходную. В 5 часов 15 минут пришёл архиепископ Владимир и молился у ложа владыки до 6 часов 30 минут.

В 9 часов утра температура 41,6°. Был доктор. В 10 часов владыка приоткрыл глаза. В 10 часов 45 минут приехал о. Мефодий, читал канон Ангелу Хранителю и служил акафист Воскресению Христову и молебн. Было много молящихся.

С этого времени до самой кончины владыки подле него непрерывно читали каноны, акафисты и отходную: архиепископ Владимир, о. Александр Чекан, архимандрит Савва, епископ Никон, о. Олег Болдырев, сестра Вириная, о. Павел Голышев.

В 2 часа 30 минут приехал о. Авраамий и читал канон Успению Божией Матери и Пасхальный.

В момент кончины владыки в 4 часа 55 минут 8 августа 1946 года при нём находились: архиепископ Владимир, о. Александр Чекан, о. Павел Голышев, сестра милосердия Александра Евгеньевна, Муза Дмитриевна, с. Ксения, с. Вириная, Анастасия Гирс¹ и монахиня Феодосия.

Последние минуты владыки.

О. Павел Голышев, стоя перед аналоем, читал акафист Иисусу Сладчайшему. Архиепископ Владимир молился у самого изголовья владыки с правой стороны, а остальные, стоя на коленях, окружали ложе владыки, напряжённо следя за его дыханием, которое становилось всё слабее и реже. Владыка вздохнул

---

¹ Будущая монахиня Агния, в миру Анастасия Николаевна Гирс (1910—1999), родилась в Брюсселе, пострижена в рясофор в 1946 г., в мантию — в 1952 г. архиепископом Владимиром (Тихоницким). Подвизалась при кафедральном Александро-Невском соборе в Париже. Вместе со своей сестрой монахиней Екатериной написала книгу «Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник». Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

в последний раз, лёгкая гримаса страдания на мгновение исказило его лицо, из глаз выкатились две слезы... Все замерли... Архиепископ Владимир продолжал читать отходную. Внезапно правая рука владыки зашевелилась, пальцы сложились крестом, и владыка немного приподнял руку, как бы благословляя всех в последний раз.

Потрясенная этим, монахиня Ф. шепнула:

— Смотрите на руку.

А. Е. сказала:

— Он благословляет.

Рука владыки опустилась, он скончался.

Архиепископ Владимир прочёл молитву на исход души и отслужил литию.

В Бюсси о смерти митрополита Евлогия узнали на следующий день, 9 августа.

С. Екатерина в монастырском дневнике написала:

Пятница, 9 августа. Святой великомученик и целитель Пантелеимон.

Ранняя литургия в 7 часов. Заупокойная по матери с. Екатерины. Причащались м. Глафира, с. Екатерина... В последний раз молились о здравии первосвященника. В 9 часов получили телеграмму: вчера он скончался. Ангел смерти пришёл и поставил конечную точку этой большой жизни. Тоскливо переживается «расстояние». Служил первую панихиду о. Митрофан и в проповеди сказал нам, что теперь, когда владыка закрыл свои очи на земле, «имя его должно вспоминаться нами, как солнце».

Вечером пели обычную вечерню и повечерье.

Суббота, 10 августа.

Утренняя. После неё краткая лития о упокоении владыки. Звонили в Париж м. Феодосии. Узнали, что отпевание владыки в понедельник. М. Евдокия сейчас в Муазене и поедет в Париж оттуда. Владыка заснул в 5 часов в четверг почти без страданий.

В 5 часов 30 минут служил всенощную о. Митрофан.

Воскресенье, 11 августа.

Литургия в 9 часов. Память святой мученицы Серафимы — день Ангела матери почившего первосвященника. Служили за упокой его и её. Причащались: м. Бландина, Елизавета Александровна Бернацкая и с. Екатерина. После была панихида.

В 2 часа о. Митрофан, м. Бландина и с. Екатерина уехали в Париж на отпевание владыки.

**СЛОВО,
произнесённое протоиереем В. Зеньковским¹
при погребении
высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия²**

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

У гроба почившего нашего владыки стоим мы все с тяжёлым сердцем и мучительным чувством сиротливости... Столь многие из нас воистину осиротели со смертью владыки! Этот гроб, сокрывший останки его, отделил владыку от нас — и нам никогда уже не увидеть больше ни его доброго лица, ни ласковой улыбки, с какой он встречал всех. Чувство тяжкой печали от разлуки с истинным отцом и архипастырем нашим ещё сильнее для тех, кто из нас ближе его знал и глубже любил. Да и кто не любил покойного владыку? Любили его все, кто только приближался к нему. Тайна этой всеобщей любви была в том, что сам владыка любил всех: ему был щедро дан свыше дар любви — и оттого он всех вмещал в своё сердце. Нам бывает тесно друг с другом, а в его сердце было место для всех, и здесь была некая тайна его духа, оставшаяся неразгаданной...

---

¹ Протопресвитер Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962), философ, богослов, психолог. Окончил Киевский университет. Преподаватель философии на Высших женских курсах, профессор Киевского университета по кафедре психологии. Министр исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского. В 1920 г. эмигрировал из Одессы в Белград. Профессор Белградского университета по кафедре философии. Член белградского кружка преп. Серафима Саровского, участник 1 съезда РСХД в Пшерове, на котором был избран пожизненным председателем движения. В 1926 г. профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже по кафедре философии, истории русской философии, психологии и апологетики. В начале Второй мировой войны арестован французскими властями, и 40 дней провёл в тюрьме в одиночной камере, потом был отправлен в лагерь Вернэ, где провёл 14 месяцев. После освобождения был рукоположен в дьякона и священника (1942). Декан Свято-Сергиевского Богословского института (1944–1948, 1949–1962), протоиерей (1946), доктор церковных наук за монографию «История русской философии» (1948), протопресвитер (1955), член редколлегии «Вестника РСХД». Погребён на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

² Церковный вестник Западноевропейской епархии. № 1. Париж, 1946. С 2.

Широта его сердца, свет любви, распространившийся во все стороны от владыки, оставались порою непонятыми и могли даже казаться исходящими от некоей «безличной благости». На самом же деле это было не так: наш владыка очень глубоко и чутко ощущал личность каждого и к каждому обращался так, как этому человеку было нужно. Оттого все и являлись к нему, ибо всем было просторно и светло в его душе, — и вокруг него цвела жизнь. Каких только дел не рождалось вокруг нашего владыки! И всем было легко искать у владыки благословения и помощи — вокруг него собирались люди духовной силы и таланта. Как жезл Ааронов расцвёл в своё время, чтобы явить этим избрание Божие, так святительский жезл покойного владыки сообщал живительную творческую силу всему, что имело в себе начало правды и творчества, свидетельствуя этим о благословении Божиим, почившем на владыке. Эта поразительная сила духа и любви, это действие его благословляющего сочувствия давали жизнь всему и всем... И ныне, когда его не стало, мы действительно осиротели, ибо лишились своего руководителя, дорогого и нужного всем.

Из всех дел, в изобилии расцветавших возле владыки, должно особо выделить то, с которым навсегда связано его имя — Богословский институт. Наш незабвенный владыка любил богословие, любил нашу школу, от всей души радовался её успехам, радовался каждому новому богословскому труду. Но он не только любил богословие, он понимал всю необходимость академической свободы, свободы богословских изысканий. Не всегда церковные люди понимают это, нередко относятся недоверчиво и подозрительно к богословскому творчеству. Но владыка митрополит, с присущей его духу широтой и внутренней свободой, твёрдо стоял за свободную — в пределах священного предания — богословскую мысль. Наш институт не раз за эти годы бывал в осаде, но под высоким и авторитетным покровительством владыки мы благополучно проходили мимо грозивших нам опасностей. Владыка всегда горячо и даже пламенно защищал институт во всём православном мире и даже больше — во всём христианском мире. Богословский институт стал самым значительным творческим явлением в эмиграции, её красой и, конечно, красой и всей русской Церкви.

И ныне, когда мы так горестно и болезненно переживаем уход от нас владыки, мы не можем в то же время не чувствовать глубокой благодарности Богу за то, что нам было дано иметь владыку Евлогия в течение 25 лет нашего эмигрантского

существования. Мы сохраним в нашем сердце светлую память о нём, сохраним его завет любить богословие и оберегать его свободу. С искренней любовью будем молиться о незабвенном нашем отце и архипастыре. Вечная ему память!

Преемником митрополита Евлогия в сане первосвященника стал архиепископ Владимир (Тихоницкий). Это был дивный молитвенник, кроткий и смиренный. «Ангел странствующей Церкви нашей, Богом данный нам владыка-эксарх», — писал о нём А. В. Карташёв¹. Владыка Владимир впервые посетил Покровскую обитель 13 ноября 1946 года. Он приехал поздравить м. Евдокию с днём её пострига.

С. Екатерина сделала в дневнике следующую запись:

Среда, 13 ноября.

Утренняя обычная. Уборка всего дома. В 4 часа приехали на такси владыка, м. Евдокия, м. Глафира и Настя². Встречали с пением тропаря. В 6 часов вечерня и утренняя.

Четверг, 14 ноября.

Служил владыка с о. Митрофаном. Причащались м. Евдокия (19 лет её пострига), с. Екатерина и Настя. Владыка благословил обитель иконой Знамения Божией Матери. В течение дня гулял в лесу с о. Митрофаном, обсуждал Устав обители с м. Евдокией, беседовал с сёстрами. В 6 часов вечерня и по-вечерье.

Рассказ Людмилы Николаевны Ленци.

В тридцать восьмом году о. Евфимий, м. Дорофея и м. Феодосия оставили Воскресенскую обитель в Розе-ан-Бри и пере-

---

¹ Антон Владимирович Карташёв (1875—1960) — историк русской Церкви, церковный и общественный деятель, последний обер-прокурор Священного Синода, министр исповеданий Временного правительства. В качестве последнего обер-прокурора подготовил самоликвидацию института обер-прокуратуры и передачу полноты церковной власти Поместному собору русской православной Церкви (1917—1918). Окончил в С.-Петербурге духовную академию. Преподавал историю русской Церкви. Во время октябрьской революции был арестован. В эмиграции с 1919 г. Активный участник РСХД. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

² Анастасия Гирс, сестра с. Екатерины, будущая монахиня Агния.

ехали в селение Муазене. К ним присоединились м. Евдокия и м. Бландина, вместе они основали там скит. Муазене располагается не очень далеко от селения, в котором мы живём, и наша семья любила ездить на службы в церковь Казанской иконы Божией Матери.

Сёстры Куртэн были высокие и представительные, они были и похожи друг на друга и одновременно совсем разные. М. Дорофея петь не особенно любила, а м. Евдокия пела на клиросе весьма уверенно, хотя голос у неё был не из красивых. М. Дорофея была строгой и по характеру, как генерал. Потом она возглавила монашескую общину в Муазене и брала на содержание старушек, не имевших никаких денежных средств и иногда уже совсем лишившихся головы, а это тяжёлая работа. Во всём у неё соблюдался исключительный порядок. М. Евдокия была несравнимо мягче по характеру и походила скорее на учительницу. В конце концов она оставила Муазене м. Дорофее, которой, наверно, трудно было признавать авторитет старшей сестры. Вместе с некоторыми другими монашенками м. Евдокия вернулась к м. Мелании. Позднее они переехали в Бюсси.

А в Муазене архимандрит Евфимий построил церковь¹. Старенький, он сам собирал в полях камни для строительства и замешивал их в бетоне. Немного странная, церковь напоминает корабль. Но я думаю, что о. Евфимий к этому и стремился, ведь в миру он был инженер-кораблестроитель. В здании с одной стороны потолка есть окошечко, куда заглядывает восходящее солнце, а с другой стороны — заходящее. Благодаря великолепной акустике петь в Муазене легко и приятно. Хор в Казанской церкви звучал очень хорошо.

Святого молитвенника владыку митрополита Владимира, в пятидесятых годах многожды в Розе приезжавшего, мы не раз принимали у себя. Мои родители его глубоко почитали и любили. Он служил им наивысочайшим примером в их жизни. Был такой случай. Мы с моим мужем пели на клиросе в Воскресенской церкви. Владыка находился, конечно, в алтаре, и мы с клироса видели его в полный рост, прихожане его в этот момент в полный рост видеть не могли. Владыка, воздев руки к Цели

¹ В «Дневниках» протопресвитера о. Александра Шмемана, изданных в 2005 г., есть запись от 27 сентября 1973 г. о посещении скита в Муазене: «В Moisenaу... поразителен храм, построенный почти собственноручно о. Евфимием, — первое чувство: вот тут бы служить! Действительно, храм-эпифания».

своей молитвы, весь устремлённый ввысь, внезапно стал подниматься в воздух. Я видела это собственными глазами, но какая-то робость напала на меня, и я никогда никому об этом не говорила! И только через тридцать лет я вдруг рассказала об этом мужу, а он мне признался, что и он на этой же литургии наблюдал то же самое. Мы видели, но это настолько невероятно, что мы не смели верить своим глазам! И видели, и не до конца верим¹.

Мои родители умерли: отец — в 1989 году, а мама — в 1993 году. Муж мой, Владимир Владимирович, — архитектор, а я всю жизнь преподавала игру на фортепьяно в консерватории, и, выйдя на пенсию, мы приехали в дом моих родителей в Берне заканчивать свои дни. Когда в молодые годы мы с Владимиром Владимировичем познакомились, я не особенно понравилась его маме. Она называла меня «эта краснощёкая Люля». А я была краснощёкая в их присутствии, потому что меня заливало краской до корней волос, как только я Вову видела. Он был единственный сын, и его мама надеялась, что он найдёт себе кого-нибудь пошикарнее, чем «эта краснощёкая Люля». Но вот, скоро будет шестьдесят лет со дня нашей свадьбы. Я надеюсь, что Господь благословит нас дожить до этой даты. Скажу вам правду: я начинаю уже понемножку к ней готовиться. У нас пятеро детей, четырнадцать внуков и шесть правнуков. И, конечно, все они приедут нас поздравлять. Я говорю своим внукам: надо дорожить семьёй, вот, берите с нас пример: мы шестьдесят лет живём с бабушкой вместе. Они мне отвечают: «Вы женились в другое время. Сейчас все представления изменились». А я утверждаю: нет, время здесь совершенно не при чём. Когда мы соединяли свои судьбы в одну, мы решили: чтобы ни случилось, будем хранить друг другу верность и никогда не расстанемся. А в жизни всякое бывало, и подчас приходилось делать усилие, чтобы держать слово. Вот почему я повторяю: время здесь не при чём, просто такова была наша воля. Надо знать, чего хочешь, и нести ответственность за свой выбор.

В январе 1947 года на праздник Рождества Христова сёстры в Бюсси устроили ёлку для маленьких жителей деревни. Из записок с. Екатерины:

---

¹ Автор этой книги слышала подобные свидетельства о митрополите Владимире ещё от двух лиц.

*Митрополит Владимир (Тихоницкий) и епископ Кассиан
(Безобразов)*

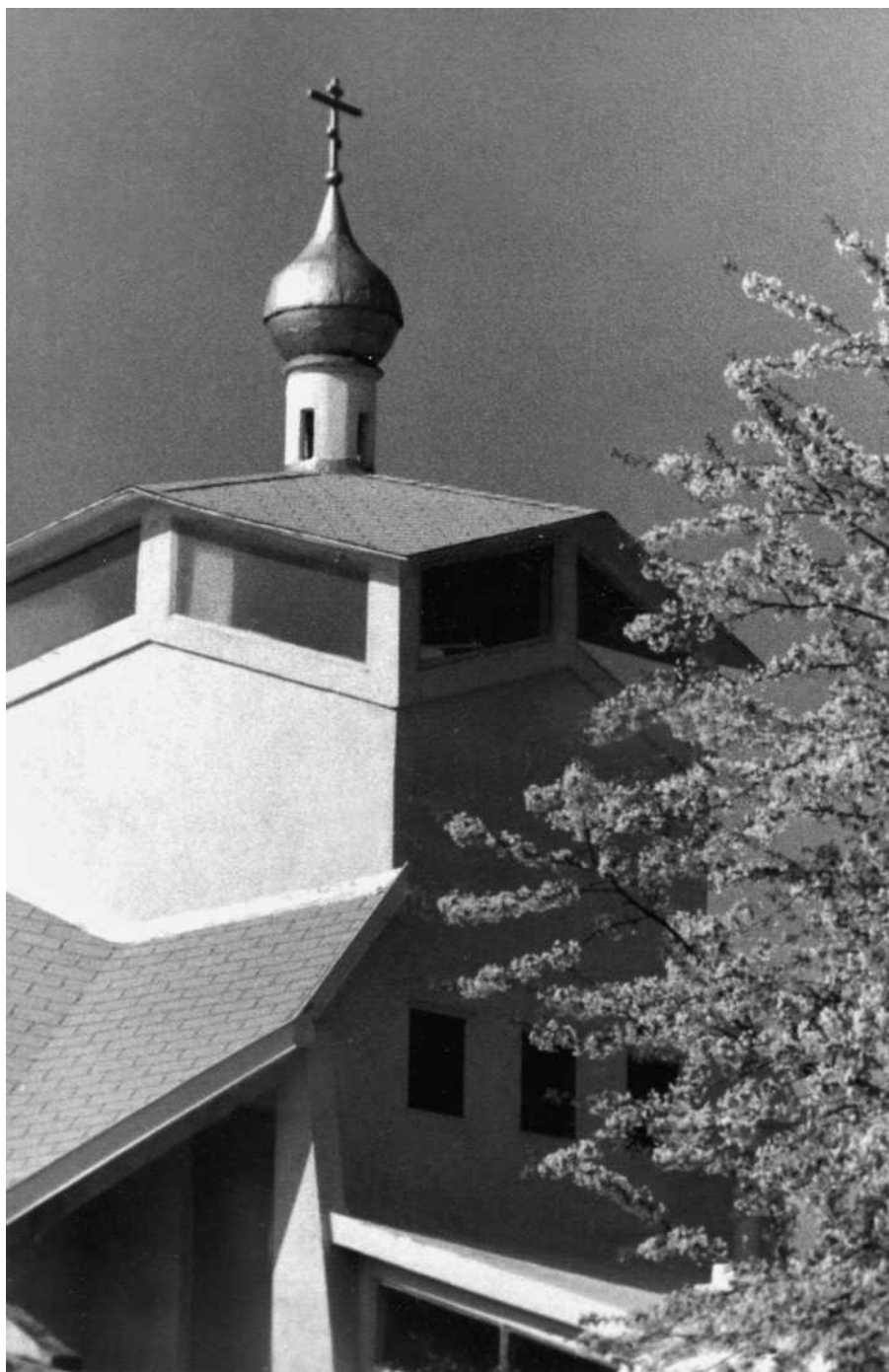

*1947 г. Бюсси-ан-От. Среди гостей стоят слева направо:
м. Евдокия, о. Евфимий, м. Феодосия, м. Бландина;
сидят: с. Екатерина, м. Дорофея, о. Митрофан*

Левое крыло дома в Бюсси-ан-От

Церковь Казанской иконы Божией Матери, построенная в Муазене архимандритом Евфимием (Вендтом)

Церковь Казанской иконы Божией Матери

*Церковь Казанской иконы Божией Матери в Муазене,
расписанная иноком Григорием (Кругом)*

Вторник, 7. Рождество Христово.

В 4 часа утра все очень бодрые были в церкви. Отслужили великое повечерье, утреню и сразу после — литургию. Кончили в начале восьмого утра. Пили кофе и отдыхали... В 5 часов вечера отслужили вечерню и утреню. В 7 часов на ёлку пришли 15 местных детей: французы и словенцы. Пели песенки, читали стихи, вокруг ёлки плясали и получили по подарку... Дети ушли, а мы навестили Всеволода Александровича и ему спели разные рождественские церковные песнопения и колядки. Потом, усталые и довольные, все отправились спать.

С тех пор ёлка стала традицией, и много лет подряд сёстры приглашали деревенских ребятишек праздновать Рождество Христово. Детки уже знали, что монастырское Рождество не совпадает с католическим и ждали его с нетерпением. То и дело забегали они в обитель, чтобы справиться, когда же, наконец, будет праздник: «Скажите, матушка, скоро будет у вас Рождество?» — вежливо спрашивали маленькие посетители м. Евдокию. В первые годы приготовить детям подарки было для сестёр при скудости средств непростой задачей. Но они не унывали, иногда обращались за помощью к благотворителям, но в большинстве случаев собственными руками создавали маленькие приятные пустяки. Ёлка в обители Пресвятой Богородицы стояла, окутанная атмосферой любви, и до сих пор бывшие маленькие гости — а сейчас старые жители деревни — хранят это в памяти. Например, мэр Бюсси, господин Бернар Ративо, любит вспоминать, как мальчиком он посещал монастырскую ёлку и как некоторых малышей сёстры усаживали на невысокий буфет, чтобы им лучше было видно¹.

Прошло восемь месяцев со дня приезда сестёр в Бюсси-ан-От. В марте 1947 года м. Евдокия докладывала архиепископу Владимиру:

---

¹ Уже взрослым женатым человеком господин Ративо испытал на себе силу молитв сестёр Покровской обители. Опасно заболел его маленький сын. Отчаявшись в медицинской помощи, отец обратился к м. Евдокии, прося молитв о дорогой его сердцу жизни. Сёстры горячо молились о тяжкоболящем мальчике, и он выздоровел.

Обитель Покрова Пресвятой Богородицы
7 марта 1947 года

Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему
архиепископу Владимиру
Париж

Ваше Высокопреосвященство!

Согласно Вашей просьбе прилагаю при сём краткие сведения о нашей обители за первые восемь месяцев её существования, о предполагаемой нами постройке церкви и келий, о состоянии нашего хозяйства, наших доходов и расходов.

Испрашивая Вашего архипастырского благословения
Вашего Высокопреосвященства недостойная послушница
монахиня Евдокия

Сведения о состоянии Покровской обители
в имени профессора Ельяшевича.

Обитель во имя Покрова Пресвятой Богородицы была устроена с благословения митрополита Евлогия в имени профессора Ельяшевича 1 июля 1946 года.

В настоящее время там имеется пять сестёр. Духовник обители — сербский иеромонах о. Митрофан (Крессович).

Церковь находится временно в одной из комнат дома. Богослужения совершаются дважды в день.

Для устройства постоянной церкви есть удобное помещение во дворе, где надо перестроить один из больших сафеев. Нижнее помещение предназначается для церкви. А над ней шесть келий для монахинь. Нашлись благодетели, которые пожертвовали деньги для этой цели. На днях был подписан контракт на производство работ по перестройке сафая на сумму в 150 000 франков¹. Работы будут происходить предположительно в зависимости от погоды от 10 по 28 марта. Участвуют шесть рабочих, которые во всё время работы будут жить в гостинице в деревне, а питаться в монастыре.

В имени есть фруктовый сад и земля для огорода (вся площадь вместе с постройками — около 1 гектара). Для того, чтобы обработать землю и получить овощи с огорода нужно много труда, так как имение запущено. Своими силами нам было бы трудно и даже невозможно справиться с такой задачей, но Господь

---

¹ Приблизительно соответствует 12 000 современных евро.

послал нам в помощь брата Георгия Куржаковского (сербский послушник, выписанный нашим священником из немецкого лагеря), который усердно трудится и берёт на себя всю тяжёлую работу. Поэтому мы надеемся привести сад и огород в порядок и, если Бог благословит, собрать урожай, что даст возможность в будущем году значительно сократить наши расходы.

Нам представился случай купить на распродаже два участка земли на пожертвованные деньги (17 000 франков). Эти земли приобретены нами на имя профессора Ельяшевича для того, чтобы присоединить их к основному имуществу, которое впоследствии будет принадлежать общине. Один участок — в 15 аров с тремя яблонями: на нём мы предполагаем посадить картофель, чтобы иметь запас на год. Другой участок в 43 ара представляет собой сенокос: нам это важно, так как мы хотели бы при первой возможности купить корову.

Другим источником существования для обители может служить приём детей на поправку, так как местность, где расположена обитель, очень здоровая. Сейчас же за деревней начинается громадный лес, кругом холмы. В настоящий момент у нас только двое детей... Мы хотели бы принимать девочек в возрасте от 7 до 14 лет.

До сих пор нам не удалось достать нового котла центрального отопления взамен прогоревшего, который здесь был. Из-за этого обстоятельства пришлось во всех больших комнатах поставить печки и истратить громадное количество дров.

Как и предвиделось, строительство церкви и келий началось 10 марта 1947 года. День этот совпал с годовщиной смерти дочери Ельяшевича Ирины.¹ Большое содействие в работе и денежную помощь оказали благодетели монастыря Игорь Иванович Значковский², его супруга Тамара Николаевна и сын Владимир

---

¹ И. В. Цитович, урождённая Ельяшевич, умерла в 27 лет от родов.

² Игорь Иванович Значковский, в будущем протоиерей (1896—1980) окончил Киевский кадетский корпус и Елисаветградское военное училище. Участник Первой мировой войны и гражданской войны в рядах Добровольческой армии. Полковник. Эмигрировал в Галлиполи (1920), затем в Болгарию и Францию, где работал инженером на заводах. В начале Второй мировой войны поступил добровольцем во французскую армию, взят в плен немцами, бежал из плена. После войны вместе с семьёй уехал в Аргентину. Вернулся во Францию в 1959 г. Был рукоположен в дьякона (1964) и священника (1965). Настоятель церкви святителя Николая-Чудотворца в Бари. Похоронен на кладбище в Бюсси-ан-От.

Игоревич, а также их родственники Лимантовы, владельцы фабрики. С. Екатерина записала в монастырском дневнике:

10 марта.

День смерти дочери Ельяшевича. Служили полунощницу, утреню и заупокойную литию. В 10 часов приехал камион с В. И. Значковским и рабочими и началась работа по постройке церкви и келий. В сарае, где будет церковь, отслужили молебен. Двое рабочих — русские... Появились в саду первые подснежники. Боже, красота сельная начинается в природе Твоей! Украси и души наши, освежи и оснежи!..

11 марта.

В 6 часов — полунощница и утреня. Буря и ветер. О. Митрофан заболел печенью и лежит. Работы продолжают. Пробили одно окно. Рабочие работают быстро, тихо и чисто. Великое повечерье и утреня.

На Пасху праздничную заутреню начали в 12 часов ночи. По дороге в церковь м. Бландина заглянула в сарайчик, где жили козы, и обнаружила, что там произошло большое событие: две козы родили пятерых козлят. Обе матери кормили каждая по два козлёнка, а один, маленький и слабый, лежал в углу и дрожал. Если случается козе родить больше двух детёнышей, то она двоих принимает, а остальных (обычно одного) бросает, так как у неё два соска и она больше двух прокормить не в состоянии. К счастью, это случается редко. Что было делать? М. Бландина подняла несчастного младенца и понесла на кухню. Сделала ему соску с молоком. Голодный, он схватил её и, захлёбываясь, стал сосать. Накормив малыша, монахиня немножко согрела духовку в плите и, погасив огонь, сунула в неё завёрнутого в старую тёплую кофту козлёнка. Оставила духовку приоткрытой, чтобы там был воздух. Написала записку: «Осторожно! В духовке живой козлёнок!»

Литургию закончили в 4 часа утра. Сразу же м. Бландина отправилась выяснять, как поживает её питомец. Согревшийся козлёнок мирно спал. Она вытащила его и положила на пол. Он проснулся и попробовал встать. Ножки ещё расползались.

А со следующего дня он уже бегал за своей мамой-монахиней, не отставая от неё ни на шаг, как собачка.

В мае месяце в Париже была спешно госпитализирована м. Феодосия. У неё нашли опухоль в брюшине, требовавшую

срочной операции. День операции был назначен, но потом в связи с отсутствием хирурга его перенесли.

— Какое счастье! — с облегчением вздохнула монахиня. — Наконец-то выплусь.

Страдавшая от хронического недосыпания, она в больничной палате, повернувшись лицом к стене, проспала двое суток к ужасу медицинского персонала. В душе м. Феодосия надеялась умереть и уйти ко Господу, но сёстры Покровской обители считали, что она и на земле ещё очень пригодится и служили молебны о её здравии. Операция прошла благополучно, очнувшись после наркоза, м. Феодосия просила передать, что всех очень любит.

18 июня 1947 года умерла Мария Георгиевна Куртэн. Не сразу смирившись с тем, что обе её дочери пошли по стези монашества, она в некотором смысле почти последовала их примеру. Нет, монашеского пострига она не приняла, но несколько лет прожила в скиту в Муазене благочестивой жизнью. Друзья и благодетели Казанского скита основали благотворительное общество «Скит» и, как могли, помогали сёстрам решать некоторые материальные проблемы. Мария Куртэн-мать состояла членом общества «Скит» с самого его основания. Скончалась она в больнице близлежащего города Мелена. Похоронили её в Муазене-ле-Гран на местном кладбище.

Устав Покровской обители, в основе которого лежал Устав, предложенный митрополитом Евлогием, обсуждавшийся многократно с владыкой Владимиром, был в конце концов составлен м. Евдокией совместно с архимандритом Кассианом (Безобразовым)¹. 22 июня м. Евдокия собрала сестёр и сообщила им

¹ Епископ Кассиан, в миру Сергей Сергеевич (Безобразов) (1892—1965). Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1914), где остался преподавать историю Церкви. Преподавал историю Церкви и религии на Высших (Бестужевских) женских курсах. В 1922 г. был выслан за границу. Преподавал в Русско-сербской школе в Белграде (1923—1924). Член Белградского кружка им. преп. Серафима Саровского и Братства святой Софии. Член РСХД. С 1925 г. в Париже. Доцент Свято-Сергиевского Богословского института по кафедре Священного Писания Нового Завета, преподаватель греческого языка. Пострижен в монашество на Афоне в русском Пантелеимоновом монастыре, иеродьякон, иеромонах (1932). Архимандрит (1937). В 1947 г. вернулся в Париж, снова доцент Свято-Сергиевского Богословского института. Епископ Катанский, викарий митр. Владимира (1947), профессор. Ректор Свято-Сергиевского Богословского института (1947—1965). Похоронен в крипте церкви Успения Пресвятой Богородицы в Сент-Женевьев-де-Буа.

Мария Георгиевна Куртэн в Муазене в последние годы жизни

о своём желании устроить монашескую общину на прочных основаниях и о введении Устава в жизнь. По этому поводу отслужили молебен.

Может быть, лучше всего о первых годах существования Покровской обители повествуют живые и непосредственные письма¹ монахини Евдокии к родной сестре в Муазене-ле-Гран.

21.VIII.1947

+

Дорогая моя Дорофеюшка!

Опять ты впала в молчание... Что у вас делается? Как вы живёте в такой засухе? Я совсем пропадаю от жары, едва вполочу ноги после обеда до вечера и обливаюсь потом... О. Митрофан получил письмо от брата, тот нанял адвоката, чтобы хлопотать о его выезде в Америку... Ему, может быть, всё-таки придётся ехать — о, ужас!

У нас настоящий лазарет: м. Глафира слегла, с. Екатерина тоже. Плоховат о. Митрофан. Очень похудел, очень плохой вид. Болит нога — у него ишиас на почве менингита, которым он болел, — представь себе! Нога худеет и, как сказал сербский доктор, которого он случайно видел в Montbard'e, куда ездил служить, может совсем высохнуть. Делает теперь ванны в ведре, и м. Феодосия ему что-то впрыскивает. У него умер в Сербии брат двоюродный, которого он очень любил, сестра и мать больны и пишут очень странно: видно, что советская власть идёт на полный ход и опасно переписываться...

У нас старушка Скальская 80-ти лет — француженка, родившаяся в России и принявшая православие. Очень похожа на маму: любит гулять, чистенькая, нарядная. Ходит всегда в церковь и кладёт такие же, как мы, земные поклоны...

Как твой серб? У нас двое уже уехали, остался один. Как они, бедные, живут на Подворье на 2000 в месяц — прямо ужасно. Видишь ли ты маму во сне? Я — ни разу до сих пор. Как могилка? Я тебе задаю вопросы, но боюсь, что ответа не получу.

Пиши всё-таки, не размахивайся на очень длинное письмо, а то вовек не напишешь.

---

¹ М. Евдокия вела обширную переписку, но, к сожалению, только небольшая часть её писем вернулась в Покровский монастырь. Мы будем благодарны всем, кто поможет нам в поисках эпистолярного наследия нашей основательницы.

Кланяйся о. Евфимию, о. Владимиру¹, Тане, Тамаре Викт. и всем, всем, всем.

Целую крепко,

м. Евдокия

Воскр. 23. XI. 1947

+

Дорогая м. Дорофеюшка!

Спасибо за письмо... У нас сестра Иоанна² проездом из Чехии в Англию пишет иконы, но испугалась забастовки поездов и хочет уехать автокаром раньше времени. М. Феодосия на неделю в Париже — как-то вернётся... А с. Екатерина ждёт операции в следующий понедельник, и мы думаем, не отложить ли это, а то живот распорют, а электричество, вода, газ и ещё что-нибудь остановится — как тогда? Заменяю сейчас м. Феодосию возле детей. Она их хорошо выдрессировала, стало легче с ними. А какой блестящий порядок в их комнате! Хоть на выставку.

Толик³ огорчён, что Вера Ник.⁴ уехала на 2 месяца в Англию. Его кормит м. Бландина, он капризничает, хочет вкусенького. По вечерам сидит в кухне и ждёт о. Митрофана, чтобы тот поиграл с ним, не уходит спать и вопросительно смотрит...

На клифосе мы вдвоём с м. Бландиной. Более или менее поём на два голоса: она вторым, я первым. О. Митрофан говорит, что это крестьянское пение и что оно ему не мешает... Комплимент относительный! Говорит, что привык. Его раздражает, когда портят те, которые хорошо умеют петь, а с нас многого не спросишь. К тебе он думает (яко буде!) через 2 недели. К 10 декабря он собирается в Париж. Ему очень хочется взять у тебя двух кур и петуха. Он просит беречь его корзинку, не испортить.

Ещё здесь у нас Влад. Андр. Оболенский.⁵

Вы счастливые, что у вас есть *Vonlieu*, здесь мы никого не можем найти, чтобы вспахать поле. Самый расположенный к

---

¹ Дьякон Владимир Уваров (1881—1958), граф, проживал в старческом доме Казанского скита в Муазене-ле-Гран на покое и служил в церкви Казанской иконы Божией Матери.

² Сестра Иоанна (Рейтлингер).

³ Собачка.

⁴ Вера Николаевна Галл — верный друг Покровской обители.

⁵ Отец м. Бландины провёл в Бюсси конец осени и зиму.

нам фермер так благочестив, что не позволяет своим рабочим работать в воскресенье!¹

Коровы не покупаем, Ел. Ив. денег не достала, да и поздно. С козами тоже беда! Из пяти только две вышли замуж, остальные не хотят — не знаю почему.

Что слышно про дом?

...Была у Ельяшевича. Он изучает вопрос устройства общества²... Целую крепко. Поклон о. Евфимию. Я очень хочу исповедаться у него, но теперь не могу приехать.

М. Евдокия

Маму видела во сне. Очень рада, что посадили цветы на могиле, но крест... крест!

М. Феодосия несла в обители различные послушания. Среди прочего на её ответственности находились дети дошкольного возраста, которых родители доверили монахиням на воспитание. (Дети школьного возраста приезжали в Бюсси на зимние и летние каникулы.) Мальчики, как водится, шалили, и сёстрам приходилось применять санкции: м. Феодосия запирала озорников в подвале. Немедленно из подвала несло дружное: «Господи, спаси нас! Господи, прости нас!» И м. Евдокия, обращаясь к м. Феодосии, говорила:

— Идите отпирать!

Однажды очень напроказил маленький Саша: пока сёстры молились в церкви, он в саду зелёной масляной краской покрасил стволы всех деревьев. М. Феодосии доложили об этом.

— Что ты сделал с деревьями?!

Саша немного заикался:

— В-в-взял и в-в-выкрасил.

— Ах, так! Ну, хорошо. Явишься ко мне после обеда.

Он пришёл вдвоём со своим другом Юрой.

— Ты можешь сам себе выбрать наказание, — предложила воспитательница. — Или я тебя отшлёпаю, или напишу письмо твоему отцу.

Отец был очень строгим. Воцарилось молчание.

— Мать Феодосинька, — раздался робкий голосок Юры, — он хочет, чтобы ты его простила.

¹ Прямо не верится, что такое могло быть! Как с тех пор, увы, изменились нравы во Франции!

² Ассоциация «Покров» была создана с целью помогать Покровской обители. В неё входили как монахини, так и миряне — друзья монастыря.

— Ах, простила! А ты обещаешь быть хорошим?!

— М-м-мать Феодосинька, — ответил провинившийся¹, — если бы т-т-ы з-знала, к-как т-трудно б-быть хорошим!

Монахиня Феодосия, всю жизнь борющаяся со вспыльчивостью своего характера, всегда потом вспоминала эту фразу, добавляя:

— Кто-кто, а я-то хорошо знала, как трудно быть хорошим...

4 декабря 1947

+

Дорогая Дорофеюшка!

О. Митрофан просит тебе написать, что он приедет 24 декабря... Он себя опять очень плохо чувствует, болят на этот раз почки, и ему трудно пускаться в путешествие. Он хотел ехать на будущей неделе в Париж и к вам, но откладывает. Кроме того, он посылает вместо себя в Париж м. Бландину, у которой опять разбалчиваются зубы, — это болезнь дёсен, пиорея...

От с. Екатерины получили вчера телеграмму, что операция завтра, в субботу. Она должна была произойти в прошлый понедельник, но из-за отсутствия газа отложили (газ нужен для стерилизации матерьялов)...

Живём очень тихо, народу мало... Сношения с Парижем только телеграммами, писем почтой не получаем — проскакивают иногда по одному. На нашей почте посылок не принимают.

Картошки на зиму у нас 250 кило, пшеницы несколько кило, не знаю точно. Много яблок. Молоко будет на этих днях по карточкам — значит, только на трёх детей. Родители денег нам не шлют за декабрь, хотя мать Вовы обещала по телеграфу выслать в прошлый понедельник. Слава Богу, уголь — три тонны — есть, а дрова, хоть и есть, но тают, как снег на солнце.

По вечерам шью, чиню вещи, и, несмотря на тихую жизнь, времени всё мало... Как ты живёшь, как ваши дела? От о. Митрофана всем привет. Пиши мне. Целую тебя крепко. Кланяйся о. Евфимию и сёстрам, о. Владимиру, Маше и всей живности.

М. Евдокия

---

¹ Когда м. Бландину оперировали, этот Саша молился о ней по чёткам.

Вчера вдруг на меня напал странный стих: я взяла лист бумаги и сверху вниз по строкам написала годы от моего рождения и по годам местожительство и события (главные, что вспомнила за 52 года). Это оказалось очень интересно, кое-что я забыла, но ... [оторвано]. Много можно сделать выводов поучительных.

8.I.1948

+

Дорогая моя Дорофеюшка!

Что же ты мне совсем не пишешь? Поздравляю тебя, о. Евфимия и всех твоих с праздником. Сегодня в церкви меня вдруг так разобрало: захотелось к тебе в Муазене, я представила себе вашу столовую, церковь — защемило до слёз...

Бедный о. Митрофан... не мог опять приехать к вам. В тот понедельник, о котором он писал тебе, 29-го, он выехал в Париж, а во вторник ему разрезали руку:¹ у него был страшный фурункул², уже чуть не две недели. Сначала здешний доктор резал, вытащил большущий стержень, а потом пришлось сделать канал от этого места поперёк руки до твёрдой опухоли, которая нарывала и не находила выхода гною. Ему впустили две порции пенициллина. Он похудел, почернел, была всё время температура. На беду тут праздники, поэтому в субботу после нескольких перевязок он вернулся прямо домой, никуда не заезжая. Теперь продолжает перевязывать, плохо заживает разрез.

В то время, когда уехал о. Митрофан, были в отсутствии м. Бландина из-за зубов и м. Глафира из-за каких-то дел со своими родственниками и исповеди. Я оставалась на всё хозяйство одна: животные, кухня, Всеволод, уборка к празднику. А в понедельник, как только о. Митрофан вышел за ворота, произошёл потоп в подвале, надо было перекладывать 300 кило картошки с соломой и т. д. Вот был ливень! Я представляла себе, что делается в Муазене, — наверное, затопило всю церковь.

С. Екатерина собирается вернуться как будто на Крещение. У нас появилась одна очень милая особа — Марья Филипповна (не усвоила её фамилии), пожилая, 60 лет, с красивым, низким голосом и хорошим слухом, схватывает всё на лету, может петь третьим голосом, нужен теперь только дискант. За это время научилась им петь я, но у меня грудобрюшная преграда

---

¹ Доктор Н. К. Рапапорт.

² В это время почти все насельники обители страдали нарывами.

не даёт дышать, я совсем не могу теперь читать, апеть легче, но всё же больно и нет голоса. Беда! Пока был голос, не было слуха, развился слух, пропал голос. Бодливой корове Бог рог не даёт! Ну, ставлю точку — обо всём не напишешь. Приезжай, и поговорим. Целую крепко, крепко.

Всем поклон,

м. Евдокия

21.II.1948

+

Дорогая моя сестричка!

Я всё ждала твоего письма, увы, напрасно. Сегодня, наконец, приехала м. Бландина с с. Иоанной, которая проездом из Англии в Чехию будет писать иконы и чертить иконостас для нашей церкви. Пробудет она у нас 5 дней или неделю, и я не могу уехать от неё, мне невозможно её оставить, тем более что м. Бландина будет ей помогать, а я должна продвинуть дальше покраску церкви. Должны вставить готовые рамы и т. д., без меня выйдет что-нибудь не то. Поэтому я решила, что поеду к вам в следующий понедельник дня на три-четыре.

Новое общество оформлено, называется «Покров».¹ Я — председатель, Баржанская² — секретарь, Нина Рауш³ — казначей, Вера Ник.⁴ — мой заместитель.

Теперь мы должны узнать у местного нотариуса об оценке и способах покупки. Ельяшевич хочет приехать в марте, чтобы провести это дело.

Пока что сидим без денег, т. к. за одного мальчишку перестали платить (за Вову): отец без работы. Никто платящий пока не едет. Прямо не знаю, как дотянем месяц.

М. Глафира 1 марта едет в Париж на 10 дней ликвидировать свою *chambre de débarras*⁵, из которой она когда-то перетаскала нам такую массу вещей. Теперь её родственник требует комнату очистить, и она будет перевозить и продавать книги и вещи своих сестёр...

---

¹ Ассоциация друзей Покровской обители, основанная м. Евдокией.

² Елена Ивановна Баржанская, будущая монахиня Покровской обители Иоанна.

³ Воспоминания Н. К. Рауш см. выше.

⁴ Вера Николаевна Галл.

⁵ Кладовка (фр.).

Целую тебя крепко. Надо бежать перевернуть больного, потом помыться и переодеться. Завтра воскресенье — буду причащаться.

Может быть, мне удастся приехать в конце этой недели. Я тогда телеграфирую.

М. Евд.

В это же время с. Екатерина отметила в своём дневнике:

22 февраля 1948.

...Сестра Иоанна начинает писать большие иконы для будущей церкви. М. Бландина ещё не поправилась, гной всё течёт, но надо ждать для дальнейшего лечения...

24 февраля 1948.

Полунощница и утренняя. С. Иоанна пишет две большие иконы иконостасные и одну, поменьше, Благовещения. Вечерня и повечерье.

25 февраля 1948.

Полунощница и утренняя. Иконы вышли чудесные¹.

22.III.48

+

Дорогая моя Дорофеюшка!

Очень благодарю за письмо с поздравлением. Я так и думала, что оно придёт длинное и обстоятельное...

Господь о нас Сам думает. Fred прислал две посылки через Sage, а Глафира привезла из Парижа 53 тысячи франков, которые получила совсем неожиданно от продажи ненужных книг, о которых она подумала только, когда кузен попросил очистить комнату. Вышло необыкновенно и чудесно, прямо кстати: в эту среду я должна «как Бог да» подписать купчую на дом и сразу внести 65 тысяч². Что бы я делала без Глафиры? А теперь все деньги наличо!!! Так как ещё были отложены 20 тыс. на проблематическую корову. Вместо коровы — дом! А Ельяшевич, посылая доверенность старому нотариусу на подписание вместо себя, написал милое и скромное письмо, что он просит нас

---

¹ За четыре дня написать три иконы, из которых две большие!.. Левкасила доски для икон м. Феодосия.

² Налог на продажу. Приблизительно соответствует современным 5000 евро.

не отказать его известить, когда всё будет сделано!.. Видала ты такого человека?

Бедная Дорофееюшка! Очень тебе посочувствовала о блинах. В моей молодости бывали такие случаи, только я бы тесто оставила на утро, дав поесть, сколько нужно, а то какой толк печь блины для кошек и собак! М. Глафира просит тебе передать, что на будущий год она пошлёт к тебе своих двух котов на масленицу, раз у тебя их кормят блинами.

Вчера вечером я занималась жаворонками¹, и сегодня мы разослали 26 штук в разные стороны. Тебе не послали, решив, что ты сама печёшь. Послали, представь, даже два в Швейцарию великому князю Гавриилу Константиновичу, с которым о. Митрофан вступил в дружбу и переписку.

Сейчас у нас есть народ: Нехорошева с сыном, Антонина Михайловна², графиня Адлерберг, сестра Елизавета (с rue de la Tour) и девочка Таня — всё это на несколько дней. Завтра ждём ещё Настю Гирс с Алёнушкой Слёзкиной³, и сегодня ещё приехал на 3 дня Гиу — приятель Иовы⁴, который тоже у нас. Изволь всё это прокормить. Кое-что, конечно, заплатят, но самих продуктов-то нет! Пшеницы больше нельзя достать, одна картошка. Одно утешение — как будто погода, подходящая для урожая, но у нас в округе много непаханных полей, не знаю почему.

---

¹ Есть старая русская традиция печь Великим Постом на день Сорока Мучеников булочки в виде птичек, которые называются жаворонками — символ наступления весны.

² Антонина Михайловна Осоргина, будущая монахиня Серафима.

³ Елена Ивановна Слёзкина, будущая игуменья Покровского монастыря монахиня Ольга. Род. в 1915. в Петрограде. В 1920. г. семья Слёзкиных эмигрировала сначала в Константинополь, потом в Югославию и Францию. Е. И. Слёзкина окончила юридический факультет (1939) и филологический факультет (русское отделение) Сорбонны (1969). Защитила докторскую диссертацию на тему «Духовный путь Ивана Васильевича Киреевского». Преподавала в Париже математику и русский язык во французской школе. Преподавала русский язык в Институте восточных языков. Духовная дочь епископа Мефодия (Кульмана), его неизменная секретарша и помощница в организации паломничеств в Святую Землю. Член редакции журнала «Вечное». Тайно пострижена в рясофор в 1964 г. епископом Мефодием, в мантию — в 1987 г. в Святой Земле архимандритом Феодосием, настоятелем греческой Вифании. В 1988 г. поступила в Покровскую обитель. Игуменья с 1993 г.

⁴ Сербский студент Иован Драгишевич, о котором упоминалось выше.

С. Екатерина в очень плохом виде¹. Попроси о. Евфимия помолиться. На о. Митрофана это действует рикошетом, он волнуется за неё. Антонина Михайловна тоже видит большую перемену к худшему... Это самое тёмное пятно на нашем фоне, который скорее светлый, а с домом и Божиим Промыслом даже и блистательный. М. Бландина, правда, тоже киснет со своим гноем, который каждое утро течёт исправно, и никто не лечит...

Когда будешь в Париже, пойдёшь на папину могилку, я не была давным-давно.

Целую тебя крепко.

Твоя м. Евдокия

2 апреля 1948

+

Дорогая моя Дорофеюшка!

Спасибо тебе за птичек. Они были очень смешные! Как жаль, что я не послала тебе, хотя бы для будущей модели. Но хотя твои (вернее, о. Евфимия) были не классические, зато в них — масса выражения и индивидуальности. Делают же обыкновенно так: раскатывают длинную колбаску и завязывают её узлом. Один, верхний, конец — головка, а нижний — хвост, который немножко распластывают и прорезают пёрышки.

В среду кресты² совпадут с Благовещением.

Наши письма разминулись. Как там твои дела дальше? В понедельник твоё рождение — поздравляю и целую. Есть ли кто-нибудь посторонний?.. Как поживают все твои жители? Кошки? Собаки? Коровы? Куры? Это тебе всё материалы для ответа, для будущего письма.

У нас был Иова и снял фотографию с Томика в двух позах. Трудно было заставить его позировать на задних лапках, но всё же удалось. Если Иова по своему обыкновению не снял его без головы, то пришлю вам карточку.

У нас сейчас гостит Настя Гирс и девочка Таня, обе уезжают в субботу послезавтра, а завтра уезжает на неизвестный срок м. Бландина, которая всё продолжает болеть. Зубы ей не вылечили в Париже, никакого лекарства не дали, и она каждое утро выплёвывает целую массу гноя, который её отравляет. У неё очень плохое состояние, головные боли, она едва бродит.

---

¹ У с. Екатерины кроме заболевания внутренних органов была и мучительнейшая экзема на руках.

² То есть Крестопоклонная неделя.

Катуары¹ только что написали, что к ним вернулся очень хороший зубной врач из Америки, их друг, они приглашают м. Бландину пожить у них и полечиться. Посмотрим, что из этого будет. Пока что я работаю и на огороде, иначе некому помочь о. Митрофану. Правда, на прошлой неделе был Ваня Нехорошев и копал, наш Александр Павлович тоже копает, но это *gros travaux*², а есть ещё и более мелкие. На днях мы совершенно вычистили сливовый сад, знаешь, за домом? Там были богатые россыпи строительного мусора, теперь ни одного камня не валяется, всё собрано в кучу, а сад перекапывается, и сеют траву. Чудно цветут сливы, если не будет какой-нибудь помехи, должен быть прекрасный урожай.

В прошлую среду подписала купчую. Я заплатила 62 тыс. налога, за Ельяшевича расписался старый нотариус. Обстановка была очень торжественная: у нотариуса стояли стулья полукругом перед его столом. Был разговор о том, о сём, без конца читался акт, в котором излагается история дома с 1827 года, период до этого времени теряется в веках, судя по постройке ему за 200 лет. Оба нотариуса, молодой и старый, долго говорили, — очевидно, по ритуалу не полагается спешить, чтобы обе стороны хорошо ещё раз подумали. После многозначительной паузы торжественным голосом мне предложили подписать, потом подписал за Ельяшевича нотариус.

Дома о. Митрофан отслужил молебен и сказал слово, что мы должны быть достойны той жены, которая нам дала свой дом. Вообще в последнее время о. Митрофан очень много нас поучает в церкви и всегда очень хорошо: непосредственно, свежо, кстати, то есть к случаю, и духовно. И о молитве говорит, и о монашеской жизни. Вообще он у нас развивается. Раньше он стеснялся говорить в церкви из-за языка, а теперь его все, даже чужие понимают.

С. Екатерине последнее время немного лучше, а на днях она получила, наконец, лекарства и указания от Lamothe'a³, и целый день всё отмеривает какие-то крупинки, порошки, варит tisane⁴ и т. д. — и польза, и занятие. Судя по лекарствам, они больше всего против печени и нервов.

Я чувствую себя хорошо...

---

¹ Катуары — друзья Покровской обители.

² Серьёзные работы (фр.).

³ Парижский врач.

⁴ Травяной чай (фр.).

Ну вот, целую тебя крепко, моя дорогая. Поклон о. Евфимию и всем привет с Таусией, ... [неразб.].

М. Евдокия

Основным послушанием монахини Глафиры в Покровской обители была вышивка священнических облачений, церковных занавесей, покрывал на аналои и т. д. Она обнаружила в этом искусстве поистине незаурядный талант. До сих пор её работы используются в Бюсси-ан-От при богослужениях, радуя и удивляя богомольцев своей изумительной красотой и высоким мастерством исполнения.

Поручика Александра Павловича Севрюгина¹ сёстры отыскали в какой-то больнице. Сын военного и сам военный, он участвовал в двух гражданских войнах и в двух мировых. Судьба гнала его на Запад. В конце концов он оказался во Франции с запущенными гниющими ранами, которые получил под взрывами бомб, ревматизмом, заработанным холодными зимними ночами, проведёнными под открытым небом и жестокой малярией, подхваченной на болотах. По-французски он не говорил. Тем труднее было ему общаться в больнице с медицинским персоналом.

М. Евдокия привезла его в Бюсси. Александр Павлович был высокого роста здоровенный казак. Маленькая м. Феодосия делала ему перевязки. Он сидел на табурете, а она ходила по кругу, заворачивая его в марлю. Он был исключительно честный и нравственно чистый человек. Но с большим русским недостатком: пил горькую. Сёстрам потребовались громадные усилия, чтобы отучить его от этого порока. М. Евдокия ввела в обители сухой закон, просуществовавший многие годы. Вино употреблялось только для совершения литургии, его держали под замком.

В конце концов Александра Павловича приспособили для работы в огороде и вменили в обязанность пасти коз. По утрам он выходил с козами на пастбище, вечером приводил их и, тре-

---

¹ Александр Павлович Севрюгин (1895—1986) родился в Нижнем Уральске. После революции и гражданской войны оказался в Болгарии. Был келейником у епископа Феофана Полтавского. Затем переехал в Сербию, где участвовал в гражданской войне. В конце Второй мировой войны оказался во Франции. С 1946 г. трудился в Покровской обители. Обладал великолепной памятью и незаурядным талантом рассказчика. Беседовать с ним приезжал в Бюсси-ан-От А. И. Солженицын. Скончался на праздник Входа Господня в Иерусалим, похоронен на деревенском кладбище.

*М. Глафира
(Кириакопулос)*

Александр Павлович с козой

Александр Павлович Севрюгин, м. Иоанна (Баржанская) и козы

буя, чтобы они шли строем, командовал: «Левой! Левой!» Этот аттракцион имел успех у местных жительниц-француженок. Они высыпали на улицу, становились по стойке смирно и отдавали поручику честь. Казак морщился:

— Штафирки! К непокрытой голове рук не прикладывают.

В 1948 году на Страстной неделе с. Екатерина поместила в дневнике следующие записи:

25 апреля, воскресенье.

В 5 часов 30 минут начало Страстных служб... О. Митрофан говорит слово о том, что «хотяй первый быти, да будет всем слуга» и чтобы меньше разговаривали на Страстной.

26 апреля, Великий Понедельник.

В 6 часов часы, вечерня, Литургия преждеосвященных даров. О. Митрофан говорит слово о благолепии в церкви, которое тем паче должно быть у нас, потому что мы пока без иконостаса... Клирос также должен петь так, чтобы приезжие могли получить духовную пользу. (Святой Роман Сладкопевец и все Ангелы, молитесь за меня, потому что я из последних сил пою!)

27 апреля, Великий Вторник.

Также часы, Преждеосвященная... Вылупились цыплята, но мрут почти как мухи...

Великий Четверг

+

Дорогая Дорофеюшка!

Наши письма, как всегда, разминутись. Относительно рецепта пасхи ничего не могу сказать, обычно её делала м. Бландина и, насколько помню, клала без всякой пропорции что есть. В старину делали, кажется, всего поровну: творогу, масла и сметаны, а сахар «по вкусу». Бландина клала ещё яйца — желтки. У нас будет очень маленькая пасха: нигде не дают лишнего молока и не продают творога. Я коплю творог давно из обычной порции молока...

Сегодня во время 12-ти Евангелий пришла пешком со станции Елизавета Александровна, а через минуту полил бешеный дождь с градусом...

Пока целую крепко. Придётся, видно, тебе приехать, на меня надежды слабые.

М. Евдокия

+

Христос Воскресе!

*Дорогая Дорофееюшка, о. Евфимий, с. Таусия,
о. Владимир и все жители!*

Поздравляем всех Вас со Светлым праздником и желаем всех благ, небесных и земных...

Надеюсь, что когда-нибудь, м. Дорофея, ты мне всё-таки напишешь.

Мы с о. Митрофаном выбиваемся из сил. М. Бландина всё ещё в Париже, у неё, несмотря на операцию (длилась 1 час 35 мин., была такая опухоль с разветвлениями, 5 см вглубь, что врачи были уверены, что рак, но анализ дал отрицательный результат) — всё ещё гной и температура. Теперь взялись лечить ещё синусит, может быть, гной от него. Когда она придёт в норму — Бог знает. Огород у нас раскопан весь до последнего уголка, всё в порядке, красота, но работы невероятное количество. Наняли человека на участке на горе сажать картошку, но всё остальное тоже требует рук, если намереваться жить этим. А тут ещё козы родят: уже три пары новорождённых, ждём ещё двух. В инкубаторе лежат яйца суссексов¹.

Все усталые у нас. В. Ник. уезжает после праздника сразу на месяц, потом после ... [неразб.]. Троицы поедет на 10 дней к своей матери м. Феодосия. Я пишу с Владимиром Андреевичем доклад и отчёт в Американскую детскую федерацию, чтобы дали субсидию, завариваем кашу с детьми.

Церковь только что покрасили, вставили окна, на днях приедет человек делать иконостас². Всё это делается не знаю как. Совсем как будто нет сил. Напиши, что у вас, как с домом...

Вчера делала куличи, вышли чудно, в первый раз в жизни такие красивые. Я не знаю, как я выдавливаю из себя всё: тут и уборка к празднику, и Всеволод.

Целую тебя крепко, всем кланяюсь, о. Митрофан очень мечтал к вам заехать после праздника, но где тут... Без него я бы пропала давно. Глафира хромает: болит нога, Феодосия страдает молча и аскетически: тоже голова, сердце и ... [неразб.]. С. Екатерина — только можно поставить многоточие... Слава

¹ Порода кур.

² Благочестивый человек Феодосий Терентьевич Сидоренко приезжал в обитель трудиться безвозмездно. Это он по плану с. Иоанны (Рейтлингер) делал иконостас, а также престол для новой церкви. Резьбой иконостаса занимался В. В. Оболенский.

Богу, Елена Ивановна¹ одна не страдает. А о. Митрофан похудел, но бегаёт, а я сегодня ещё не оправилась от куличей, но, в общем, ничего себе.

М. Евдокия

19. V. 1948

+

Дорогая моя Дорофеюшка!

...Я работаю целый день на огороде и в поле под командой о. Митрофана, и у меня болят все кости и мускулы. Земля сухая, камней — как на берегу моря, на старости это трудно-вато. Мы хотим иметь настоящий огород, чтобы нас кормил. О. Митрофан страшно похудел, ему нельзя быть на солнце. Тоже масса хлопот с козами. 5 коз имеют 9 козлят, он их всех поддаивает, чтобы они не отвыкали от дойки, иначе они потом дают мало молока. Есть очень капризные, и это его утомляет.

Сегодня уехала на 10 дней в Париж м. Феодосия к своей матери и по нашим делам. М. Бландине делают пенициллин², она всё ещё под наблюдением, и не знаю, когда вернётся.

Больной всецело на мне, а детей по счастью отец взял к себе на неделю, они вернутся с м. Феодосией. Это ли не Божья милость? Готовит на три четверти Елена Ивановна...

Не приехала ли бы ты ко мне теперь? Мы бы с тобой хорошо поговорили на огороде или в саду — это приятнее, чем в кухне.

Размыслив о телёнке, я думаю, как же мы его возьмём, не имея достаточно молока? Мы получаем 4 литра, а ему надо в течение шести месяцев 8 или 10. Как только приедет м. Бландина, о Митрофан хочет поехать к вам и там всё это решить. К тому времени мы узнаем здесь, нельзя ли ещё добыть молока где-нибудь. Я не имею времени бегать по французам.

Вчера приезжал в деревню французский епископ. Я тоже пошла в церковь, меня ему представили, и он, между прочим, сказал, что у меня beau costume religieux³.

Привет всем. Низкий поклон о. Евфимию. Целую тебя. Пиши, приезжай!!!

М. Евд.

---

¹ Елена Ивановна Баржанская, будущая монахиня Иоанна.

² Один из врачей сказал м. Бландине, что все её болезни от плохого питания.

³ Красивое монашеское одеяние (фр.).

Глава 9

Освящение церкви в честь Покрова Пресвятой Богородицы. — Архимандрит Иов (Никитин). — Отъезд иеромонаха Митрофана (Крессоевича) в Америку. — Протоиерей Герман Бартенеv. — Смерть игуменьи Мелании. — Смерть в Бюсси Ивана Сергеевича Шмелёва. — Новые сёстры. — Протоиерей Владимир Фёдоров. — Протоиерей Павел Пухальский. — Поездки м. Евдокии в Швейцарию

25 ноября 1948 года, в день памяти святителя Иоанна Милостивого, в Бюсси была освящена церковь Покрова Пресвятой Богородицы, которую сёстрам и богомольцам удалось к этому времени в обители устроить и благоукрасить. (Это была уже третья Покровская церковь, к созданию которой м. Евдокия имела отношение). Для этой цели послужило помещение бывшего хлева¹, где до наших дней в стенах сохранились тяжёлые старинные железные кольца, к которым когда-то прежние хозяева имения привязывали скот. А в алтаре остались ясли², из которых животные получали корм, что давало м. Евдокии повод, шутя, говорить:

— У нас в церкви есть ясли, как в Вифлеемской пещере.

Она вообще любила шутку и не раз повторяла, посмеиваясь:

— Отсутствие юмора — это очередной смертный грех.

В церкви тяжёлые брусья низкого потолка лежат на деревянных опорах, украшенных резным орнаментом. Резьбой по дереву занимались преданные друзья обители Елизавета Александровна Бернацкая и Всеволод Владимирович Оболенский (1903—1966), брат м. Бландины. Он же сделал деревянный семилампажник для алтаря. Местные иконы иконостаса и часть праздничного яруса написаны с. Иоанной (Рейтлингер). После

---

¹ Конечно, каменного, как вообще все здания во Франции.

² Эти ясли преобразованы в стол.

её отъезда в Чехию, заканчивала праздничный ярус Мария Александровна Ельчанинова-Струве¹. Монахини симпровизировали колокольную, повесив колокола на старинный колодец. Освящать храм приехал митрополит Владимир, и в тот же день он возвёл м. Евдокию в сан игуменьи. Деревянный резной посох, который она из его рук получила, был сделан Всеволодом Оболенским по заказу другого Всеволода — Козловского, смерть которого наступила через несколько месяцев после освящения Покровской церкви, 12 июня 1949 года в три часа утра на праздник Святой Троицы.

В день освящения митрополит Владимир обратился к сёстрам со следующими словами:

Приветствую вас, сёстры о Господе, с торжеством освящения храма вашей обители во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Немало было трудностей и препятствий к созданию храма сего, но изволением Божиим, помощью Богородицы, щедрой жертвой смиренного боголюбца, трудами насельниц обители и усердием благотворителей всё удалось преодолеть: храм Божий создать и освящение его совершить. Но всё ли кончено? Казалось бы, всё уже сделано. Но на самом деле это не так.

Храм сей есть только одно из средств к воссозданию внутри нас того Храма, о коем говорит апостол: «Или не veste, яко телеса ваша Храм живущаго в нас Духа Святаго суть».

Созидая, украшая храм здесь, на земле, мы должны помнить цель этого внутреннего храма — это наше освящение, воцерковление, без которого этот внешний храм будет лишь свидетелем нашего внутреннего запустения.

Для сооружения храма видимого требуется год или несколько лет времени, и постройка заканчивается, а для созидания храма душевного нужна целая жизнь. Как же нам созидать этот храм наш душевный? Таким же порядком, каким мы сейчас видели чин освящения святого престола к нашей церкви. Вот и припомним.

С чего мы начали? С молитвы о помощи Божией и благословения: так же и закончили весь чин благодарственными мо-

---

¹ Мария Александровна Ельчанинова-Струве род. в 1925 г. Дочь священника Александра Ельчанинова, жена Н. А. Струве. Племянница Всеволода Владимировича Оболенского, женатого на сестре её матери. Иконописица. Ученица с. Иоанны (Рейтлингер). Автор десяти иконостасов в православных церквях Франции, США, Швейцарии.

литвами, за что сподобились завершить это дело. Так и для храма нашего внутреннего надо прежде всего испросить у Бога Его благодатную помощь, без которой мы не способны ничего доброго сделать.

Потом мы видели, что престол омывается тёплой водой от всякой пыли, софа или грязи: так же и нам надо душу омыть горячими слезами покаяния и очищения от наших скверн. После этого на престол возливали вино и благовонные масти, и затем совершили помазание святым миром. Это означает, что мы должны душу свою украсить благими нравами и благоуханием добродетелей христианских: смирением, послушанием, трудолюбием, дабы сподобиться благоухания Святаго Духа.

Затем облачили престол двумя одеяниями, нижним и верхним, и сверху пеленою. Это означает светлое одеяние наше душевное, покров благодати Божией, которую мы стяжеваем усердною молитвою и трудом, и которая преобразует внутренний и внешний наш вид.

Для освящения сего внутреннего духовного храма явится уже не подобный нам человек, а Сам Великий Архидиакон Господь Иисус Христос и, освятив, вселится в него и будет в нём Сам «и еже хотети, и еже деяти о благоволении» (Флп. 2, 12).

Да сподобит вас Господь, сёстры во Христе, представительством Пречистой Своей Матери и всех святых, сей радости — послужить Ему и удостоиться Небесных Обитателей. Аминь.

Вас же, боголюбивая матушка, приветствую с принятием сана игуменни. Это звание не столько награда за труды, сколько новое сугубое послушание от Господа, побуждение к исканию почестей небесных. Да послужит оно (новое сие звание) к большому усердию в исполнении возложенных обязанностей и к смирению пред Богом и людьми.

И вы, христоролюбивые сёстры, взирая на матушку настоятельницу, усугубьте к ней любовь и послушание, памятуя, что вы повинуетесь в лице её не человеку, а Самому Господу Иисусу, давшему её вам в мать и руководительницу. Аминь.

В день освящения церкви в Бюсси впервые приехал иеромонах Иов (Никитин)¹, в прошлом афонский монах. Так

---

¹ Архимандрит Иов, в миру Дмитрий Никитин (1896—1986), окончил гатчинское Николаевское училище и Артиллерийское Константиновское училище. Капитан, награждён орденами св. Владимира, св. Анны 2 степени и св. Станислава 2 степени. Участник гражданской войны в рядах Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию (1920), ра-

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От

с 1948 года началось его духовное общение с сёстрами, продолжившееся десятилетия. Он стал духовником сначала некоторых, а потом всех монахинь Покровской обители.

Жил и служил о. Иов в Мурмелоне, в скиту Всех святых, в земле Российской просиявших, будучи его настоятелем. А навещал Бюсси приблизительно раз в полтора месяца, оставаясь на неделю, в течение которой сёстры могли у него исповедоваться, посоветоваться с ним, поговорить на духовные темы.

На Афоне о. Иов пробыл недолго. В это время греческое государство ограничивало русское присутствие и влияние на своей территории, из-за чего многие русские вынуждены были покинуть Афон. Основателем скита в Мурмелоне был схиархимандрит Алексей Киреевский, тоже с Афона. При основании скита их было трое: о. Алексей, о. Иов, иеродьякон Серафим. Однажды они находились в церкви на молитве, как вдруг начался в скиту пожар. Увидев, что ничего уже спасти нельзя, монахи вызвали пожарных и вернулись продолжать богослужение. Как были удивлены французские пожарные, когда, приехав, обнаружили среди пылающего леса в маленькой церкви трёх человек, спокойно молящихся Богу. Скит тогда очень пострадал. Жизнь и так была бедная, а пожар эту бедность усугубил. Отец Алексей утешал братию словами: «Это ничего. Монастыри всегда горели».

О. Алексей скончался в июне 1945 года. Через несколько месяцев погиб о. Серафим. С тех пор до самой своей смерти о. Иов подвизался в скиту один. Работал он много, деревья сажал, целый лес посадил, пчёл разводил, привозил сёстрам в Бюсси в подарок мёд, и много, иногда до 25 литров. И молился, молился...

Это был глубокого смирения мудрый человек. Общение с ним доставляло душе незабываемую радость. От него веяло тихой кротостью, каждое его слово, пусть самое обыкновенное, было правдиво какой-то последней правдой! Даже совсем окаменевшие сердца в присутствии батюшки начинали таять как воск, и заливались тёплыми слезами умиления. Казалось, никакие скорби не могли поколебать его внутреннего мира, разбиваясь о

ботал на заводах и таксистом. Поступил послушником в Пантелеимонов монастырь на Афоне (1925), затем в Иово-Почаевский монастырь (Словакия). В 1931. г. вместе с схиархим. Алексием (Киреевским) основал скит Всех русских святых в Мурмелоне (Шампань, недалеко от Реймса). Пострижен в монашество (1936), иеродьякон (1937), иеромонах (1937), архимандрит (1957). Духовный руководитель юношеской организации «Витязи». Погребён в скиту Всех русских святых.

него, как волны о скалу. Покровские монахини очень любили о. Иова.

В 1949 году о. Митрофан к общему огорчению всех сестёр и насельников уехал в Америку, где у него были родственники. С благословения митрополита Владимира м. Евдокия пригласила быть настоятелем Покровской церкви в Бюсси-ан-От протоиерея Германа Бартенева, с которым сёстры Куртэн были дружны ещё на Лурмеле. Он прослужил в обители до 1952 года.

В 1949 году смертельно заболела игуменья Мелания (Лихачёва). Вернее, она давно была уже больна, но никогда не жаловалась. Русское Убежище для престарелых в Розе-ан-Бри с благословения митрополита Владимира возглавила в это время Ксения Андреев-на Родзянко, приехавшая из Чехии, что было большим утешением для страждущей матушки Мелании, — теперь она с чистой совестью могла уйти на покой. С этого времени она в основном жила в Париже, где лечилась у доктора Рапапорта, но навещала свой дом в Розе, когда имела такую возможность. Весной вернулась в Розе в очень плохом состоянии: разросшаяся опухоль давила на седалищный нерв, причиняя невероятные страдания.

М. Феодосия, узнав о тяжёлом состоянии своей первой игуменьи, уехала из Бюсси в Розе, чтобы вместе с тамошними сёстрами ухаживать за умирающей старицей, остававшейся, несмотря на сильнейшие боли, светлой и со всеми ласковой. Вечером 3 мая в 18 часов 45 минут игуменья Мелания отошла ко Господу.

Этой же весной матушка Евдокия (ей было 53 года) простудилась, проведя ночь на топчане, сбитом из голых досок. Она заболела плевритом и попала на два месяца в больницу. К концу лета ей пришлось на много месяцев уехать в Швейцарию для отдыха, но и там она долго не могла поправиться и придти в себя. С этого времени она уже прежних сил не имела, и вся её дальнейшая жизнь была отмечена физическими страданиями при хронической бессоннице.

Из Швейцарии она писала сестре:

9.III.50

+

Дорогая Дорофеюшка, бедная моя!

(Правда, о. Митрофан почему-то говорит, что «бедный» только клец).

Только что у меня побывали в течение двух часов обе Осоргины, но Антонина Михайловна не знала, что здесь 1250 м

высоты, думала, что 800, а у неё порок сердца. Она была бледная, как полотно, и лежала на моей кровати.

Погода у нас дивная. Я то лежу на балконе, то гуляю... Но оставаться здесь на Страстную и Пасху уж очень трудно. Не так много Страстных и Пасх впереди, чтобы пропускать из-за двух недель...

Я дышу воздухом вовсю, меня записали на радиографию. Это фактор решающий, но Страстная неделя и Пасха не могут быть смертельны — Господь поможет. Я уже в Швейцарии шесть с половиной месяцев, а маленькая температура вечером — $37,1^{\circ}$ – $37,2^{\circ}$ — будет длиться, пока не разойдётся плевра. Это длинная история. Я уверена, что причина в затвердении плевро, потому что когда я лежала после обеда и весь день на спине и читала, температура два раза поднялась до $37,5^{\circ}$ (это было недели две тому назад), а когда я гуляю и сижу, этого не бывает. Тогда была плохая погода, и я совсем не выходила. При неподвижном положении бок тяжёлый и скучный. Когда ходишь — гораздо легче.

Позавчера я захотела влезть на ту горку с лесом, откуда прыгают лыжники. Но вблизи оказалось — гора почти вертикальная. Я пошла и увязла в снегу. Он был так глубок, что моя палка провалилась до ручки. Тогда я пошла наискось от пня к пню, так как под деревьями не было снега. На каждом пне сидела и отдыхала, но, дойдя до половины горы, решила, что не стоит заниматься самоубийством, и пошла назад. Горы все в снегу, крыши наполовину, солнечные склоны без снега, а солнце палящее. У моей хозяйки выросло несколько подснежников под кустом сирени, но в саду лежит снег, и интересно, что он не очень тает, хотя в тени 14° тепла. Лыжники всё продолжают упражняться на поле против нас, прыгают, а на днях был конкурс молодёжи. Я лежу на балконе под пледом в одном платье, а моя соседка загорела до черноты.

Добралась-таки я до кладбища. А помнишь, как я едва дошла до первой скамейки? Понемножку хожу всё быстрее и легче. Не знаю, про какие деньги писала Елизавета Александровна тебе, мне она ничего не сообщила, а между тем у докторши оказались для меня от некоей княжны Трубецкой (не родственницы Осоргиных) 130 фр. — присланы на днях...

Читаю книгу по-английски — история философии — вот бы её о. Евфимию. Пишет знаменитый современный английский философ Bertrand Russell. Необыкновенно ясное изложение,

немножко по-английски, с лёгким юмором. Разбивает в пух и прах аристотелевскую логику. Его собственная любимая отрасль философии новая. Называется «философия логического анализа». Он и математик, но у греков признаёт только атомистов, главным образом, Демокрита (это я пишу в пользу о. Евфимия). Я думаю, что те книги математической логики, которых так жаждет о. Евфимий, должны быть результатом работы философов направления Russell'a. Мне лично это чтение даёт ясное понимание того, где свихнулись католики, усвоив Аристотеля и создав схоластику. Мне страшно интересно узнать, что было на съезде православных и католических богословов зимой. Осоргины сказали мне, что православные одержали полную победу, что им (католикам) было под конец нечем крыть. Правда ли это? Мне теперь стало лень писать письма, и, пожалуй, у меня переписка стала замирать, и не хочется возобновлять, а то бы я всё узнала от кого-нибудь из Богословского института.

Видишь, как я тебе размахнулась, а у меня всё ещё лежат неотвеченные письма. Лекарство твоё получила. Спасибо. Между прочим, скажи ещё о. Евфимию, что Russell пишет: «Что именно означает слово “категория” у Аристотеля, Канта и Гегеля? Я, должен сознаться, никогда не мог понять. Я не считаю, что это понятие “категория” было бы хоть сколько-нибудь полезно в философии, т. к. оно не представляет никакой ясной идеи. Нет никакого намёка на принцип, согласно которому был составлен список десяти категорий». В списке работ лорда Russell'a есть такие: «Принципы математики», «Введение в математическую философию», «Анализ мысли», но он помимо того и социолог, и антимистик и, к сожалению, не христианин.

Ну, вот, кажется, я тебе на всё ответила и всё написала. Я живу, несмотря на покаянное время, жизнью растительной и созерцательной в том смысле, что вживаю во все чувства свет, синеву, белизну, воздух. Целую тебя крепко...

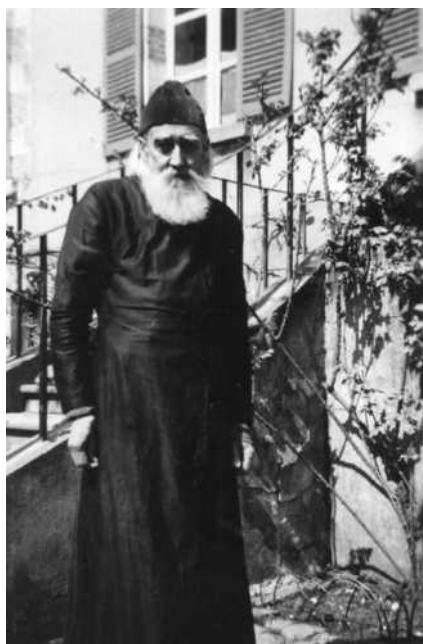
Прошу благословения о. Евфимия и привет о. Владимиру и всем.

М. Е.

Летом 1950 года в Покровскую обитель после операции прибыл на отдых писатель Иван Сергеевич Шмелёв и через несколько часов скоропостижно скончался.

Иеромонах Иов (Никитин)

*О. Герман Бартенев
в Бюсси-ан-От*

М. Евдокия в Швейцарии

М. Евдокия в Швейцарии. Рядом с ней Сергей Шереметев

*«Моя комната». Швейцария
(рис. м. Евдокии).*

Из письма монахини Феодосии к С. В. Яблоновскому:¹

Это было в субботу 24 июня. В пять часов приехал Иван Сергеевич Шмелёв, вышел из машины усталый, слабый. Я отвела его наверх в отведённую для него комнату. Он оживился, с радостным любопытством разглядывал всё вокруг себя, любовался видом из окна (чудесным), всё время крестился и благодарил Бога за то, что наконец попал к нам. Потом вдруг как-то сосредоточенно и многозначительно сказал: «Господь даровал грешнику ещё жизни, а для чего — это ещё надо рассмотреть». Вскоре началась всенощная, Иван Сергеевич порывался в церковь, но я его уговорила не утомляться слишком после дороги. Я ушла в церковь, а за время моего отсутствия приходила к нему Надежда Владимировна Оболенская², сестра милосердия, с которой он оживлённо беседовал и о состоянии своего здоровья и о литературных трудах.

После всенощной я принесла Ивану Сергеевичу ужин, между прочим, малину из нашего сада. Иван Сергеевич всё хвалил, всему радовался, вдыхал аромат каждой ягоды. Я сидела за столом против него, и мы совместно обсуждали план устройства его жизни в нашей обители. Иван Сергеевич был полон самых радостных надежд, мечтал о том, как будет работать, как напишет третью часть «Путей небесных». Хотел возможно скорее поговорить — исповедоваться и причаститься Святых Таин Христовых.

Я вышла от Ивана Сергеевича часов в девять и спустилась вниз, а десять минут спустя, стоя под его окном, услышала стон. Мы с госпожой Волошиной (его большой друг, которая его уговорила к нам ехать и привезла) быстро поднялись и нашли Ивана Сергеевича лежащим на полу между столом и кроватью. Мы подняли его и уложили в постель. Он был в полном сознании и сказал: «Сдавило обручем сердце, не мог дышать, упал. И утром сегодня так же было». Попросил впрыснуть ему камфару, пока я готовила шприц, всё торопил, потом несколько мгновений были сильные конвульсии. Пошли за Надеждой Владимировной Оболенской. Она после меня сделала ещё два впрыскивания камфары и пыталась сделать впрыскивание в вену,

¹ Сергей Викторович Яблоновский (Потресов) (1870–1953) — журналист, театральный и литературный критик, поэт, эссеист. В эмиграции с 1920 г.

² Надежда Владимировна Оболенская — жена Всеволода Владимировича Оболенского.

но Иван Сергеевич кончался. В руке пульса уже не было, последние удары сердца я улавливала подле уха, но и они скоро замерли. Вечером в 9 часов 30 минут раб Божий Иван преставился ко Господу.

Мистика этой смерти поразила меня и сама по себе (человек приехал умереть у ног Царицы Небесной под Её Покровом), и в сравнении с другим величайшим писателем русским. Последний всю жизнь боролся с Церковью и когда, будучи почти при последнем издыхании, пришёл ко вратам обители, то Господь не попустил ему почить под сенью монастыря, в лоне Святой Церкви, против которой он восставал — он бежал и скончался на убогой станции.

А Шмелёва, так много и так радостно, так ясно писавшего о церкви, о праздниках, о «Путиях небесных», привёл Господь умереть в обители под Покровом Его Пречистой Матери. Немного жаль, что Иван Сергеевич не успел причаститься, но Господь и «намерения целует», как говорит святитель Иоанн Златоуст в своём пасхальном слове.

А какие чудесные заукойные службы служили мы подле него! Вы, миряне, посетители посольских церквей, даже не знаете о том, какие дивные вдохновенные есть заукойные молитвы и песнопения.

Теперь у нас идёт «сорокоуст», и мы каждый день молимся об упокоении новопреставленного раба Божия Иоанна.

1950 год

По свидетельству многих современников игуменья Евдокия была одним из тех удивительных людей, встреча с которыми навсегда остаётся в памяти. Величественная, хорошо образованная, отличающаяся широким кругозором она одновременно была необычайно добродушна, проста и доступна. В ней совершенно отсутствовала какая бы то ни было поза. Она привлекала к себе сердца необыкновенной своей добротой. Для многих явилась тем идеалом, каким когда-то перед ней предстал её первый духовник о. Сергей Шукин. Так что можно было, глядя на неё, вернуть ей её же слова: «если такие христиане бывают — значит, Евангелие осуществимо на земле».

В обители она естественно объединяла вокруг себя сестёр, но и продолжала часто ездить с лекциями, чтобы рассказать о православии католикам, протестантам, англиканам, так как находила, что свидетельства подобного рода являются одной из миссий Русской Православной церкви в условиях Запада.

*И. С. Шмелёв.
Эта фотография
многие годы висела
в Покровской обители
на двери комнаты,
в которой писатель
скончался*

М. Евдокия

С начала пятидесятых годов матушка стала много болеть, но когда чувствовала себя крепче, то по-прежнему шла к любимым цветам в монастырский сад, клумбы которого были разбиты по её собственному плану, садилась на маленькую скамеечку и занималась прополкой сорной травы. А дом в Бюссиан-От принимал в себя всё большее количество насельников самых разных национальностей и судеб, объединяя их под своей крышей, — а на самом деле под омофором Той, о Ком м. Евдокия всегда говорила: «Наша настоящая Игуменья — Пресвятая Богородица».

В это время к монашеской общине присоединились новые сёстры. В 1950 году — м. Ия (Брунс)¹, как и м. Евдокия, жительница Крыма, прошедшая в Советской России через тюрьму и ссылку, понёсшая подвиг исповедничества за чистоту православной веры. Евангелие м. Ия знала наизусть. Она многие годы несла в Покровской обители обязанности казначеи и была очень уважаемая всеми сёстрами. В том же 1950 году в Покровскую обитель поступила кроткая и смиренная м. Иустина (Аболинг)².

В 1951 году Елена Ивановна Баржанская³ вошла в число сестёр монастыря. Молитвенница высокого духа, она получила имя Иоанна в память сына, расстрелянного во Вторую мировую войну. Лейтенант Иван Баржанский был членом французского Сопротивления и был расстрелян немцами 9 июня 1944 года.⁴

---

¹ Монахиня Ия, в миру Татьяна Михайловна Брунс (1890—1977), преподавала математику в Симферополе, занималась сбором средств в пользу священников Крыма, пострадавших от обновленческой церкви, которую поддерживала советская власть. Была сослана в город Горбатов Горьковской области, где бедствовала 14 лет без права работы. Во время Великой отечественно войны бежала из ссылки сначала в Симферополь, затем на Запад (1944). Была пострижена в мантию архимандр. Евфимием (Вендом) в 1951 г. Погребена на местном кладбище в Бюссиан-От.

² Монахиня Иустина, в миру Мария Михайловна Аболинг, урождённая Курженкова (1885—1967). Вдова. Пострижена архимандр. Евфимием (Вендом) в рясофор в 1950 г., в мантию в 1957 г. Погребена на местном кладбище в Бюссиан-От.

³ Монахиня Иоанна, в миру Елена Ивановна Баржанская (1890—1976), урождённая Колпакчи. Вдова. Поступила в Покровскую обитель в 1951 г. Пострижена в рясофор в 1951 г., в мантию — в 1957 г. архимандр. Евфимием (Вендом). Погребена на местном кладбище в Бюссиан-От.

⁴ Муж м. Иоанны также погиб во Вторую мировую войну, но нам пока не удалось выяснить подробностей о его гибели.

В 1952 году инокиня Таисия¹ (Карцова) оставила Казанский скит в Муазене-ле-Гран и с благословения митрополита Владимира поступила в Покровскую обитель. Она имела литературный талант, и вся её жизнь была подчинена одному вдохновению: собрать жития русских святых, чтобы не исчезла о них память в богоборческие времена. Многообразные послушания она несла в монастыре, но в свободное время, часто по ночам, погружалась в любимое дело: тщательно работала над составлением житий русских святых. Этому труду она посвятила многие годы своей долгой жизни².

В 1952 году в число сестёр вошла м. Илария³ (Бернацкая). Она была натурой художественной и прекрасно вырезала по дереву. Во многом её трудами в 1952 году в глубине монастырского сада была построена маленькая часовня, посвящённая преподобному Серафиму Саровскому, любимое место молитв сестёр и паломников.

В 1953 году в обитель поступила м. Мария (Гамбург) — mother Mary — взявшая на себя громадный труд по переводу книг православного богослужения с греческого и церковнославянского языков на английский. С 1965 года ей в этом деле стал помогать будущий митрополит⁴, а в то время дьякон Каллист Уэр. По сей день этими переводами пользуется англоязычный мир. Благодаря м. Марии в Покровской обители в 1969 году появилась маленькая типография.

---

¹ Инокиня Таисия была пострижена в мантию в 1976 г.

² Впервые книга монахини Таисии «Жития русских святых» была напечатана в Бюсси в монастырской типографии трудами сестёр в 1976 г. В 1983–1984 гг. переиздана в двух томах в Троицком монастыре в Джорданвилле (США). В 1985 г. там же была издана книга м. Таисии «Русское православное женское монашество XVIII–XX веков». С конца 80-х годов её книги стали издаваться в России. В 2007 г. Покровский монастырь впервые издал книгу м. Таисии «Светлые тени». (См. статью монахини Силуаны «Монахиня Таисия — русский агиограф»).

³ Монахиня Илария, в миру Елизавета Александровна Бернацкая, урождённая Попова (1896–1989). Вдова. Поступила в Покровскую обитель в 1952 г. Пострижена в рясофор в 1956 г., в мантию — в 1957 г. архимандр. Евфимием (Вендтом). Погребена на местном кладбище в Бюсси-ан-От.

⁴ Митрополит Диоклийский Каллист, в миру Тимоти Уэр (род. в 1934 г.), профессор богословия, переводчик литургических и святоотеческих текстов с греческого на английский язык, председатель смешанной комиссии по православно-англиканскому диалогу.

В 1953 году в обитель прибыла м. Сергия (Дараган)¹, бывшая инокиня Пюхтицкого монастыря, из которого она привезла на новое место дивные по мелодии песнопения.

В 1954 году — с. Иульяния (Смирнова)², украсившая своим чудесным сопрано монашеский хор. Она занималась коровами и, когда их доила, пела церковные песнопения и уверяла сестёр, что коровы очень любят музыку, а к некоторым напевам особенно чувствительны.

М. Ия, м. Иоанна, м. Иустина, м. Илария и с. Иульяния были пострижены в монашество (с. Иульяния в иночество) о. Евфимием (Вендтом). Своим постриженницам он давал имена, начинающиеся с буквы *И*, связывая их с именем Господа Иисуса.

В 1952 году о. Герман Бартенев был переведён митрополитом Владимиром в Монморанси настоятелем храма при доме Союза военных инвалидов, а в Покровскую женскую обитель прибыл протоиерей Владимир Фёдоров³, прослуживший при обители два года, до своей кончины. Он оставил о себе самые светлые воспоминания, а также сшитые им самим тетради-синодики, которые сёстры по сей день вычитывают при поминовении усопших во время заупокойных служб. Один синодик составлен из имён родных и «дорогих-близких» о. Владимира, в нём также присутствуют имена всех известных ему архиереев и священнослужителей, наставников по семинарии и духовному училищу и всех, кого он как священник напутствовал Святыми Тайнами на смертном одре. В другом синодике собраны имена всех русских писателей и поэтов.

Смерть о. Владимира Фёдорова была смертью праведника и настолько необыкновенна, что м. Феодосия докладывала о ней митрополиту Владимиру. К сожалению, записки этой найти не удалось, и мы можем только воссоздать рассказ м. Феодосии так, как его нам сохранила наша память.

---

¹ Монахиня Сергия, в миру Елизавета Дараган-Яновская (?—1972), была пострижена в мантию в Покровской обители в Бюсси-а-От в 1952 году преосвященным епископом Сильвестром. Погребена на местном кладбище в Бюсси-ан-От.

² Инокиня Иульяния, в миру Галина Васильевна Смирнова, урождённая Нойманн (1898—1966). Вдова. Уроженка Тулы. Возможно, состояла с м. Евдокией в отдалённом родстве, будучи по матери Буланже. Пострижена в рясофор в 1958 г. Погребена на местном кладбище в Бюсси-ан-От.

³ Протоиерей Владимир Фёдоров (1874—1953) происходил из семьи потомственных священнослужителей. Был рукоположен в священники в 1898 г.

О. Владимир лежал у себя в келье. Он умирал. Черты лица его заострились, и пульс еле прослушивался. Сёстры ждали священника со Святыми Дарами напутствовать умирающего и успокоились, что он отойдёт в другой мир, не причастившись. Когда наконец прибыл священник, м. Феодосия подошла к неподвижному телу о. Владимира и коснулась его рукой. Дыхание ещё было.

— Отец Владимир! — позвала м. Феодосия. — Пришёл батюшка причастить вас!

О. Владимир приоткрыл глаза. «Слава Богу, — подумала м. Феодосия, — кажется, он в сознании». К немалому её и всех сестёр удивлению умирающий вдруг стал приподниматься. Все бросились к нему.

— Дай рясу! — сказал он чётко, обращаясь к м. Феодосии.

— Вы, батюшка, лежите! Не беспокойтесь...

— Рясу дай!

— Да, конечно, вот ряса, мы на вас её набросим.

Но он жестом потребовал, чтобы руки его просунули в рукава. Спустил с кровати ноги и встал. М. Феодосия очень испугалась, что он упадет, и подхватила его.

— Не беспокойтесь, отец Владимир! Сейчас войдёт священник, а вы сядьте!

— Отойди от меня! — сказал он торжественно, отстраняя её. — Я ГОСПОДА МОЕГО ВСТРЕЧАЮ!

Вошёл священник. О. Владимир сам подошёл к Святым Дарам и причастился. Перекрестился, вернулся к своему смертному одру, лёг, сложил на груди руки, закрыл глаза и умер. Погребли его на деревенском кладбище.

Митрополит Владимир писал м. Евдокии:

13/26 июня 1954

+

Досточтимая о Господе Матушка Евдокия!

Приношу Вам своё соболезнование по поводу кончины Вашего батюшки о. протоиерея Владимира Фёдорова. Описание его болезни и отхода ко Господу в жизнь вечную прочёл, и с тех пор ежедневно поминаем его в соборе во время Божественной Литургии...

Не успел написать вам вовремя..., что благословляется одеть в подрясник и апостольник сестру Софию Гамбург¹. Если сие

¹ Будущая монахиня Мария, переводчица православных служб с греческого и славянского на английский.

М. Иоанна (Баржанская)

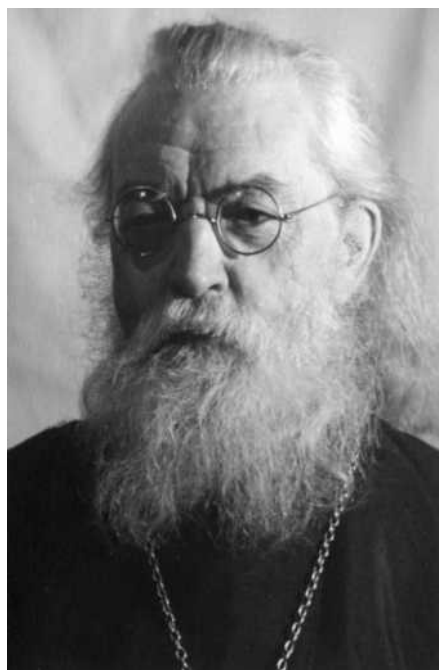
*С. София (Гамбург),
будущая м. Мария*

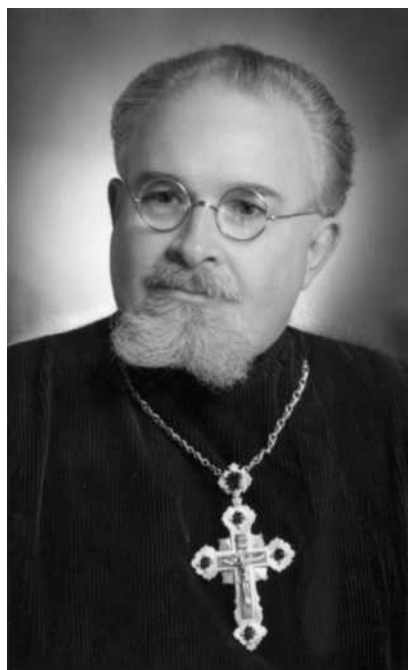
М. Ия (Брунс), 1955 г.

*Часовня преподобного
Серафима Саровского.
Фотография сделана
в день освящения в 1952 г.*

*О. Владимир Фёдоров,
1952 г.*

*О. Павел Пухальский,
1955 г.*

*Сёстры на пороге дома. Слева направо: м. Иоанна, м. Феодосия,
м. Евдокия, м. Ия, м. Илария и с. Таисия*

Нагружают воз сеном

Вход в Покровскую церковь. Фотография 60-х годов

уже совершилось, передайте новой сестре моё приветствие и благословение.

С пожеланием помощи Божией в трудах Ваших и просьбой о молитве о моём достоинстве богомолец

Ваш смиренный митрополит Владимир

Письмо, кроме последней приписки собственной рукой митрополита, написано под его диктовку с. Екатериной (Гирс), оставившей к этому времени Бюсси-ан-От и с 1950 года подвизавшейся в Париже при кафедральном соборе.

С октября 1955 года указом митрополита Владимира исполнять пастырские обязанности в Покровской обители в Бюсси был назначен протоиерей Павел Пухальский.

Насколько позволяло здоровье, м. Евдокия оставалась активной и с радостью путешествовала, когда чувствовала, что есть благословение Божие, и поездка совершается во славу Церкви и для пользы души. Так в 1955 году она приняла участие в паломничестве, которое было организовано епархиальным управлением Экзархата под водительством епископа Сильвестра (Харунса)¹ в Бари к чудотворным и мироточивым мощам Святителя Николая Чудотворца. В мае 1956 года она получила приглашение от сестры Женевьевы, настоятельницы протестантского монастыря Грандшамп, расположенного около Невшательского озера, приехать к ним на Съезд настоятельниц различных монастырей: католических, протестантских, англиканских. Через несколько месяцев она снова уехала в Швейцарию, но на этот раз в связи с резким ухудшением состояния здоровья. Из Швейцарии она писала сёстрам одухотворённые письма, одно из которых не раз публиковалось, но, тем не менее, мы

---

¹ Архиепископ Сильвестр (в миру Иван Антонович Харунс) (1914–2000) эмигрировал во Францию из Латвии. Окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже. Принимал активное участие в работе Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). С 1938 г. — иеромонах. Во время Второй Мировой войны был арестован гестапо и пробыл в заключении 6 недель. Епископ Мессинский, викарий юга Франции и Италии (1952). В 1963 г. переехал в Канаду. Епископ Монреальский и Канадский в юрисдикции Северно-Американской митрополии Русской Православной Церкви. Способствовал переходу этой митрополии к автокефалии и к формированию Православной Церкви Америки. В 1966 г. произведён в архиепископы и с 1974 по 1977 гг. временно управлял Православной Церковью Америки при болящем митрополите Иринее (Бекише). Скончался в 2000 г. Похоронен на Свято-Серафимовском кладбище близ Монреаля.

хотим напомнить читателю его текст, свидетельствующий о глубокой мудрости первой Покровской игуменьи.

+

Дорогие сёстры!

Поздравляю всех вас с нашим престольным праздником, горько сожалея, что не могу присутствовать на нём. Надеюсь соединиться с вами духовно через Причастие — служба будет в Лозанне на этот раз, не в Vevey — это полчаса езды поездом.

Меня радует, что все известия, получаемые из дому, говорят о дружной работе и о мире между сёстрами. Слава Богу!

Совершенства на земле быть не может, но если стремление ко Христу и Его Царствию объединяет хоть небольшую численно группу людей, собравшихся под Покровом Царицы Небесной, то надо за это благодарить Бога и дорожить монастырём. «Где двое или трое» собрались во Имя Божие — там и Господь. Трудное наше время, трудно соединяются люди — вражья сила стремится распылить, разорвать духовную связь между людьми, потому мне всегда казалось особенно важным именно теперь скреплять эти связи. Связующее начало — любовь, терпение — это уже преддверие Царства Божия. И монашество — это один из путей к совершенству христианскому — Царствию Божию. Не знаю, на что каждая из нас способна в одиночку, но наша совместная жизнь под Покровом Святого Омофора Божией Матери нужна и нам самим, и всем тем, кого приводит к нам Господь. Это наше служение Богу, и это — наше служение людям.

Дай вам всем Господь продолжать свой труд в мире и в возможно добром здравии. Помолитесь обо мне грешной,

нед. игум. Евдокия

Прошу передать мой привет и поздравление Александру Павловичу, Николаю Георгиевичу и всем нашим жителям.

А вот отрывки из писем матушки Евдокии из швейцарского санатория к м. Феодосии:

1.3.1957

+

Дорогая моя Феодосинька!

...Скажите всем сёстрам, что я прошу их прощения перед наступающим Постом, что сердце моё с ними, и что будет неизбежно много искушений. Духовные мечи, как и железные, не

†

Дорогий сестрич,
Поздравляю всех вас с нашими престав-
ленными праздниками, горючо сожалею, что
не могу присутствовать на нем. Настрою
соединения с вами духовно через Кри-
стиана - Святца Буденца и Лозакана на
этом разе, не и Кевеу - это 1/2 часа в день
каждому.

Меня радуют, что вы ищете, помагаю
из дому, говорите о дружной работе и
о мире между сестрами. Слава Богу!

Совершенство на земле быть не может,
но все стремление к нему и Его царства
обединяет всех истинно любящих
группу людей, соединивших под покровом
Царства Небесного, то надо же это благода-
рять Бога и доверять похвалиться. "Есть
два и м три" собираем то Иисуса Христа - там
и Господа. Труднее наше дело, трудно
соединяют люди - вранья сила ступенчат
распачать, как разорвать духовную связь
между людьми, потому мы всегда
особенно казались важными именно
теперь скрывались эти связи. Связующее
качалось - любовь, терпение - это уже предвкусие
Царства Божия. И монашество - это один

должны ржаветь в ножнах, и потому Господь посылает или, во всяком случае, попускает такие казусы, где приходится ими пользоваться — назвался воином Христовым — и воюй. Воинов вообще стало маловато в мире, потому атаки — злей, да и то надо благодарить Бога, что Он не даёт нам испытать ещё худших вещей. Итак, мысленно кланяюсь всем земно.

Христос с Вами!

Недост. игум Евдокия

Вербное Воскресение 1957

+

Дорогая моя Феодосинька!

Поздравляю с днём Ангела! Что Вам пожелать? Всё того же — спасения, что лучшее на свете? Вспоминала Вас и всю субботу Лазареву¹ и не написала просто от лени, зная, что уже теперь не к чему и бумагу махать, скоро, слава Богу, увидимся.

Душеполезную совершивши Четырдесятницу, праздновали с с. Иоанной Вход Господень в Иерусалим так: вечером (поздно, за неимением у неё времени) прочитали и пропели канон святому Лазарю и всенощную, а сегодня рано утром она ко мне забралась в 6 часов, и мы тихонько пропели всё, что поётся на литургии, прочли Апостола, Евангелие, и она принесла святой воды, мы ею причастились с кусочками Вами присланной просфорки, а потом она пошла по своим делам, а я заснула и видела во сне Литургию, но причащаться не могла, т. к. помнила, что просфору мы уже ели. Да, ещё забыла сказать, что всенощная была с иерусалимскими свечками и большой пальмой, которую мы поставили к иконам, а в руках держали маленькие вербочки...

И ещё одно письмо из Швейцарии, глубокое и проникновенное, написанное 18 января 1957 года:

+

Дорогая моя Феодосинька!

Я Вам в своё время не ответила на Ваше ласковое и милое письмо, которое Вы мне написали на Рождество, но оно у меня лежит на сердце, как нечто согревающее, спасибо Вам. Трудно, конечно, знать, что идут такие чудные службы, а ты смотришь в окошко и иногда из-за тумана даже не видишь гор. Но когда подумаешь, как иной раз все святые слова пролетали из одного уха в другое, думаешь: поделом ворю и мука. Кроме того, здесь

---

¹ День монашеского пострига монахини Феодосии.

я иногда внимательно прочитываю службы — это маленькое утешение, но Литургию ничто заменить не может.

...Нелёгкую задачу задал нам Бог после воплощения Своего Сына — как усвоить Новый Завет. Старый был проще. Я много читаю Библию — как всё было ясно и определённо. Всё лежало на поверхности и было видно: праздники, обрезание, жертвы, элементарная справедливость. И как труден для исполнения духовный Христов закон. Подлинно надо вновь родиться, и не один раз, а всё время обновляться, борясь против этой самой очевидности и в суждениях и в чувстве. Всё ушло внутрь, как и Царство Божие «внутри вас есть». И все оценки переменялись...

Николай Георгиевич Чистяков (1905—1981), упоминаемый м. Евдокией в одном из писем, был несчастный русский человек, которого сёстры Покровской обители взяли на поруки. В конце Первой мировой войны он, будучи тринадцатилетним мальчиком, убежал на фронт вместе со своим другом, такого же, как он, возраста. Этого друга на глазах у Николая взрывом бомбы разорвало на куски. От потрясения Чистяков помешался. Как он оказался во Франции, трудно сказать. Безобидный и тихий, он разгуливал по стране без определённой цели. Иногда его подбирала полиция. М. Евдокия, услышав о нём, пожалела этого взрослого ребёнка, приютила и пристроила к монастырскому огороду.

Николай Георгиевич оказался трудолюбивым и работу в огороде любил. Но у него были разные причуды. Так, например, в весенние месяцы его неудержимо тянуло в Ниццу. Тогда он из Бюсси убегал и скитался где придётся, голодный, без денег. Конечно, попадал в жандармерию, где уже знали, что человека с такой фамилией следует препровождать в Бургундию в православный монастырь.

Покровские монахини Чистякова за причуды нестрога, но распекали. Особенно доставалось ему от суровой м. Ии. Однажды она довольно долго журила его за недостойное поведение. Они стояли в коридоре, Николай Георгиевич мрачно слушал. Высказавшись, м. Ия пошла по коридору.

— Если бы наша мать Ия была бы Евой, — услышала она себе в след обиженный голос, — она бы никогда не дала бы Адаму яблоко!¹

Чистяков был по-своему благочестивым человеком, он часто уединялся в часовне преподобного Серафима Саровского, где молился или читал Евангелие.

---

¹ Эта история нам стала известна благодаря присутствовавшим при разговоре м. Ии и Н. Г. м. Феодосии и Александру Павловичу.

Глава 10

Обретение мощей святого праведного Алексия Южинского. — Смерть митрополита Владимира (Тихоницкого). — Воспоминания современников. — Священник Алексей Панчулидзеv. — Новые сёстры. — Поездки в Америку. — Кончина игуменьи Евдокии

В 1956 году все православные церкви Франции облетело известие о необыкновенном событии. В августе месяце на юго-востоке страны, в городе Южине (Ugine)¹ на местном кладбище было обнаружено совершенно нетленным тело русского православного священника протоиерея Алексия Медведкова², бывшего настоятеля южинского прихода, скончавшегося 22 августа 1934 года. По распоряжению мэрии Южина старое кладбище должно было быть перенесено на новое место. Именно тогда при перемещении ряда могил в присутствии нового настоятеля

---

¹ Верхняя Савойя.

² Протоиерей Алексей Иванович Медведков (1867–1934) родился в селе Фомищеве Вяземского уезда, Смоленской губернии в семье священника. В 1889 г. окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге. С 1900 г. — псаломщик церкви св. великомученицы Екатерины на Васильевском острове. В 1895 г. рукоположен сначала в дьякона, потом в священника, назначен служить в село Вруду Ямбургского уезда, С.-Петербургской губ., где прослужил 23 года. После революции был арестован, подвергался пыткам, был приговорён к расстрелу. Ему удалось освободиться и бежать со всей своей семьёй в Эстонию. 10 лет, проведённых в этой стране, были чрезвычайно тяжёлыми: о. Алексей работал на сланцевых рудниках простым шахтёром и окончательно подорвал здоровье от непосильного труда. В 1923 г. — сверхштатный священник в Богоявленском храме в Иевве. В 1929 г. принят в епархию митр. Евлогия, с 1930 г. настоятель церкви в честь св. Николая-Чудотворца в городе Южине. После смерти на могиле о. Алексия совершались чудеса. Канонизирован Вселенским Патриархатом в лике святых 16 января 2004 г.

Святой праведный Алексий Южинский

прихода протоиерея Филиппа Шпортака была вскрыта и могила о. Алексия. Раскапывая ее, могильщики, к собственному удивлению, вдруг побросали лопаты и стали разгребать землю руками... Гроб о. Алексия истлел, а его тело, облачение и Евангелие сохранились целыми, несмотря на сырую почву, — о. Алексей лежал почти в воде.

— Было такое впечатление, что покойник находился здесь всего несколько дней! — рассказывал позднее один из рабочих.

Не было не только никаких признаков разложения, но и признаков высыхания тканей, тогда как все другие тела, погребённые на этом кладбище истлели, от них остались лишь кости. Истлели и тела двух казаков, похороненных рядом с о. Алексием.

Местные власти в присутствии протоиерея Филиппа Шпортака, врача и полиции констатировали факт нетления и составили протокол.

О. Филипп переносил останки о. Алексия за свой счёт в купленную им для себя на новом кладбище могилу. Ожидая найти только кости, он привёз с собой слишком узкий гроб, в который удалось поместить усопшего с большим трудом, причём руки ему пришлось положить на плечи. Позже один из могильщиков рассказывал м. Феодосии:

— Матушка, у него руки гнулись, как у вас и у меня — совершенно как у живого!

Могила на новом кладбище ещё не была готова, и блаженнопочивавший о. Алексей некоторое время оставался лежать непогребённым при сильной жаре, но ни солнечные лучи, ни воздух не подвергли его никакому изменению. 11 августа 1956 года в присутствии о. Филиппа тело о. Медведкова было вновь предано земле. О. Филипп отслужил панихиду.

«Прошло несколько месяцев, когда в газете “Русская Мысль” появилась краткая заметка о совершившемся чуде. Прочтя её, настоятель храма при Покровской обители в Бюсси, о. протоиерей Павел Пухальский тотчас же поехал в Южин узнать подробности этого события на месте. Вернувшись оттуда, он посетил митрополита Владимира, а затем послал подробный рапорт, снабжённый документами, в Епархиальное Управление, выражая надежду, что нетленное тело о. Алексия будет перевезено в Сент-Женевьев на русское кладбище. Митрополит горячо отнёсся к этому событию и лично входил во все подробности, относящиеся к перевозу тела. К сожалению, самому вла-

дыке митрополиту участвовать в торжестве перенесения гроба не пришлось по болезни, что очень его огорчило»¹.

Перевоз гроба был связан со значительными расходами. С благословения его высокопреосвященства на осуществление этого церковного торжества во всех храмах Экзархата был произведён сбор, в котором, конечно, участвовала и Покровская обитель.

За гробом должны были приехать 2 октября 1957 года, а 30 сентября в отсутствие о. Филиппа Шпортака гроб был вынут из могилы кладбищенскими рабочими и без разрешения вскрыт. Жители Южина: французы, русские, итальянцы, поляки — потянулись на кладбище. Тело оставалось таким же, как год назад, не подвергшись никаким изменениям.

2 октября из Парижа в Южин прибыл секретарь Епархиального Управления К. М. Князев, а от Покровской обители — о. Павел Пухальский и монахиня Феодосия.

Утром 3 октября гроб с кладбища был перевезён в Южинскую православную церковь, где о. Филипп и о. Павел собирались отслужить панихиду. М. Феодосия стала на клирос, предполагая, что она в храме единственная певчая. Каково же было её удивление, когда на возглас священника мощный хор у неё за спиной ответил: «Аминь». Как выяснилось, неожиданно в этот день на заводах Южина была объявлена забастовка, что позволило множеству русских, там работавших, придти в храм и почтить память почившего, подвиг которого был отмечен Самим Господом.

По дороге в Сент-Женевьев по настоянию о. Павла гроб был завезён в Покровскую обитель, чтобы дать возможность всем монахиням и насельникам монастыря поклониться мощам о. Алексия. Неисповедимы пути Господни. Через 47 лет в 2004 году святой праведный Алексий Южинский, прославленный в лике святых Вселенским Патриархатом, вернулся своими мощами в Бюсси-ан-От почивать в мраморной раке под сводами нового Преображенского храма.

4 октября 1957 года на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа в Успенской церкви при громадном стечении народа епископ Мефодий (Кульман) отслужил заупокойную литургию и панихиду в сослужении многочисленного духовенства. О. Павел Пухальский подробно рассказал о жизненном пути протоиерея Алексия и отметил, что на посвящение в иерейский сан ему дал благословение святой праведный Иоанн Кронштадтский. Гроб был обнесён вокруг храма и спущен в склеп в крипте.

---

¹ Журнал «Вечное» № 121, январь. Asnières, 1958. С. 21.

Тело о. Медведкова находилось в первой могиле двадцать два года. Он умер от общего рака, причём настолько был изъеден болезнью, что врачи в больнице, опасаясь скорого разложения, поспешили с положением во гроб.

«Однако жизнь о. Алексия ничем не была замечательна. Как многие русские, он пострадал от революции, в эмиграции долгие годы зарабатывал хлеб физическим трудом, наконец очутился в глухом, провинциальном приходе. Смирение, незлобивость, терпение, молитвенный подвиг — вот какие качества проступают в жизни о. Алексия. И именно в этих негромких, незаметных, но вместе с тем столь редких, столь нужных христианских качествах и лежит тайна прославления о. Алексия и глубокий смысл этого прославления для нас. То, что Бог прославил скромного труженика на ниве Господней, непризнанного при жизни, забытого после смерти — не может быть случайностью. Православие, в силу исторических обстоятельств, переживает глубокий кризис: оно немощно. Немощно перед другими вероисповеданиями, более благополучными и могущественными; немощно перед силами зла, прибегающими теперь для покорения людей к поразительным чудесам техники... Но прославление о. Алексия напоминает нам, что сила Божия в немощи совершается. Оно предупреждает нас, что не нужно отчаиваться, когда так часто в нашей церковной жизни мы чувствуем себя одинокими и бессильными. Мы часто мечтаем о широком поле деятельности, о видимом торжестве Православия в мире. Не соблазняемся ли мы призраками? Богу угодны не шумные успехи, не громкие подвиги, а твёрдое и скромное исполнение нашего долга. И как призрел Господь смиренного своего труженика, так, мы можем надеяться, Он примет и наши скромные дела».¹

18 декабря 1958 года в Париже от инфаркта скончался митрополит Владимир (Тихоницкий). Весть о его смерти, «хотя никого не удивила — все знали, что жизнь в нём догорает, — встречена была с глубокой скорбью: почивший архипастырь был окружён горячей любовью и искренним уважением, как духовенства, так и мирян».² После соборования³, за час до смерти,

¹ Струве Н. А. Вступительная статья // Вестник РСХД. Париж—Нью-Йорк, 1957. №47. С. 1.

² Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. Париж, 1965. С. 241.

³ Соборовали владыку и молились вместе с ним архимандрит Роман Золотов, будущий епископ, и протоиерей Александр Чекан.

владыка горячо молился. Выслушав псалмы полунощницы «Воздвигох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя» и др., и песнь Богородицы: «Величит душа моя Господа», он радостно возгласил с особой, ему присущей интонацией, как, бывало, в церкви пред престолом: «Слава Тебе, Показавшему нам Свет!» Прослушав Великое славословие, сам полностью произнёс всю просительную ектенью: «Исполним утреннюю молитву нашу Господеви... Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже Твоею благодатию... Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим...», потом попросил прочитать некоторые молитвы из благодарственных, в конце которых воскликнул: «Вси святии, молитесь Бога о нас!» Душа его стала отходить, ещё несколько минут предсмертных страданий, и «Божий светильник угас на земле¹». Когда покойному владыке вкладывали в руку крест, то она сжалась, как живая.

Во время заупокойной службы протопресвитер Василий Зеньковский произнёс следующие слова:

Сегодня мы прощаемся с владыкой Владимиром, и сердца наши полны печали. От нас ушёл не только наш архипастырь, наш первосвященник, — ушёл от нас праведник. Все, кто имел случай узнать ближе покойного владыку, не мог не чувствовать при общении с ним, что это был подлинный праведник. От него всегда излучалась любовь, приветливость, благожелательность, — наш владыка как бы сиял тем внутренним светом, который исходил от его постоянного погружения в молитву. И делом, и жизнью наш владыка во всём служил Богу, как бы всегда предстоял Ему. К нашему владыке в полной мере применимы слова тропаря святителям: «правило веры, образ кротости, воздержания учитель». Действительно, покойный владыка был, прежде всего, «учителем воздержания» — не только в пище, но и в слове, в суждении о людях. Он был в то же время «правилом веры», постоянно отдавая себя молитве; без молитвы владыка не принимал никаких решений. Господь, поставив владыку во главе нашего экзархата, живущего в чужой и инославной стране и вследствие этого подверженному всяким испытаниям, возложил на владыку тяжёлое бремя, которое он нёс тихо и бережно, всегда во всём опираясь на молитву. Бывали случаи, когда приходилось просить владыку о принятии немедленного решения по какому-либо делу, но владыка всегда сначала становился на молитву и тогда лишь принимал решение.

---

¹ Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. С. 233.

Но особенно применимы к нашему владыке слова из приведённого тропаля «образ кротости». Смирение владыки было поистине безгранично, и оттого он всегда пребывал в мире, в радости. Владыке был дан особый дар *ласковой* любви. Бывает ведь любовь подлинная, но безласковая, а наш владыка всегда был ласков. Тайна этой ласковости лежала в его тихой кротости, в смирении, в безраздельной отдаче себя воле Божией.

Жизненный путь митрополита Владимира был усеян трудностями, даже терзаниями. Только те, кто близко стоял к нему, знают, сколько терзаний испытывал он от различных осложнений в церковной жизни. Они истомляли его, подтачивали здоровье, но не ослабевал в нём дух кротости и любви к людям.

Будем же утешаться в эти скорбные для нас дни тем, что владыка был с нами, что свет, который был в нём, сиял нам. Мы знаем, что когда кругом сгущается тьма, когда одолевают нас печаль и испытания, то прибежищем нам может быть только Церковь. И то, что покойный владыка всегда жил духом Церкви — можно сказать, жил Церковью, — давало ему силу хранить в душе правду Христову. Принимая в юные годы монашество, владыка не предполагал, на какую высоту поставит его Господь, но, по слову того же тропаля, он «смирением стяжал высокое».

В смирении, в молитве, в безраздельной отдаче себя Богу была сила владыки, та вечная красота личности, перед которой всегда склоняются люди. Будем же молиться об упокоении души незабвенного нашего владыки.¹

Преемником митрополита Владимира на посту первосвященителя стал архиепископ Георгий (Тарасов).²

Но вернёмся в Бюсси и предоставим слово о Покровской обители её друзьям.

---

¹ Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. С. 235—236.

² Георгий, архиепископ Сиракузский, в миру Георгий Васильевич Тарасов (1893—1981). По образованию инженер-химик. Будучи военным лётчиком, был направлен в 1916 г. на Западный фронт изучать принципы, применяемые французской авиацией. После революции 1917 г. остался на западе в Бельгии. Священник (1930). Овдовев, принял монашество. Викарный епископ митр. Владимира (1953). После смерти митр. Владимира — архиепископ Западно-Европейских русских церквей. Похоронен в крипте церкви Успения Пресвятой Богородицы в Сент-Женевьев-де-Буа.

Рассказ чтеца и регента Алексея Владимировича Циолковича¹.

Впервые я приехал в Покровскую обитель в 1955 году на праздник Успения Пресвятой Богородицы, мне шёл четырнадцатый год. В это время там жили монахини: м. игуменья Евдокия, м. Ия, м. Феодосия, м. Глафира, м. Сергия. Рясофорные инокини: с. Иустина, с. Таисия, с. Илария, с. Иоанна. А также послушницы: с. Матрона, потом ставшая в иночестве с. Анной² (ей было уже 86 лет, и её все почему-то называли Нянюшкой), с. Галина, совсем маленького роста, впоследствии инокиня Иульяния, у которой был дивной красоты голос (нот она не знала, по-славянски читать не умела, но на слух пела прекрасно) и с. Наталья³. Священником в Покровской обители был о. Павел Пухальский, сын протоиерея Михаила Пухальского. У него был настоящий русский тенор, а богослужение он знал наизусть.

Тогда же был такой случай. Умирала м. Иустина. М. Евдокия велела всем сёстрам облачиться в рясы и придти в церковь читать отходную. Вошёл о. Павел Пухальский: «Будем служить молебен о здравии!» Ему говорят: «Батюшка, уже пора читать на исход души!» «Нет! Молебен!» Отслужил молебен — она поправилась и прожила ещё несколько лет.

Вообще в монастыре умели молиться! Особенно, конечно, мать игуменья. Я сам испытал на себе силу монастырской молитвы. Однажды я сдавал экзамены, чтобы получить высший диплом преподавателя. Был очень трудный конкурс. В обители мне сказали: «Мы все-все-все будем за тебя молиться». Это были не просто слова! На экзамене я в какой-то момент растерялся: мне надо писать, и вдруг закрадывается мысль: «ничего у меня не выйдет» И тут я почувствовал силу молитвы монахинь просто физически. Она меня как бы понесла!

---

¹ Алексей Владимирович Циолкович род. в 1941 г. в Париже. Чтец, регент. Окончил Сорбонну, Школу восточных языков, учился музыке, в том числе в Русской консерватории им. С. Рахманинова. Преподавал русский язык в университете, лицее, колледже; церковнославянский — в школе Общества ревнителей церковного пения. Был регентом во многих православных церквях Франции и Западной Европы.

² С. Анна, в миру Матрона Лулакова († 1959). Пострижена в иночество архимандритом Евфимием (Вендом) в 1957 г. Погребена на кладбище в Бюсси-ан-От.

³ Послушница Наталья, в миру Наталья Петровна Велецкая, в скором времени оставила Покровскую обитель.

Пасха 1966 г.
Слева направо: м. Сергия
(Дараган), отец Алексий
Циолкович, гостя монастыря

М. Евдокия и м. Мария
(Гамбург) за работой.

В 1959 году о. Павел Пухальский уехал из монастыря, и через некоторое время м. Евдокия пригласила в обитель о. Алексия Панчулидзева. До принятия священства он был военным и служил в Русском корпусе во Франции. Дослужился до звания полковника. Получил тяжёлое ранение в ногу, после чего всю жизнь хромал. Священником он стал в семьдесят два года и в Покровской обители жил до самой своей смерти. Когда с ним случился удар, он понял, что жить ему осталось недолго. За ним ухаживала м. Феодосия, и он ей сказал: «Я умираю и очень бы хотел, чтобы меня отпевал владыка Мефодий». М. Феодосия говорит: «Слушайте, батюшка, сегодня у нас пятница, владыка Мефодий приезжает к нам во вторник. Умрите в воскресенье, и владыка во вторник вас отпоёт!» «А вы думаете, он согласится?» «Я за это ручаюсь». «Спасибо, матушка, как вы меня успокоили!» Он умер в воскресенье, и во вторник его отпели¹.

В пятидесятых годах в обитель поступила талантливая англичанка сначала сестра, а потом мать Мария, занимавшаяся переводами церковных служб с греческого и славянского на английский. М. Евдокия, хорошо владея английским языком, все переводы сама тщательно проверяла. М. Марию она очень любила.

Я приезжал в обитель регулярно на все каникулы и иногда на всё лето. Провёл дважды Великий пост. С 1957 года я обязательно приезжал на Страстную неделю и праздновал Пасху. И так в течение двадцати семи лет до 1984 года.

Мать игуменя по своей роли в моей жизни была для меня уникальным человеком. Я верю, что она действительно меня любила. Я до сих пор вспоминаю с благодарностью её слова: «Мальчик, у нас иногда есть место, чтобы принять гостей, а иногда богомольцев слишком много, и нам приходится отказывать. Но ты имей в виду: сколько бы ни было у нас народу, для тебя мы место всегда найдём».

Недавно я первый раз в жизни видел м. Евдокию во сне. Обычно я, если вижу людей в сновидениях, то очень неясно. А м. Евдокия была как живая и такая родная, своя! Я почувствовал необыкновенную радость, когда её увидел. Она была в чёрной монашеской одежде. Я ей сказал: «Матушка, помолитесь обо мне на небе!» Она мне ничего не ответила, но мне показа-

---

¹ Иерей Алексей Панчулидзеv скончался 11 февраля 1964 г. Похоронен на кладбище в Бюсси-ан-От.

лось, что она пришла напомнить мне о том, что нужно больше думать о своей душе, о покаянии¹.

---

¹ Автор этой книги может добавить следующее:

Когда наша матушка игуменья Ольга вызвала меня и поручила писать биографию игуменьи Евдокии, то я впала в большое смущение, потому что лично с основательницей нашего монастыря не была знакома (поступив в монастырь уже после её смерти) и знала о ней только понаслышке. Я попробовала найти её архив, но мои поиски закончились неудачей: никаких бумаг нигде не было. Никто из сестёр даже толком не знал, где м. Евдокия родилась — в некоторых биографических статьях указывалось, что в Ялте, а наша монахиня Елизавета помнила, что в Москве. Огорчённая бесплодными поисками, я пришла к себе в келью и прилегла немного отдохнуть.

Я очень редко вижу сны, а если вижу, то привыкла не обращать на них никакого внимания, и они сразу мной забываются. На этот раз я, задремав, увидела вдруг м. Евдокию. Она вошла ко мне в келью в полном монашеском облачении и села в изголовье моей кровати. Она мне сразу очень понравилась, тем более она смотрела на меня так ласково! М. Евдокия была совершенно как живая, я ей так и сказала: «Матушка, так вы живы! Тогда скажите мне сами, где вы родились!» Она ничего не ответила, а просто посидела со мной недолго, встала и вышла из кельи.

На следующее утро м. Елизавета при встрече мне сказала «Я вспомнила, где хранятся некоторые бумаги покойной матушки». С этого момента материалы, касающиеся м. Евдокии, стали сыпаться на меня, как из рога изобилия. Но важно было найти живые свидетельства, то есть воспоминания людей, которые хорошо её знали, чтобы по возможности восстановить для читателя её светлый облик. Так в этой книге появились интервью с современниками.

М. Ольга посоветовала мне обратиться с просьбой рассказать о м. Евдокии к регенту А. В. Циолковичу. Я ему позвонила (а до этого случая никогда не говорила с ним по телефону), и у нас произошёл следующий разговор: «Добрый день, Алексей Владимирович! С Вами говорить монахиня Силуана из монастыря в Бюсси-ан-От». «А! Добрый день! А вы знаете, я третьего дня видел во сне покойную м. Евдокию!» и т. д. (см. выше). Поразительно было совпадение наших снов. Поговорив с А. В. и условившись о встрече, я отправилась к себе в келью и по дороге столкнулась с москвичкой Марией Николаевной Кречетовой, только что приехавшей к нам в гости. (Искусствовед М. Н. Кречетова — дочь протоиерея Николая Кречетова и племянница протоиерея Валериана Кречетова). Она мне подарила книгу о Валериана, только что изданную в России. Я взяла книгу и открыла её на главе, в которой о Валериане пишет о явлении усопших. Мой взгляд сразу остановился на словах: «...этот мир и тот мир связаны между собой очень тесно».

Все эти события уверили меня в том, что м. Евдокия лично следит за составлением её жизнеописания и что эту работу необходимо сделать.

У м. Евдокии было чувство юмора. Она любила посмеяться, и когда смеялась, то от всей души каким-то здоровым хорошим и заразительным смехом. С ней даже м. Ия смеялась, обычно такая строгая монахиня.

Она была матерью всем сёстрам, и всем нам, кто её близко знал. Я бы мог сравнить сестёр Покровской обители с двенадцатыми праздниками. Невозможно не любить великих праздников: Рождества, Крещения, Преображения. Так вот мать игуменья возвышалась над всеми, как Пасха, в ней была пасхальная полнота. А это свойственное ей невозмутимое спокойствие, с которым она вела монастырь! Она именно вела своих монахинь: плавно, без нажима. Как-то так получалось, что послушания, которые она им раздавала, были именно те, которые им необходимо было нести, и слова она им говорила именно те, которые им нужно было услышать.

И конечно же, все приходили к ней со своими горестями. Она умела утешить, как никто.

Когда-то иерей Алексей Панчулидзе в письме к другу рассказывал о себе:

23 июля 1961 г.

...Жизнь моя текла [в Париже] мирно. Занимался я картинами с антикварами и дожил до 67 лет безболезненно. В 67 лет, то есть 10 лет тому назад, у меня был не слишком сильный удар, после которого я поступил в Дом для недужных..., где прожил два года превосходно в самом Париже. Затем нас перевели в Сагпу... В этом доме, считающимся прекрасным, мне совершенно не нравилось. Как раз в день преподобного Серафима Саровского, когда я молился в его храме, было у меня видение, послужившее мне призывом к священству. Я подал прошение владыке, и вскоре был ответ. В 71 год я стал на полгода слушателем Духовной нашей Академии на rue de Crimée¹. 15 июля 1956 года я был посвящён в дьякона, а 28 августа того же года во иерея епископом Мефодием в церкви кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа...

При жизни о. Алексей повторял: «Если я сподоблюсь дерзновения у Господа Бога, то мой престол здесь никогда не будет пустовать». Скоро будет 48 лет, как он умер, но мы можем за-

¹ То есть, на Крымской улице, где в Париже находится Свято-Сергиевский Богословский институт.

*Епископ Сильвестр (Харунс) в гостях у сестёр
Покровской обители. Слева от него — о. Алексий Панчулидзеv.*

свидетельствовать: в нашей обители в Бюсси-ан-От всегда были служащие священники¹, и совершалась Литургия. Это позволяет нам надеяться, что о. Алексей получил у Бога дерзновение молиться за свой престол, за монастырь и за всех монахинь и насельников, здесь проживающих.

После смерти о. Алексея Панчулидзева в течение девяти лет в Покровской обители не было постоянно проживающего священника. Матушка Евдокия приглашала какого-нибудь батюшку на воскресные и праздничные службы с благословения архиепископа. Регулярно из своего скита приезжал исповедовать сестёр архимандрит Иов и обязательно служил. В 1973 году в монастырь прибыл иеромонах Гавриил (Патачи)² и стал настоятелем Покровского храма. Он десять лет прожил в Бюсси-ан-От до своей смерти в 1983 году.

Рассказ протоиерея Михаила Фортунато³.

Когда я в шестидесятые годы познакомился с игуменьей Евдокией, мне было около 30 лет. Она была, конечно, гораздо старше меня. В 1960 году мы с женой только что поженились и жили в Лионе. А если ехать из Лиона в Париж, то Бюсси получается почти по дороге. И моя первая встреча с м. Евдокией произошла в Бюсси. В то время я жил церковной музыкой. Матушка Евдокия очень это поощряла и советовалась со мной о том, как её устроить в Покровской обители монастырский хор, притом что певчих мало и не было ещё сестры-регентши.

---

¹ В Западной Европе недостаточно православных священников.

² Иеромонах Гавриил, в миру Георгий Патачи (1932–1983). По происхождению венгр. Род. в Будапеште в католической семье. Получил высшее богословское и философское образование, в совершенстве знал семь языков: венгерский, русский, английский, французский, итальянский, немецкий, греческий. Священник (1962). Перешёл православие в сущем сане (1972). Принял монашество (1979). Преподавал историю Византийской Церкви в Свято-Сергиевском Богословском институте. Погребён в Бюсси-ан-От на деревенском кладбище.

³ Протоиерей Михаил Всеволодович Фортунато род. в 1931 г. в Париже. Учился в Русском кадетском корпусе в Версале. Участник войны в Алжире, офицер-танкист. Окончил Свято-Сергиевский Богословский институт (1956), доктор богословия. В 1962 г. переехал в Англию. Регент кафедрального собора во имя Успения Божией Матери в Лондоне. Священник, протоиерей (1969). Один из самых авторитетных специалистов в области теории и истории православного церковного пения.

То есть Клифос обители нуждался в помощи. Я смотрел, умеет ли сама м. Евдокия петь, и скоро убедился в том, что она прекрасно знает богослужение, что произвело на меня большое впечатление. Я только что окончил Богословский институт, все тонкости устава были свежи в моей памяти, поэтому я мог оценить её опыт псаломщицы. Она знала абсолютно всё и желала, чтобы её сёстры, в первую очередь это касалось Клифшан, глубоко изучили устав.

Одновременно я познакомился с монахиней англичанкой м. Марией (Гамбург), которая занималась переводом православных служб на английский язык. Мы с женой в ту пору как раз собирались переехать в Англию, так что встреча с м. Марией была значительным событием в моей жизни. Потом я неоднократно с ней виделся и переписывался, просил у неё переводы, и она всегда с охотой мне их давала или пересылала.

Я понял тогда, что м. Евдокия — человек, мыслящий масштабно. С одной стороны, она воплощала в себе ответственность за своё игуменское служение в Бюсси, а с другой стороны, сочетала его с широтой взглядов и заботой о судьбе православия. Зная английский язык, она мыслила, если можно так сказать, в масштабах всей Америки. Она поддерживала м. Марию в её трудах переводчицы, полагая, что православные богослужебные книги могут быть изданы в Англии, но в Америке они когда-нибудь найдут свой спрос.

При мне они размышляли о терминологии. Вот, например, имя Богородица. Оно состоит как будто бы из двух несоединимых понятий, потому что никто не рождает Бога. А вот у нас есть Богородица. По-английски никакого похожего слова не было, только одно очень неуклюжее *Birthgiver* (кажется, это придумали первые русские эмигранты), то есть «Рождение дающая», которое, конечно, не звучит, ударение не в том месте, и оно не привилось. М. Евдокия с полной ответственностью проявила смелость в своём издании употребить греческое слово *Теотокос*. Это было, можно сказать, судьбоносное решение. Потом в иностранных переводах православных богослужений греческое *Теотокос* употреблялось очень широко. Я не знаю, пошло ли это от игуменьи Евдокии или путь распространения этого слова был иной, но, в любом случае, она одна из первых его применила. Англичане всё-таки его не приняли, они называют Богородицу *Mother of God* и только, считая, что это то же самое. У английских греков, конечно, *Теотокос*. Но вся Америка знает это слово и употребляет повсеместно.

Мы с женой жили уже в Англии, когда я узнал, что в Лондон приезжают м. Евдокия и м. Мария. Я попросил их со мной встретиться, потому что меня интересовал их отзыв на наши английские службы, которые у нас тогда только начинались, и я сам клал музыку на английские слова. Я дал им послушать запись всенощной, которую нам удалось осуществить (это была первая всенощная по-английски) в нашем соборе. Они внимательно прослушали и одобрили. На все мои вопросы м. Евдокия отвечала очень компетентно. Это касалось и переводов на английский язык, и моих гармонизаций.

Я помню, что м. Мария обратила моё внимание на тот факт, что по-английски часто ударение падает на предлог. Например, *Lord have mercy upon us*. Ударение здесь не на местоимении *us*, а на предлоге *upon*, и это надо учитывать при переложении на музыку.

В тот их приезд мы навестили на дому сестру м. Марии. Её звали немножко странно для женщины — Майкл. Известно, что отец их, Марк Гамбург, был выдающийся пианист, эмигрировавший в Англию из России. Майкл тоже была замечательная пианистка. Она нам играла на форте. Как она играла! Это незабываемо! И м. Мария, вне всякого сомнения, была от природы музыкальна, а потому тонко реагировала на все сложности, возникающие, когда встаёт вопрос, как приспособить те или иные слова для хорового исполнения.

Игуменья Евдокия была удивительной натурой. Она меня поражала спокойствием. Когда к ней подходили с вопросами, с текущими делами, она давала ответы просто и спокойно так, как если бы она была специалист во всём. В глубине души она была настолько умной, что у неё на все вопросы всегда были замечательные ответы. Особенно это касалось, конечно, внутренней жизни. И, что было важно, она никогда ни на кого не нажимала, она была благостной. Но одновременно она умела быть строгой, потому что правда есть правда. Она была матерью. Игуменский её авторитет был высок необычайно. Я такое видел первый раз в жизни, и это стало для меня откровением.

Я также знал её сестру, игуменью Дорофею. И вот — контраст между людьми — они были совсем разные. М. Евдокия — это царица. Она царствовала над жизнью. В ней не было ни страха, ни тревоги. Всё, что совершалось с её благословения, шло хорошо и благостно. М. Дорофея была другая. Я не хочу её принижать, потому что она была и толковая, и хозяйственная, и очень услужливая. Она ухаживала в Муазене за стаффиками

О. Евфимий, 1964 г.

М. Дорофея

*М. Евдокия и будущий о. Михаил Фортунато, 1962 г.
На обороте фотографии написано: on the way from Lyon to London.*

и старушками, и хорошо это делала. Но масштаба м. Евдокии в ней не было.

В Муазене у м. Дорофеи служил архимандрит Евфимий. Я был с ним знаком, потому что он приезжал в Богословский институт по приглашению совета профессоров. Он общался с семинаристами, они его очень полюбили, и многие стали его духовными детьми. О. Евфимий был мудрый, в нём ощущалось истинное старчество. И облик его был замечательный: продолговатое аскетическое лицо. Мы, студенты, часто ездили в Муазене. Как любовно он нас принимал! Мы чувствовали любовь и доброту, от него исходящие. В миру он был инженер-кораблестроитель. Это само по себе говорит о многом. Что это значит? А это значит, что он математику знал хорошо. Для нас было откровением, что такой человек стал аскетом.

Два примера. Однажды я, совсем ещё незрелый молодой человек, спросил о. Евфимия: «Что мне делать с самим собой? Я такой незрелый и так многого в жизни не понимаю». Он мне ответил вопросом на вопрос: «А вы знаете, сколько лет было Эммануилу Канту, когда он написал свою первую книгу?» И тут я начал соображать, что оказывается созревание личности человека зависит и от того, что он делает, что он творит, а не только, например, от каких-либо внутренних переживаний. Тогда о. Евфимий мне открыл, что Кант написал свою первую книгу в шестьдесят лет. Услышав это, я успокоился, решив, что у меня есть ещё время. Вот такой был о. Евфимий, он сразу находил, что именно следует сказать в том или другом случае.

А вот другой пример. Как-то раз с нами в Муазене поехала одна девушка, которую мы хорошо знали. У неё были в жизни затруднения, и она хотела посоветоваться с архимандритом Евфимием. В это же время за неё начал ухаживать человек, который, по-видимому, был ей дорог. Но из-за общих проблем она склонялась к мысли, что ей следует с ним расстаться. Она спрашивает о. Евфимия: «Как мне поступить?» А он отвечает: «А что с ним будет?» То есть он поменял тональность и дал ей понять, что надо о нём думать, а не о себе.

Мы, студенты Богословского института, ездили в Муазене в то время, когда о. Евфимий начал строить в скиту церковь. Это было в пятидесятых годах. Он строил её своими руками, но был уже стареньким, довольно ветхим, и ему было трудно. Мы помогали ему. Помню, что я месил цемент. Был у нас такой студент, Лёня Никольский, тоже ставший впоследствии

священником, — он много помогал и даже жил в скиту, чтобы строить храм. Раньше в Муазене Казанская церковь находилась в подвале дома. О. Евфимий венчал меня в ней с моей женой. Нам советовали венчаться в Париже в Соборе, но мы так полюбили о. Евфимия, что хотели венчаться только у него.

М. Дорофея ухаживала за старичками, и всё это были русские эмигранты, которым некуда было деться. Как-то я предложил ей устроить им концерт. Она согласилась, и я целый вечер занимал их: читал им стихи, пел песни, аккомпанируя себе на инструменте. О. Евфимий тоже пришёл послушать, сидел и улыбался.

А в Бюсси-ан-От был ещё такой случай. Я приехал туда и из разговора с матушкой Евдокией понял, что незадолго до моего появления в обители был местный католический епископ. Я удивился и спросил её, зачем он приезжал. Она ответила, да, мол, так бывает, он интересуется нашей монастырской жизнью и иногда навещает нас. Услышав это, я уяснил для себя, что монастырь имел уже тогда громадное значение в округе, был на высоком счету.

В конце шестидесятых годов в Покровской обители было уже двадцать сестёр. Невозможно обо всех написать подробно, но упомянем хотя бы некоторых.

В 1960 году в монастырь поступила монахиня Марфа (Меньшикова)¹, уроженка Симферополя, человек добрейшей души. Её послушанием было заниматься курами.

В 1961 году — монахиня Мария (Иглицкая)². М. Евдокия поставила её регентом и писала о ней в одном из писем:

...Надо для справедливости сказать и о таланте нашей регентши с. Марии, которая умеет создать хор из ничего. Она окончила Женевскую консерваторию и замечательно вошла в стиль русского церковного пения. Особенно она любит старинные русские церковные знаменные напевы, а вот — швейцарка!

---

¹ Монахиня Марфа, в миру Мария Георгиевна Меньшикова, урождённая Федченко (1898—1971). Вдова. Пострижена в рясофор (?), в мантию (1973) архимандритом Иовом (Никитиным). Похоронена на деревенском кладбище в Бюсси-ан-От.

² Монахиня Мария, в миру Мириам Исааковна Иглицкая (1911—2003). Родилась в Швейцарии. Регент монастырского хора. Пострижена в рясофор (1965) архимандритом Иовом (Никитиной), в мантию (1994) архиепископом Сергием (Коноваловым). Похоронена на деревенском кладбище в Бюсси-ан-От.

В 1962 году насельницей обители стала будущая игуменья Александра¹, в миру принцесса Илеана, дочь румынского короля Фердинанда I из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов и королевы Марии, урождённой герцогини Эдинбургской.

В сентябре 1964 года м. Евдокия в сопровождении м. Марии (Гамбург) и с. Илеаны, испытываемой послушницы, на шесть недель уехала в Америку. Там м. Евдокия и м. Мария хотели выяснить возможности публикации переведённых литургических текстов, правда, в тот момент эта миссия им не удалась — издание, о котором они мечтали, осуществилось много лет спустя. А с. Илеана собиралась присмотреть землю, которую можно было бы купить, чтобы с Божьей помощью основать на ней православный монастырь. Она располагала средствами для такой покупки — у неё хранились фамильные драгоценности, в частности, очень дорогая диадема, и впоследствии она, получив в 1967 году постриг в мантию, возглавила монастырь в Америке. Через четыре года матушка Евдокия, теперь уже в сопровождении м. Феодосии, снова посетила Америку. Монахини приехали на праздник освящения нового Преображенского храма в Элвуд Сити, в штат Пенсильванию, где игуменья Александра основала свой монастырь.

В первый свой приезд м. Евдокия остановилась в Нью-Йорке на квартире у Ирины Борисовны Ломазней, урождённой княжны Чавчавадзе, и скоро познакомилась с сестрой Ирины Борисовны по матери — Еленой Дмитриевной Лейхтенбергской де Богарне. Вся семья герцога Лейхтенбергского в этот момент ещё не пришла в себя после недавней кончины от рака тридцатилетнего сына и брата Георгия.

Елена Дмитриевна находилась на кладбище у могилы брата, когда ей сообщили о том, что её хочет видеть православная игуменья из Франции. Они встретились, и м. Евдокия сказала совсем просто: «Приезжайте к нам в Бюсси! Вы нам очень можете». Получив такое приглашение, Елена Дмитриевна без

---

¹ Игуменья Александра, в миру румынская принцесса Илеана (1909–1991), родилась в Бухаресте. Была дважды замужем. Первым браком за эрцгерцогом Антоном Австрийским (Габсбург-Тосканским), от которого у неё родилось шестеро детей. Вторым браком за профессором Стефаном Иссареску. Пострижена в рясофор (1966) архимандритами Андреей (Скримой) и Иовом (Никитиным), в мантию (1967) архимандритом Андреем (Скримой). Уехала по послушанию в США (1967), основала монастырь Преображения Господня в Пенсильвании, была его первая игуменья.

*Послушница Илеана
(в миру румынская принцесса)*

*Королевская семья Румынии.
Третий слева —
король Фердинанд;
крайняя справа —
принцесса Илеана,
её обнимает королева Мария*

*М. Александра
(в миру принцесса Илеана)
у входа в дом
в Покровской обители*

М. Марфа (Меньшикова) кормит кур

тени колебаний в декабре месяце решительно собрала чемодан и поехала во Францию поступать в монастырь в полной уверенности, что через м. Евдокию её призывает Сам Господь.

Сестра Елена, получившая в 1979 году при постриге в малую схиму имя Елизавета, позднее вспоминала:

Когда Господь изволил меня вырвать из суетной мирской жизни по милости Божией Матери, произошла моя встреча с матушкой Евдокией. Со временем я увидела, каким она была необыкновенным человеком. Всё, что я в жизни искала в человеке, было в ней: смирение, кротость, духовность, безграничное терпение, любовь без малейшей сентиментальности, простота, здравый смысл и равновесие. Не забуду, как однажды, в самом начале моего пребывания, во время беседы с ней я сказала, что ищу «настоящий» монастырь. (Надо сказать, что моё представление, каким должен быть монастырь, было основано не на опыте, а на том, что я прочла в книгах.) Она с громадным достоинством медленно встала со стула, ничего не говоря, подошла к окну и с грустью посмотрела вдаль. Меня это так потрясло, что я с сжавшимся сердцем ушла в ужасе, как я могла такую вещь сказать ей, которая самоотверженно, в непосильных физических трудах, отдала себя служению Богу в монашестве и привлекла к себе желающих такой же жизни и создала этот монастырь.

Больше всего её радовало, когда сёстры жили в дружной работе и мире между собой. Сама она была полна любви к сёстрам и несла крест каждой из сестёр.

С улыбкой м. Елизавета рассказывала, что первые её шаги в монастыре были омрачены неотступным помыслом, который терзал её душу. Ей представлялось, что игуменья обязательно выгонит её в тот или другой момент и в числе сестёр не оставит. В конце концов она поняла, что этот помысел лучше м. Евдокии открыть. Выслушав послушницу, матушка, не сказав ни слова, взяла бумагу и твёрдой рукой написала: «Сим обязуюсь не выгонять с. Елену. М. Евдокия». И приписала сверху: «И, кроме того, — люблю». В этом «люблю» с. Елена почувствовала не просто обязательную любезность, но глубокую сердечную истину.

Вспоминая покойную игуменью, монахиня Елизавета подчеркивала, что м. Евдокия брала кресты своих сестёр на себя.

Все кресты всех сестёр. Это редко бывает. Но именно такое впечатление создалось у м. Елизаветы, да и у многих, кто к м. Евдокии обращался за духовной поддержкой. Сама испытывала в молодости изрядные скорби, пройдя через бури жестокого века, не теряя упования, она стяжала этот дар, свидетельствующий о внутреннем мире и глубокой молитве.

Рассказ Нины Георгиевны Можайской¹.

В 1958 году мой свёкор Алексей Николаевич Можайский, по профессии инженер-химик, собираясь выходить на пенсию, купил дом вблизи Покровского монастыря в Бюсси-ан-От. Он ещё раньше был знаком с монастырём и не раз приезжал сюда помогать м. Евдокии с сёстрами в строительстве часовни, посвящённой преподобному Серафиму Саровскому. Он поселился здесь с моей свекровью Ольгой Михайловной, а мы с моим мужем Михаилом Алексеевичем сюда часто приезжали. В 1959 году мой муж отбывал воинскую повинность, а я с тремя детьми переехала жить в Бюсси.

М. Евдокия была величественная, но одновременно доступная и улыбочивая. С ней легко было общаться, но держаться за панибрата невозможно. В то время в Бюсси было много разных лавок, я с детьми ходила за покупками, а на обратном пути мы заходили в монастырь. В обители атмосфера была простая и сердечная. Монахини любили наших детей, и они разбегались к разным матушкам. У каждого из них была своя матушка: м. Сергия занималась Катеринкой, м. Бландина — Николаем, а м. Феодосия — Иринкой, причём вообще считала Иринку своей дочкой, которую она мне даёт на воспитание. У м. Бландины с Николаем были мужские разговоры, потому что она ездила на тракторе и обрабатывала землю, и нередко брала Николая с собой.

В шесть лет наша Катеринка заявила, что будет монахиней и хочет официально дать обет. М. Евдокия выслушала нашу дочку весьма серьёзно и отнеслась к её намерению с уважением, но сказала, что сейчас немного рано, а в будущем посмотрим. М. Сергия сказала Катеринке: «Знаешь, самое главное для монахини — это послушание, а ты непослушная». На что та

---

¹ Нина Георгиевна Можайская, урождённая Волохова, род. в 1937 г. в Париже. Окончила русское и новогреческое отделения Школы восточных языков. Активный член РСХД, общественный деятель, переводчица. Жена Михаила Алексеевича Можайского.

М. Феодосия, 1966 г.

С. Елена, будущая
м. Елизавета
(Лейхтенбергская де Богарне).
Начало 70-х годов

и краем
той любви!
+ 28/IV 1968
Сильно обя-
зуюсь не выскладывать
с. Елене
И. м. Евдокии
+

Записка с. Елене от м. Евдокии

ответила: «Ничего, я буду монахиней Феодосией». Надо сказать, что м. Феодосия приняла это со смирением.

Однажды мы с мужем ехали из Парижа в Бюсси на автомобиле, и на нас налетела встречная машина. В результате столкновения я головой разбила переднее стекло. Лицо у меня было изрезано, я вся была в крови. Наш автомобиль был очень повреждён, но какие-то добрые люди предложили нам помощь. И чтобы не пугать детей своим видом, я попросила их везти меня в Покровскую обитель, а не сразу домой. М. Евдокия уложила меня на койку в своей келье, и сёстры немедленно вызвали врача. Это был простой сельский врач, но очень хороший. Он наложил десять швов на мою рассеченную губу и так прекрасно это сделал, что никаких следов не осталось. М. Евдокия держала надо мной лампу, а я сжимала руку мужа, потому что никакого наркоза не было, нужно было терпеть. М. Феодосия во время операции дискутировала с врачом (он был неверующий) по поводу свойств святой воды, убеждая его в том, что святая вода годами не портится, и в доказательство приносила ему бутылочки с водой разных лет.

В шестидесятых годах в Бюсси-ан-От на послушание поступили румынская принцесса Илеана и Елена Дмитриевна герцогиня Лейхтенбергская де Богарне. Таким образом, среди насельниц обители оказались одновременно сразу три принцессы: монахиня Бландина (княжна Оболенская) и послушницы Илеана и Елена. Слухи об этом, по-видимому, распространились по деревне. Как-то раз я возвращалась домой и, проходя мимо монастыря, стала свидетельницей такой сцены: в монастырский двор, тихонечко отворив калитку, проникли две французские девочки лет девяти-десяти. В этот момент у ворот стояла м. Бландина, одетая в скромное старое платье. Больше никого во дворе не было. Взявшись для храбрости за руки, девочки подошли к ней и сказали: «Мадам, можно мы у вас кое-что спросим?» «Конечно, дети. Я вас слушаю». «Мы слышали, что у вас в обители живут настоящие принцессы. Правда ли это?» «Дети, в монастыре нет принцесс и быть не может. Мы все здесь просто сёстры. Монахини покидают мир и отказываются от всех титулов», — ответила м. Бландина. «Да, мадам, спасибо. Не сердитесь, но у нас к вам просьба! Спрячьте нас, пожалуйста, где-нибудь, откуда мы сможем хотя бы издали принцесс увидеть. Очень-очень просим вас. Мы будем хорошо себя вести!»

С моей свекровью у меня в это время были разногласия: она требовала, чтобы я делала реверанс перед принцессой Илеаной, а я отказывалась, объясняя именно так: «Раз она поступила в монастырь, то она больше не принцесса, а послушница».

Конечно, незабываемая личность — это был Александр Павлович Севрюгин. Во время войны с ним произошёл такой случай. Он попал в тюрьму. Несмотря на темноту, он увидел, что в углу висит почерневшая доска. Считая себя неверующим, он, тем не менее, взмолился: «Господи, если Ты существуешь, то выведи меня отсюда, и я посвящу свою жизнь Пресвятой Богородице!» В эту же ночь бомба упала рядом с тем местом, и ему удалось бежать. А потом он приехал в монастырь и жил здесь до самой своей смерти, помогая сёстрам в их нелёгких трудах.

В 1968 году в монастырь поступила с. Лидия (Зильберкрейн). Она была пострижена в мантию о. Иовом (Никитиным) в 1969 году и получила имя Параскева. Через два года она оставила Бюсси-ан-От и уехала в Святую Землю в русский Спасо-Вознесенский монастырь на Елеоне. Там она была поставлена игуменьей (1984–1989).

В 1971 году в число сестёр вошла Антонина Михайловна Осоргина. Её имя связано с созданием в Париже четверговой школы, через которую прошли целые поколения детей русских эмигрантов. Четверговой она называлась потому, что в то время у французских школьников четверг был выходным днём (в настоящее время таким днём является среда). В четверговой школе детям преподавали Закон Божий, русский язык, русскую литературу, историю... Антонина Михайловна была педагог по призванию.

Она очень любила м. Евдокию и часто приезжала в Бюсси. Имея заветное желание стать монахиней, она в конце концов передала свою школу Наталье Борисовне Соллогуб. В 1974 году Антонина Михайловна была пострижена в малую схиму, то есть в мантию, архимандритом Иовом (Никитиным) и получила имя Серафима¹ в честь преподобного Серафима Саровского.

¹ Монахиня Серафима, в миру Антонина Михайловна Осоргина (1901–1985), дочь протоиерея Михаила Осоргина. Родилась недалеко от Калуги в имении Сергиевка. Во Франции с 1931 г. Служила псаломщицей в церкви Свв. Равноапостольных Константина и Елены в Кла-

М. Сеѣфима (Осоргина)

Событием, запомнившимся всем насельникам монастыря, был приезд в Бюсси Александра Исаевича Солженицына.

Рассказ Никиты Алексеевича Струве.¹

Моя жена, Мария Александровна Ельчанинова, знала м. Евдокию ещё по Розе-ан-Бри (где присутствовала при постриге м. Феодосии). В Муазене она тоже бывала, она отдыхала там после тяжёлой болезни. Я в Муазене попал сразу после войны четырнадцатилетним мальчиком и отчётливо помню м. Евдокию, которая на пороге трапезной, варила для гостей суп в громадном котле.

С Покровским монастырём мы познакомились в конце сороковых годов. Мы были совсем молодыми, а м. Евдокия принадлежала к поколению моих родителей, но у неё был, вне всякого сомнения, дар общения с молодёжью. Игуменья радушно принимала нас в своей комнатке, и наши с ней отношения были естественными и сердечными. Она говорила просто, но мудро. Ей было свойственно чувство главного. Главного в церковной жизни, в церковном устройстве. Когда Церковь плохо устроена, она страдает от этого. Но не менее она страдает от увлечения чем-то второстепенным по отношению к Евангельскому Откровению и Слову Божию. М. Евдокии было присуще чувство меры.

В те годы я был уже главным издателем «Вестника РСХД» и искал софрудников. Писать для журнала м. Евдокия отказалась, но согласилась на мою просьбу переводить статьи с английского языка на русский. Будучи культурным и талантливым человеком, она, возможно, немножко тосковала по интеллектуальной деятельности, которой у нее, в общем, не было.

маре. Начальница четверговой школы сперва в Кламаре, потом в Париже, преподавала русский язык и русскую литературу. Погребена на местном кладбище в Бюсси-ан-От.

¹ Никита Алексеевич Струве родился в 1931 г. в Париже. Окончил филологический факультет Сорбонны. Преподавал в Сорбонне, а позднее в университете в Нантере русский язык и русскую литературу. Директор издательства ИМКА-ПРЕСС, где впервые был издан «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Редактор православных журналов «Вестник РХД» и «Messenger Orthodоxe». В 1990 г. впервые поехал в Россию и стал одним из трёх учредителей (совместно с В. А. Москвиным и Н. Д. Солженицыной) Дома русского зарубежья на Таганке.

Она взялась переводить книгу о. Льва (Жилле)¹ о Иисусовой молитве, хотя со многим в ней не была согласна², затем перевела статью о. Георгия Флоровского. На этом ввиду крайней занятости м. Евдокии наше журнальное сотрудничество прекратилась.

Кроме матери игуменьи нам с женой были очень близки м. Бландина и м. Феодосия. Выдающимся человеком, конечно, была м. Ия. Она производила впечатление очень цельной личности.

В 1974 году из Советского Союза на Запад был выслан Солженицын. Я встретился с ним в Цюрихе, где он ожидал свою семью. Потом они прибыли к нам в Париж и даже жили у нас несколько дней, несмотря на нашу тесноту, — Александру Исаевичу хотелось окунуться в атмосферу дома потомков старых русских эмигрантов. Была зима, но стояла чудесная солнечная погода, и он пожелал немного поездить по Франции. Я предложил отвезти его в Покровскую обитель познакомиться с м. Евдокией, её монахинями, а также с Александром Павловичем Севрюгиным, и ему понравилась моя мысль. 21 декабря умерла м. Бландина, только что были её похороны, и когда мы приехали в Бюсси, там как раз служили панихиду. М. Бландина очень уважала Солженицына, и молилась за него, и я подумал тогда, что есть что-то особенное в том, что Александр Исаевич, целый и невредимый, стоит среди нас и молится о упокоении новопреставленной монахини Бландины.

Ему было важно собрать живые свидетельства о гражданской войне. Севрюгин как участник двух гражданских войн в России и в Сербии был источником уникальной информации. Они довольно долго сидели, уединившись в комнате Александра Павловича, и Солженицын записывал его рассказы. Я рад был, что они познакомились: Севрюгин был человек незаурядный, по своему ни на кого не похожий. Я за свою жизнь только одного такого и встретил. Своим обликом он не походил на современного человека, а, казалось, был из XIX века, вышедшим прямо из Севастопольских окопов.

---

¹ М. Евдокия перевела книгу архимандрита Льва (Жилле) «О призывании имени Иисуса» (напечатана в «Вестнике РСХД» №№ 3, 4, 6 за 1952 г.) и статью протоиерея Георгия Флоровского «Евангелие Воскресения» («Вестник» №2 за 1953 г.) По просьбе переводчицы имя её указано не было.

² Готовятся к печати письма игуменьи Евдокии с Н. А. Струве.

*Приезд
в Покровскую обитель
А. И. Солженицына,
1974 г.*

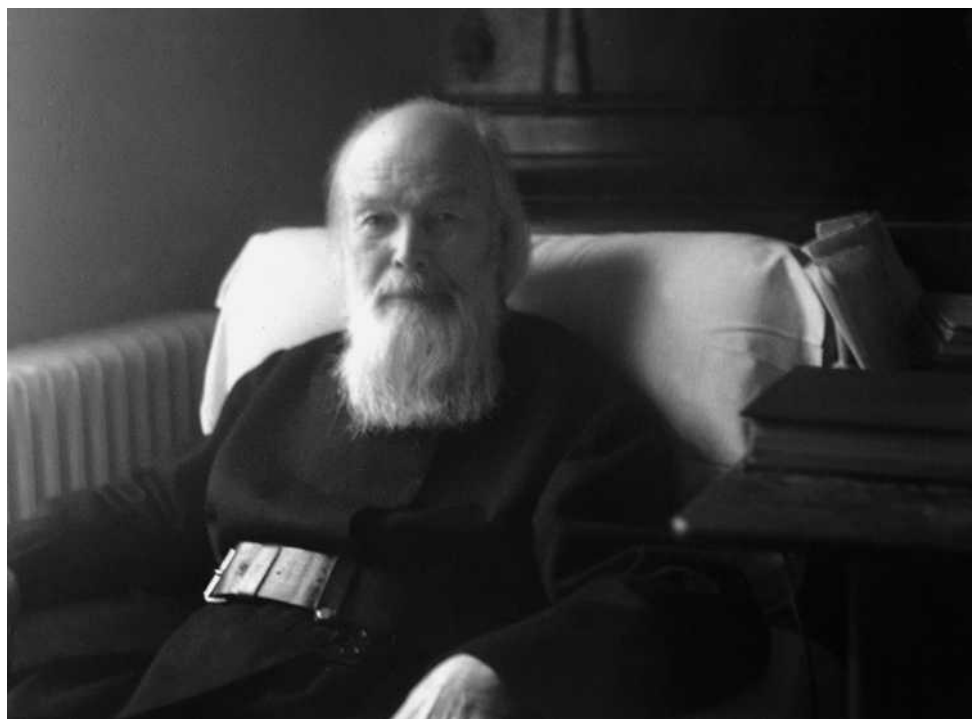
*Слева направо:
Мария Михайловна
Осоргина,
м. Серафима,
А. И. Солженицын*

А. И. Солженицын в комнате А. П. Севрюгина

*А. П. Севрюгин
и А. И. Солженицын*

О. Иов (Никитин). Мурмелон-ле-Гран

Матушка Евдокия имела особенную харизму привлекать людей к монашеству. Будущей монахине Анне, когда та впервые приехала в Покровскую обитель, м. Евдокия сказала: «Почему бы вам не остаться с нами?» Молодая француженка удивилась. Но эти слова принесли в её душе плод и через одиннадцать лет, уже после смерти м. Евдокии, она вошла в число сестёр монастыря.

Рассказ монахини Анны.

В первый раз я приехала в Покровский монастырь в 1966 году в Вербное Воскресение, чтобы провести здесь Страстную седмицу. Я приехала католичкой и через три дня приняла православие. Это была моя первая Страстная седмица, которую я проводила в православной церкви. Я ещё не знала богослужений, но как-то вошла в них и с каждым днём находила всё большее духовное богатство в чтении и пении. В течение дня я помогала на кухне. Спала я на чердаке, так как в монастыре всё было заполнено народом, паломниками. Но я была как в раю. В Пасхальную ночь мы все собрались очень близко друг к другу за столом. Я сидела недалеко от м. Евдокии, вечером мне надо было возвращаться в Париж. И вдруг м. Евдокия мне говорит: «Почему бы вам не остаться с нами?» Я была очень удивлена этим вопросом, потому что в тот момент совершенно не думала поступать в монастырь. После этого я часто приезжала в Бюсси: я была студенткой, и у меня бывали свободные дни, когда я могла приехать. Сёстры принимали меня с большой любовью. Они работали очень тяжело на полях, с коровами, курами, и надо было носить дрова для кухни, чтобы топить печь, много было посетителей.

М. Евдокия иногда звала меня к себе, чтобы поговорить. Я стеснялась, не знала, что сказать, и никогда не спрашивала ни у кого никакого совета. Но я её слушала. Она дала мне прочитать житие святой Мелании, которая покинула мир, чтобы последовать за Христом. Это меня очень заинтересовало, но я не видела ничего общего между её жизнью и моей.

Вспоминаю, как мы, группа молодёжи, приехали на несколько дней в монастырь. М. Евдокия с большой любовью, но и с большим авторитетом нас всех собрала и начала говорить о монашеском послушании. И на этот раз я ничего не поняла и спрашивала себя, зачем надо слушаться, — я привыкла жить как-то самостоятельно. Но, несмотря на это, какой-то вопрос меня

Матушка Евдокия среди своих цветов.

М. Анна (Грюнвальд)

всё время беспокоил, как бы был со мной: где хочет Господь, чтобы я жила?.. Когда я была в Бюсси и гуляла вокруг монастыря, этот вопрос всё возвращался: а, может быть, это будет Бюсси? Но не было никакого внутреннего ответа. Потом я уехала из Франции на четыре года с лишним, и когда вернулась, мне посоветовали поехать в Покровскую обитель. Я написала м. Евдокии, но не получила ответа.

Когда я приехала в монастырь, я попросила разрешения поведать м. Евдокию. Это было начало июля 1977 года. М. Евдокия недавно скончалась, и я приехала уже после её отпевания.

Я первая француженка в этой общине, которая очень разрослась теперь. И когда я думаю о матушке Евдокии, я всегда вспоминаю слова Спасителя: «Если семя не умрёт, оно не может дать плода». М. Евдокия посеяла, а плодов теперь очень много.

Елене Ивановне Слёзкиной, будущей игуменье Ольге, м. Евдокия говорила: «Вы будете в Бюсси игуменьею». При каждой новой встрече матушка повторяла эти слова и спрашивала: «Когда же вы поступите в нашу обитель?» В то время Е. И. Слёзкина никак не могла оставить дорогой её сердцу аньерский приход, одинокую маму и свою преподавательскую деятельность. Прошло много лет, и в 1988 году вторая игуменья монастыря, м. Феодосия, вызвала Елену Ивановну, уже в то время тайную инокиню, для серьёзного разговора. Она знала о желании м. Евдокии, предчувствовала, что скоро ей самой придётся держать ответ пред Создателем¹, и, боясь греха, никак не хотела умереть, не выполнив воли предшественницы в игуменском сане. Она напомнила м. Ольге о том, что ей предстоит быть в монастыре её преемницей.

Рассказ игуменьи Ольги.

Моя первая встреча с м. Евдокией произошла во второй половине тридцатых годов в Париже на улице Лурмель. Я пришла туда на лекцию Бердяева. С первой минуты м. Евдокия произвела на меня очень хорошее впечатление. Я почувствовала, что передо мной человек горячей веры, очень любящий Бога.

---

¹ Игуменья Феодосия умерла 15 сентября 1992 г.

Игуменья Ольга (Слѣзкина)

М. Евдокия желала создать монашескую общину и собрать людей, которые могли бы жить, трудиться и молиться вместе, свидетельствуя в инославном мире о красоте и истинности православия. После войны она и с ней три монахини основали Покровскую обитель, куда я впервые приехала в конце сороковых годов. В это время я, будучи духовной дочерью владыки Мефодия, была прихожанкой церкви в честь Всемилоственного Спаса в Аньере. Не могу забыть, как по благословению митрополита Владимира 1 ноября 1958 года владыка Мефодий совершил в Бюсси-ан-От постриг моего большого друга Лидии Савельевны Волковой¹ в малую схиму. Владыка Мефодий предполагал постричь Лидию Савельевну в рясофор, но м. Евдокия возвысила свой голос и сказала: «Владыка, перед Вами очень пожилой человек! Её следует постригать в мантию!» Служба была такая умирительная и молитвенная, так ощутима была разлитая повсюду в церкви благодать Духа Святого, что все присутствующие в сердцах своих радовались за новую монахиню, получившую имя Нонна. После пострига я подошла к м. Евдокии — она вся сияла от счастья. Я так ей и сказала: «Матушка, вы вся сияете!» А она мне в ответ: «Так и вы от радости сияете! Можно подумать, что постригали вас, а не м. Нонну!»

После смерти владыки Мефодия в моей жизни наступил очень тяжёлый период. Он был моим духовником в течение сорока лет, и мне было трудно исповедоваться кому-либо другому. Как-то я была в Бюсси и решила поговорить об исповеди с м. Евдокией. Я стеснялась отнимать у неё время, но она радушно пригласила меня к себе, и сначала мы с ней задушевно побеседовали о том, о сём. А потом я сказала: «У меня вопрос об исповеди. Всё время приходится называть одни и те же грехи. Есть ли в этом смысл?» Она ответила: «Да, есть. Это,

---

¹ Монахиня Нонна, в миру Лидия Савельевна Волкова (1896—1975), род. в Измаиле, будучи дочерью коменданта крепости. С 1914 г. — сестра милосердия в Российском обществе Красного Креста. После отступления Белой армии эвакуировалась с Красным Крестом сначала в Крым, а потом в Константинополь (1921). С 1924 г. в Париже, работала в госпиталях и клиниках. По её инициативе в храме в Аньере с благословения о. Мефодия открылась амбулатория для бедных. С 1940 г. официально назначена сестрой милосердия при Аньерском приходе, где подвизалась до конца своих дней. Погребена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

как полоть сорную траву в огороде. Надо делать это постоянно. Душа зарастает грехами, как сорняками, и надо чистить её, чтобы добрые семена могли взойти и принести плод».

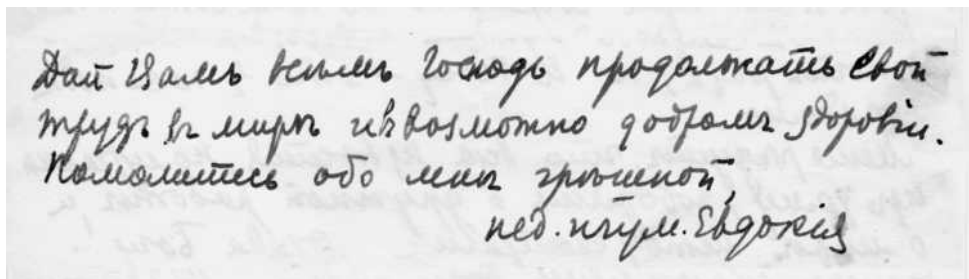
И ещё мне запомнился один случай, произошедший через много лет после смерти матушки основательницы. Здесь, в Бюсси, я и ещё одна наша монахиня были на почте. К нам подошёл какой-то пожилой человек — местный житель. Он спросил нас, знали ли мы м. Евдокию. Мы ответили ему: «Да, конечно». Он обрадовался и воскликнул: «Какой она была прекрасный человек! Какое доброе сердце! От неё исходил свет! М. Евдокию знал и мой отец, мы бывали у неё, мы очень её любили!»

В 1975 году м. Евдокия снова заболела. Стало отказывать сердце. Несколько раз была в больнице. И, находясь там, выводила слабой дрожащей рукой на листиках бумаги, чтобы рука не разучилась писать: «Мать Евдокия Мещерякова-Куртэн. Вскую Ты оставил меня, Господи? Вскую прискорбна есть душа моя? Пресвятая Богородице, спаси мя». Последние два года своей жизни она была тяжело больна, но сохраняла превосходную память и ясность мышления. И ещё успела по просьбе сестёр записать на диктофон свои воспоминания, во многом лёгшие на страницы этой книги. 6 июня 1977 года в первый день Петровского поста её срочно госпитализировали и через неделю решились оперировать. День операции пришёлся на празднование дня памяти святой великомученицы Феодосии, имя которой носила будущая преемница матушки Евдокии в игуменском сане. Как будто бы матушка завещала ей: «Я ухожу, а ты живи». М. Феодосия, горячо любившая свою игуменью, называла её «солнышко». Зашло солнышко. Через две недели после операции в пятницу 24 июня 1977 года в 22 часа 45 минут в городской больнице в Жуани игуменья Евдокия скончалась.

Её тело сразу же привезли в Покровскую церковь в Бюсси, и духовник обители архимандрит Иов (Никитин) в час ночи служил первую панихиду. В понедельник 27 июня епископ Георгий (Вагнер)¹ совершил отпевание почившей в сослужении

¹ Архиепископ Георгий (Вагнер) (1930–1993). Родился в Берлине в протестантской семье. В 1948 г. принял православие. Окончил Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже и остался преподавать в нём каноническое право и литургику. В 1955 г. был рукоположен в

с архимандритом Иовом, протоиереем Николаем Оболенским, протоиереем Борисом Бобринским, протоиереем Георгием Дроботом, протоиереем Петром Чесноковым, иереем Петром Нивьером, иеромонахом Гавриилом (Патачи) при большом стечении народа. Оплакиваемая сёстрами-монахинями матушка была погребена на деревенском кладбище в Бюсси-ан-От.

Дай Царь Великий Господь продолжайте свой
труд в мире и возможно добром здоровьем.
Помолитесь обо мне грешной,
неб. игумен. Евдокия

Конец и Богу слава.

дьяконы и священники. Профессор канонического права и литургики (1967 г.). Пострижен в рясофор в 1971 г. Епископ Евдокиадский, викарий Русской Православной Церкви в Западной Европе. С 1981 г. архиепископ Евдокиадский, предстоятель Православных Русских Церквей в Западной Европе. Умер в 1993 г. Похоронен в крипте Успенской церкви на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Библиография

- Басова И.* Покровская обитель. Париж, 1996.
- Большакова Н.* Христианство осуществимо на земле. Рига, 2006.
- Вениамин (Федченков), митр.* Божии люди. Мои духовные встречи. М., 1990.
- Вестник РХД. Париж–Нью-Йорк–Москва, 1971. №101–102.
- Вечное. Asnières, 1958. № 121.
- Галиченко А., Авраменко Л.* Под сенью Ай-Петри. Ялта в омуте истории. 1920–1921 годы. Феодосия; М., 2006.
- Диалог художника и богослова. Ю. Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. М., 2011.
- Рукописный дневник монашеской общины из Розе-ан-Бри. 1936.
- Евдокия (Мещерякова), игуменья.* Воспоминания об о. Сергии Шкукине // Вестник РСХД (Париж). 1977. № 122.
- Она же.* Записи. Рукопись из архива Покровского монастыря в Бюсси-ан-От.
- Зандер Л. А. О. Сергей Булгаков.* Париж, 1945.
- Игуменья Мелания (1880–1949). Сборник воспоминаний, посвящённых игуменье Мелании. Машинописная брошюра. Розе-ан-Бри, 1960.
- Кривошеина К. И.* Красота спасающая. Мать Мария (Скобцова). СПб., 2004.
- Манухина Т.* Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.
- Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Париж, 1992.

Она же. Вторая заповедь // Православное дело. Сборник I. Париж, 1939.

Она же. Что такое церковность. Избранные труды преподобномученицы Марии (Скобцовой). Киев, 2006.

Митрополит Владимир. Святитель-молитвенник. Париж, 1965.

Николай (Доненко), прот. Новомученики Феодосии. Феодосия; М., 2005.

Нерсесова (Бару) Е. А. Под сенью Меньшиковой башни. Тетрадь 2. Машинописная брошюра.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе (1920–1995). М.; Париж, 2007.

Павленко П. Г. «...В начале жизни школу помню я». Симферополь, 2006.

Зандер Л. А. Памяти о. Сергия Булгакова. Париж, 1945.

Сергий (Гаккель), прот. Мать Мария. Париж, 1980.

Стрuve Н. А. Вступительная статья // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк, 1957. №47.

Он же. Мать Евдокия // Вестник РХД. Париж–Нью-Йорк–Москва, 1977. №122

Хроника семьи Зёрновых. Т. 2: За рубежом (Белград–Париж–Оксфорд, 1921–1972). Париж, 1973.

Церковный вестник Западноевропейской епархии. Париж, 1946. № 1.

Sobornost : The Journal of the Fellowship of St. Alban and St. Sergius. 1934. № 24.

Оглавление

Вступительное слово. <i>О. Борис Бобринский</i>	5
Предисловие. <i>Ирина Басова</i>	6
Глава 1	9
Глава 2	35
Глава 3	58
Глава 4	74
Глава 5	90
Глава 6	115
Глава 7	135
Глава 8	147
Глава 9	189
Глава 10	214
Библиография	254